

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена»

На правах рукописи

Спицина Евгения Викторовна

«Объединительные тенденции и конституционная идея в российском
общественно-политическом движении конца 1870-х – середины 1880-х гг.»

Специальность: 5.6.1 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук,
профессор,
заведующий кафедрой
русской истории (XIX – XXI вв.)
Николаев Андрей Борисович

Санкт-Петербург
2023

Содержание:

Введение.....	3
Глава 1. Оппозиция слева (конец 1870-х – начало 1880-х гг.). Земство и революционный радикализм.....	34
§ 1. Земская оппозиция конца 1870-х – начала 1880-х гг.....	34
§ 2. Революционный конституционализм рубежа 1870-х – 1880-х гг....	53
§ 3. Земцы и революционеры: мечта о «Земском союзе».....	73
§ 4. «Ближайшие задачи земства». Конец легальности.....	93
Глава 2. Либеральный консерватизм «Святой дружины» (1881 – 1882 гг.).....	113
§ 1. Принципы формальные: «тайное общество борьбы с крамолой».....	113
§ 2. Принципы неформальные: «оппозиция его величеству».....	132
§ 3. «Вольное слово», М.П. Драгоманов и земская идея.....	154
§ 4. «Программа Общества Земского союза и самоуправления».....	173
Глава 3. В поисках союза: революционная Женева.....	189
§ 1. М.П. Драгоманов и революционная эмиграция.....	189
§ 2. «Святая дружина» и революционеры: поиск компромисса.....	209
§ 3. Несостоявшееся объединение.....	226
§ 4. «Земский союз»: живая идея.....	244
Заключение.....	258
Список использованных источников и литературы.....	268

ВВЕДЕНИЕ

История России второй половины XIX в. ознаменована глубинными переменами социальной жизни страны. Системный кризис, проявивший себя на всех уровнях жизнедеятельности государства, был в то же время признаком его глубинной качественной трансформации, что по необходимости нашло свое отражение в области общественной мысли. Представители различных ее направлений пытались осмыслить ход развития исторической жизни России, понять динамику этого движения и распознать его ключевые тенденции и перспективы. То, какие ответы выработывала общественная мысль на данные вопросы, являлось способом ее самоопределения и более или менее относительной самоидентификации как мысли консервативной, либеральной и революционной, каждая из которых в свою очередь искала способ политической реализации.

В этом отношении особого внимания заслуживает период конца 70-х – начала 80-х гг. XIX в., поскольку именно на это время пришлась кульминация политического кризиса. Его апогеем стала гибель Александра II и последовавшее за этим событие смятение в правительственных и околоправительственных кругах, на фоне которого различные общественные силы, взаимодействуя и соперничая друг с другом, активно формулировали и пытались добиваться продвижения своих проектов «оздоровления» общественно-политической системы страны. Поиски путей практического воплощения различными группами своих политических программ еще более обостряли существующие противоречия, что в обстановке неопределенности порой выливалось в жесткую и не всегда этически безукоризненную борьбу за политическое пространство и влияние на аппарат управления. Эта борьба, как и весь контекст исторического момента, явились катализатором перемен в самом политическом сознании действующих революционных, либеральных и умеренно консервативных групп. Причем изменения касались сущностных, принципиальных оснований, поскольку кризис актуализировал вопрос о практическом потенциале их мировоззренческих установок и программ. Перед

сторонниками данных групп стояла задача выявить коренные причины кризиса и распознать тенденции и динамику развития российского общества, т. е. дать верный социальный прогноз и на его основании предложить проект эффективного государственного управления. Процесс дальнейшей эволюции революционной, либеральной и консервативной программ предопределил практическую сторону их существования в указанный период, в том числе отношения их деятельных членов с властью, к которой обращались их проекты «оздоровления» ситуации, и друг с другом. Следствием же активного поиска путей преодоления кризиса стало движение представителей различных общественно-политических групп к осознанию необходимости формулирования общих, приоритетных по отношению к частностям, тактических ориентиров и принципов, общего рационального ядра всех проектов, вокруг которого могли бы сплотиться общественные силы. Признаком и выражением взаимного движения к идейному синтезу в конце 1870-х – середине 1880-х гг. стало стремление к практической консолидации сил на основе общего политического требования – требования конституции.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что, при общей научной популярности сюжетов общественно-политической тематики и истории политической мысли в целом, проблема внутренней динамики политического развития России и логики этой динамики в интересующий нас период до сих пор оставалась почти не изученной. Вопрос сущностных качеств идейного поля российской действительности в конце 1870-х – начале 1880-х гг. и разворачивающихся в нем тенденций, самого способа, каким эти тенденции себя реализовывали, исследователей интересовало мало. В то же время именно такой подход, предполагающий особое внимание к исследованию форм изучаемых феноменов, будь то процессы или явления, как способов их бытия и их действительности в конкретном историческом контексте представляется принципиальным для целостного осмысления всего общественно-политического пространства периода. Понимание тенденций и механизмов их осуществления способно с достаточной определенностью

осветить и содержание частных вопросов, которые включает в себя широчайшее проблемное поле общественно-политической истории России – это и история конкретных политических направлений и партий, и отдельные вопросы истории государственного управления и функционирования аппарата власти и проч.

Действительное понимание этих сюжетов представляется возможным только посредством их осмысления в контексте исследования тенденций исторического развития, их динамики, направленности и формы. В противном случае недостаток необходимой системности ведет к искусственному сужению исследуемого феномена вплоть до его практически полного абстрагирования, что становится следствием искусственного сужения изучаемого предмета до его отдельных разрозненных сторон, например, хронологии или частных фактологических признаков – без выявления их сущностной связи с контекстом исторического пространства. Вопрос же о том, как осуществлялся исследуемый процесс или явление и почему он осуществлялся именно таким образом, как правило, в исследованиях о политической жизни России последней четверти XIX в. вообще не ставится.

Кроме того, даже в области преимущественно фактологических изысканий степень изученности истории общественно-политических течений в указанный период следует признать недостаточной. Разработки получали лишь узкие, концептуально не связанные друг с другом проблемы; тогда как вопрос о взаимосвязях разных групп оппозиции и постоянном процессе их идейных трансформаций, другими словами, вопрос о внутренней динамике политической мысли в исторической литературе не рассматривался.

Отдельно также стоит указать на проблемы, связанные с историей «Святой дружины». Несмотря на живой интерес исследователей, проблема политической идентификации ее лидеров до сих пор не получила должного освещения ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. В процессе более чем столетней дискуссии сформировались основные подходы к пониманию сущности этого тайного сообщества, однако при ближайшем

рассмотрении суждения авторов по данному вопросу не кажутся достаточно аргументированными, а зачастую и вовсе вызывают сомнения в непредвзятости исследователя. В то же время эти суждения прямо влияют на картину восприятия общественно-политической истории России последней четверти XIX в. в целом, что еще раз подчеркивает необходимость критического переосмысления историографии данного сюжета.

Проблема связи лидеров «Святой дружины» с революционерами, земскими либералами и украинофилами-федералистами представляется тут одной из самых острых, поскольку затрагивает ряд важнейших вопросов отнюдь не только исторического прошлого. Среди них – актуальная проблема противостояния политических группировок, исторический вопрос антагонизма «эволюционного» и «революционного» подходов к пониманию исторического процесса, проблемы национальной и культурной самобытности народов, гражданского правосознания, специфики функционирования политических институтов, в том числе института верховной государственной власти, а также широкий спектр других вопросов, касающихся взаимоотношений государства и общества.

Таким образом, необходимость изучения интересующих нас сюжетов обусловлена потребностями не только узко научными – историческими, историографическими, методологическими – но имеет потенциальное значение и для понимания современных общественно-политических процессов.

Терминология. Под *оппозицией* в исследовании понимается активная противодействующая сила в контексте политического противостояния определенных социальных групп и институтов государственной власти. Основным свойством данного отношения является противопоставление представителями оппозиции своих социально-экономических, политических, культурных и прочих воззрений принципам, реализуемым существующим государственным курсом, неприятие направления этого курса в целом и методов его осуществления.

Под *конституционализмом* мы понимаем систему общественно-политических воззрений, в основе которых лежит признание верховенства правового порядка в жизни общества и государства. Базовым принципом общественных отношений при конституционализме является признание неприкосновенности прав и свобод личности, гарантия которых есть главная обязанность государства и его институтов.

Либеральный консерватизм – это направление общественно-политической мысли, синтезирующее базовые прогрессистские установки либерального учения, такие как политический реформизм, требование гарантий прав и свобод личности, верховенства правового порядка и т. д. со свойственным консерватизму признанием приоритетной роли государства в социальной жизни, высокой ценности общественного порядка, культурных и нравственных традиций. Впервые эта синтетичность и рефлексивность либерально-консервативной мысли была обозначена П.Б. Струве, который характеризовал феномен «либерального консерватизма» или «консервативного либерализма» как точку схода либеральных и консервативных ценностей, «ибо, как без свободы лица невозможна крепость современного государства, так без крепости государства как всенародного единства, невозможна свобода лица»¹. В том же значении данный термин используется и современными исследователями².

Постановка проблемы. При исследовании тенденций общественно-политической жизни России в конце 1870-х – середине 1880-х гг., принципиальное значение имеет ответ на вопрос: можно ли говорить о

¹ Струве П.Б. О мере и границах либерального консерватизма // Полис. Политические исследования. М., 1994. № 3. С. 131 – 134.

² См.: Иванов А.А. Политические партии России. Конец XIX – начало XX в. В трех томах. Т. 1. Консервативные партии М., 2022. 599 с.; Иванов С.С. Политические истоки либерального консерватизма в России // Вестник Поволжского института управления. Саратов, 2017. Т. 17. № 6. С. 95 – 101; Омельченко Н.А. Свобода или порядок (к вопросу о консервативной и либеральной традиции в России) // Власть. М., 2009. № 4. С. 18 – 21.

существовании в интересующий нас период движения к идейному и практическому сближению сил российской оппозиции на почве признания ее представителями необходимости объединения усилий в борьбе за прогрессивные политические преобразования; имело ли это движение своим выражением стремление оппозиционных групп к выработке общей обоюдно приемлемой конституционной платформы?

Объектом исследования служат оппозиционные группы российского общественно-политического движения, а именно: земско-либеральные, южнорусские украинофильские круги, революционная (народовольческая и чернопередельческая) эмиграция, а также идейный центр тайной организации «Святая дружина».

Предмет исследования – общественно-политические идеи лидеров оппозиционных земств, украинофильских групп, в частности, М.П. Драгоманова, представителей революционной эмиграции, а также политические воззрения лидеров «Святой дружины»; деятельность представителей этих групп, направленная на достижение своих политических целей посредством попыток нелегального объединения сил оппозиции; стремление к программному и тактическому союзу оппозиционных сил, выражавшееся в попытках выработки общей конституционной платформы.

Цель исследования состоит в выявлении сущностных характеристик общественно-политических, в частности объединительных, тенденций в оппозиционной среде в конце 1870-х – середине 1880-х гг. в контексте их связи с идеей конституционализма.

Цель исследования предполагает решение следующих **научных задач**:

– определить на основе делопроизводственных, публицистических и личных материалов особенности политического облика представителей указанных оппозиционных групп посредством изучения того, как ими осмыслялись и формулировались их ближайшие политические задачи, конечные цели и тактические решения;

– выявить ключевые моменты деятельности лидеров «Святой дружины», земских либералов и крупных представителей революционной эмиграции в указанный период, позволяющие охарактеризовать идейно-политическую доминанту их практической и теоретической работы;

– проанализировать особенности взаимоотношений лидеров интересующих нас групп в контексте выявленных тенденций общественно-политической жизни страны и, в частности, в связи с постепенным признанием их представителями общей направленности своих программ и, следовательно, возможности координации деятельности по осуществлению общих целей.

Хронологические рамки исследования охватывают период конца 1870-х – начала и середины 1880-х гг., т. е. включают в себя время наиболее активной практической деятельности представителей интересующих нас групп по созданию единого вектора общественно-политической деятельности. Кроме того, указанный временной отрезок позволяет проследить генезис и направленность развития идеи объединения сил оппозиции на базе конституционализма.

Территориальные рамки исследования. В основе исследования лежат как внутрироссийские по происхождению, так и зарубежные материалы. К первым мы относим материалы, появившиеся в Петербурге, где в 1881 г. была создана организация «Святая дружина», в Центральной России и Поволжье (Москва, Тверь, Симбирск и т.д.), то есть в регионах наблюдалось активное земско-оппозиционное движение, а также южнороссийского происхождения (территория современной Украины), где помимо активной земской оппозиции существовали центры революционного и украинофильского движений. Ко второй группе – материалы, созданные в Женеве, Цюрихе, Париже и других европейских городах, ставших с конца 1870-х гг. крупными центрами российской политической эмиграции.

Методология и методы исследования. В основе работы лежат фундаментальные принципы исторической науки – принципы историзма, объективности и системности исторического исследования. Базовые

принципы историзма и объективности предполагают, во-первых, всестороннее изучение совокупности объективных и субъективных факторов и их отношений в изучаемом процессе, достаточной для понимания исследуемого феномена. Сам факт понимания, в свою очередь, подразумевает верифицируемость умозаключений автора о предмете исследования. Во-вторых, принцип объективности требует от исследователя непредвзятого истолкования исторического материала и не допускает сентенций и суждений, детерминированных личными политическими, религиозными, эстетическими и проч. предпочтениями. На практике оперирование данными принципами невозможно без понимания внутренней целостности и системности самого исторического процесса, каждый момент которого «погружен» в свой контекст, неотделим от него и вне него исследованию недоступен. Абстрагирование характеристик исследуемого явления в данном случае недопустимо, поскольку такое «отретушированное» восприятие событийного и смыслового поля открывает путь произвольным истолкованиям и противоречит принципам научного исторического подхода.

Данные методологические установки послужили опорой в осмыслении проблематики исследования и поиске методов решения поставленных научных задач. В исследовании были применены следующие научные методы:

историко-генетический метод – при выявлении особенностей политических воззрений и целей руководства «Святой дружины», лидеров земской и украинофильской оппозиции и революционных групп; метод позволил воссоздать конкретно-историческую канву теоретической и практической деятельности рассматриваемых групп оппозиции и проанализировать направленность этой деятельности;

историко-сравнительный метод – для понимания индивидуальных политических воззрений деятелей «Святой дружины», земских, украинофильских и революционных кругов, выявления в их взглядах общего и особенного, в том числе относительно идей конституционализма и представительства;

историко-типологический метод – позволил охарактеризовать воззрения лидеров «Святой дружины», земской и южнорусской оппозиции, революционных деятелей периода; определить их политические программы как по существу конституционные;

историко-системный метод – применялся в качестве базового в решении проблемы интерпретации исторического материала. Исходя из принципа целостности исторического процесса, полагающего смыслообразующее значение единства в историческом процессе общего и особенного, синтеза субъективных и объективных факторов при исследовании любого явления или сюжета, мы попытались изучить внутреннюю динамику общественно-политической жизни России в указанный период и выявить в связи с обозначенными тенденциями направленность и ключевые программные установки теоретической и практической деятельности разных оппозиционных групп.

Положения, выносимые на защиту:

1. В конце 1870-х гг. в среде земской оппозиции наблюдалось стремление к объединению усилий на легальных, а затем и на нелегальных основаниях. Лидерами ряда земств были предприняты попытки придать оппозиционному движению форму организации, которая объединила бы на основе общей конституционной программы земские, революционные и украинофильские группы.

2. В конце 1870-х – начале 1880-х гг. революционная концепция общественного переустройства претерпевает принципиальные изменения. В процессе дискуссий о целях и средствах движения все больше сторонников приобретает мысль о необходимости насущной, практически ориентированной политической программы и пользе борьбы за удовлетворение «ближайших» нужд общественной жизни, среди которых главными признаются конституция и народное представительство.

3. Политический облик «Святой дружины» в лице ее лидеров (П.П. Шувалова, П.П. Демидова Сан-Донато, И.И. Воронцова-Дашкова) может быть

определен как либерально-консервативный, поскольку сочетает в себе умеренно-реформистскую направленность (требование неприкосновенности прав личности, идеи народного представительства с законодательными функциями и т. д.) с признанием самоценности государства и его блага (сильная власть как проводник социальной модернизации и ее цель).

4. Женевская газета «Вольное слово», созданная и финансируемая «Святой дружиной», стала средством проведения идей конституционализма, самоуправления и мирного политического развития. Также издание популяризировало мысль о необходимости тактического объединения сил оппозиции и выработки общей политической платформы для совместной борьбы за конституционное переустройство Российской империи. Газета не носила провокационного в полицейском смысле характера и не служила целям политического сыска.

5. «Земский союз», от имени которого выступала редакция «Вольного слова», формально не существовал, однако, как идея организации, был формулой, отражающей направление устремлений наиболее деятельной части революционных, земских и умеренно консервативных сил. Формула «Земского союза» проистекала из логики развития их идей в исследуемый период и обозначала осознание представителями оппозиционной среды потребности в создании некоей единой структуры, то есть в упорядочивании своей деятельности. Данная структура должна была выражать общность конституционных требований оппозиции и служить организационным центром ее общественно-политической работы. Попыткой создания общей политической платформы объединенной оппозиции была «Политическая программа общества “Земский союз”», разработанная М.П. Драгомановым, П.П. Шуваловым и А.П. Мальшинским. Существовавший только на бумаге «Земский союз» и его политическая программа должны были подготовить базу для консолидации сил оппозиции на земско-конституционных основах и тем самым приобрести функциональную действительность.

6. В начале 1880-х гг. представителями «Святой дружины» были инициированы попытки заключить тактическое соглашение с революционной эмиграцией на основе политических принципов «Вольного слова», а именно: конституционализм, мирная политическая борьба, самоуправление и народное представительство. Достигнутая договоренность предполагала прекращение террористической деятельности в обмен на свободу печати, мирной пропагандистской работы, расширение полномочий органов местного самоуправления, политическую амнистию и ряд других мер, добиться осуществления которых лидеры «Дружины» рассчитывали посредством своего личного влияния на императора.

7. Договоренность между «дружинниками» (уже пришедшими к согласию с земско-украинофильской средой на базе «Вольного слова») и революционерами не была формальным образом зафиксирована в силу серьезных перемен при дворе. К концу декабря 1882 г. усилиями консервативной группы в лице Д.А. Толстого, К.П. Победоносцева, Н.П. Судейкина и др. «либеральная» придворная группировка, к которой принадлежали основатели «Дружины», была дискредитирована в глазах императора и положение П.П. Шувалова и И.И. Воронцова-Дашкова оказалось крайне шатким. В связи с резким прекращением переговоров и разворачиванием масштабных мер полицейского надзора и преследований, стремление оппозиционных сил к взаимовыгодному союзу так и не было в практическом отношении реализовано, не получило форму организации.

8. Идея «Земского союза», т. е. консолидации оппозиционных сил на земско-конституционной платформе, в указанный период реализована не была, однако продолжала существовать в качестве русла социально-политического движения. Дальнейшее ее распространение на протяжении 1880-х гг. выражалось в попытках представителей разных оппозиционных групп выработать компромиссную политическую программу. В этом отношении прямыми наследниками объединительных стремлений «Вольного слова» стали заграничные издания «Самоуправление» и «Свободная Россия».

Тезисы «Политической программы общества “Земский союз”» также получили дальнейшее развитие – в частности, в проекте «Вольного союза», составленном М.П. Драгомановым, и в статье В.А. Гольцева конца 1880-х гг. «Земский собор».

Научная значимость и новизна исследования обусловлены его проблемно-содержательной и методологической компонентами. Впервые в историографии был осуществлен анализ социально-политической динамики общественного развития России в конце 1870-х – начале и середине 1880-х гг. и было установлено существование единого вектора движения революционной, земско-либеральной и либерально-консервативной оппозиции. Анализ источниковой базы и научной литературы, использованной в исследовании, подтверждает тезис о внутреннем стремлении представителей разных оппозиционных групп к консолидации усилий, и иллюстрирует их практические шаги по направлению к выработке универсальной конституционной платформы.

Кроме того новизна работы определяется соотношением методологических установок, лежащих в ее основе, и исследовательского подхода. Ориентация на комплексное, системное исследование позволила осмыслить общественно-политическую жизнь России и российской эмиграции последней четверти XIX в. не как совокупность разрозненных социальных явлений, а как целостную систему общественных взаимоотношений и тенденций, обусловленных неразрывным взаимодействием объективных и субъективных обстоятельств российского политического пространства исследуемого периода.

Источники. Для решения поставленных научных задач были привлечены разнообразные виды источников. Среди них можно выделить делопроизводственные источники, публицистические материалы, материалы периодической печати и источники личного происхождения.

В исследовании были использованы *делопроизводственные* материалы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА),

Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). К ним относятся документы, связанные с организацией и функционированием «Святой дружины» и отражающие ее место в структуре государственных институтов, в частности, взаимоотношения «Дружины» с Департаментом полиции и Министерством внутренних дел (докладные записки, отчеты по делам «Дружины» и др.)¹. Часть из этих документов была впервые использована М.К. Лемке в рукописи «Святая Дружина Александра III. Тайное общество борьбы с крамолой. 1881-1882 годы» в 1920-х гг.².

Большое значение для исследования имела экспертиза рукописных правок на одном из экземпляров программы «Общества Земского союза и Самоуправления», хранящаяся в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (Архив СПбИИ РАН) и свидетельствующая о причастности к составлению этого документа лидера «Святой дружины» П.П. Шувалова и связанного с революционной эмиграцией публициста М.П. Драгоманова³.

При работе с делопроизводственными источниками по истории «Святой дружины» мы учитывали их специфическую информативность – данные материалы позволяют установить исключительно организационные и структурные особенности общества, его состав и некоторые аспекты функционирования. Вопрос о политическом облике лидеров «Дружины», их социально-экономических, мировоззренческих позициях и того, как они сами понимали цели своей деятельности, эти документы не освещают. Однако, среди делопроизводственных материалов присутствует документ, – докладная записка, составленная, если верить архивной описи, министром внутренних дел Д.А. Толстым по поводу освобождения Н.Г. Чернышевского⁴ –

¹ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. ДД. 221, 227, 502; ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. ДД. 1502, 1504; РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 3239; и др.

² Лемке М.К. Святая Дружина Александра III. Тайное общество борьбы с крамолой. 1881 – 1882 годы. СПб., 2012.

³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 276. Оп. 2. Д. 146.

⁴ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 818.

содержательно выбивающийся из ряда официальных текстов, и потому заслуживающий особенного внимания. Комплексный анализ документа обнаруживает некорректность его атрибуции и прямо отсылает в вопросе его происхождения к деятельности «дружинника» П.П. Шувалова по исполнению своей части политического договора с революционерами¹.

Также для исследования были важны материалы, касающиеся борьбы политической полиции с «крамоллой» и документы судебных процессов над революционерами².

Значительную часть источниковой базы исследования составляют источники *публицистического* характера. Большой интерес представляют политические программы, статьи, заметки на общественно-политическую тематику и другие подобного рода работы представителей либерально-консервативной, земской и революционной оппозиции. Нельзя обойти вниманием, например, «Письма о современном состоянии России. 11-го апреля 1879 – 6-го апреля 1880» за авторством Р.А. Фадеева и И.И. Воронцова-Дашкова³, служащие неофициальным политическим фундаментом лидеров «Святой дружины», «Политическую программу общества “Земский союз”»⁴, являющуюся проектом политической и административной модернизации России на основе принципов самоуправления и народного представительства, программы революционных организаций⁵. Богатый материал для исследования предоставляют также публицистические труды главного

¹ Подробнее об этом см. в § 3 последней главы.

² Государственные преступления в России в XIX веке. Сборник из официальных изданий правительственных сообщений. Париж, 1905. Т. 3; Из обзора за 1882 год, составленного Департаментом полиции // Былое. 1906. № 11. С. 244 – 261; Процесс 17-ти народовольцев в 1883 году // Былое. 1906. № 10. С. 193 – 260; РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. ДД. 335, 365, 387; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 77. ДД. 7, 410, 867, 1215, 1358; и др.

³ Фадеев Р.А., Воронцов-Дашков И.И. Письма о современном состоянии России. 11-го апреля 1879 – 6-го апреля 1880. СПб., 1881.

⁴ Политическая программа общества «Земский союз». Женева, 1882.

⁵ Программа Исполнительного комитета партии «Народная воля» // Народная воля. Социально-революционное обозрение. Женева, 1880. № 3. С. 45 – 47; Программа организации «Земля и воля» // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. М., 1997. С. 395 – 397; Программа Северно-русского общества «Земля и воля» // Черный передел. 1880. № 2. С. 5 – 6.

редактора газеты «Вольное слово» М.П. Драгоманова, выступавшего с меткой критикой общественно-политических реалий и проводившего мысль о необходимости консолидации оппозиции для борьбы за конституционную реформу¹. Не менее информативны ввиду задач исследования и материалы революционных изданий, отражающие не только динамику изменений самой революционной мысли, но и рефлексию последней относительно этих перемен, дискуссию в революционных кругах о перспективах и текущих задачах движения².

Важную группу источников составляют *источники личного происхождения*, к которым относятся: опубликованная и неопубликованная переписка, дневники, воспоминания участников рассматриваемых событий и их современников, заметки, записки и прочие документы неформального характера, предназначенные для частного пользования. При должном исследовательском подходе данные документы позволяют установить множество нюансов социально-политического, культурного и психологического характера, которые не находят отражения в других видах источников и играют важную роль для корректного и целостного понимания

¹ Драгоманов М.П. 1) Проект оснований Устава украинского общества «Вольный Союз» – «Вільна Спілка», 1884 г. URL: <https://constituanta.blogspot.com/2011/08/1884.html> (дата обращения: 20.12.2022); 2) Терроризм и свобода, муравьи и корова. Ответ на ответ «Голоса». Женева, 1880; 3) Соловья баснями не кормят: Письмо к генералу Лорис-Меликову. Женева, 1880; 4) Было бы болото, а черти будут! Женева, 1880; 5) «Народная воля» о централизации революционной борьбы в России. Женева, 1882; 6) Восемнадцать лет войны чиновничества с земством. Женева, 1883; 7) Историческая Польша и великорусская демократия. Киев, 1917; и др.

² Борисов И. [Добровольский И.И.] Начало конца: Критический момент в жизни народа и социально-революционной партии (Посвящается социалистам-народникам). Женева, 1881; Гроньяр [Михайловский Н.К.] 1) Политические письма социалиста. Письмо первое («Народная воля». 1879. № 2) // Литература социально-революционной партии «Народной Воли». Paris, 1905. С. 87 – 92; 2) Политические письма социалиста. Письмо второе («Народная воля». 1879. № 3) // Там же. С. 170 – 175; Задачи партии («Народная воля». 1879. № 2) // Там же. С. 75 – 83; Календарь «Народной воли» на 1883 год. Женева, 1883; Передовая из «Черного Передела». [1880]. № 2 // Плеханов Г.В. Собрание сочинений. М.; Л., 1923. Т. I. С. 122 – 132; Передовая статья из газеты «Земля и воля!». 1878. № 1. 25 окт. // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. М., 1997. С. 405 – 408; [Плеханов Г.В.] Заявление прежних издателей «Черного Передела» («Черный Передел» № 3). Январь 1881 г. // Плеханов Г.В. Сочинения. М.; Л., 1927. Т. 1. С. 133 – 134; и др.

изучаемого предмета. Достаточный массив источников данного вида обеспечивает системность и объективность самому исследованию, поскольку дает возможность верификации более высокого порядка. Фактическая достоверность того или иного явления устанавливается не сама по себе, а в неотделимости этого явления от конкретно-исторического контекста как достоверность сознания и самосознания действующих в этом контексте сил.

Для решения поставленных в исследовании задач был привлечен обширный корпус опубликованной и неопубликованной переписки, принадлежащей лицам, связанным с жизнью революционной эмиграции, историей «Вольного слова», «Святой дружины», а также принимавшим непосредственное участие в общественно-политической жизни России в этот период. Полезным для нас оказался материал, извлеченный из опубликованной и неопубликованной переписки представителей революционных кругов и околоправительственных сфер. К первой группе относятся, например, письма за авторством и адресатом П.Б. Аксельрода, Г.В. Плеханова, В.И. Засулич, П.Л. Лаврова и др.¹; ко второй – К.П. Победоносцева, Р.А. Фадеева, П.П. Шувалова, И.И. Воронцова-Дашкова и др.²

Особое внимание следует уделить переписке М.П. Драгоманова. Большая часть ее переработана в сборники и опубликована³. Переписка М.П. Драгоманова с первым редактором «Вольного слова» А.П. Мальшинским, касающаяся отношений издания со «Святой дружиной», частично была

¹ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 264; Д. 280; АДП РНБ. Ф. 1097. Оп. 1. Д. 645; Из архива П.Б. Аксельрода // Русский революционный архив. Берлин, 1924; Письма Г.В. Плеханова к П.Л. Лаврову // Дела и дни. СПб., 1921. Кн. 2; Лавров – годы эмиграции. Архивные материалы в двух томах // Russian series on social history. Issued by The International Institut of Social History. Amsterdam. Dordrecht – Boston. 1974. Т. 1 – 2; и др.

² ИРЛИ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 77; Оп. 4. Д. 639; РГИА.Ф. 866. Оп. 1. Д. 147; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 389; РГАЛИ. Ф. 1065. Оп. 4. Д. 5; РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. ДД. 3262, 3317; Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Централрхив. М., 1926. Т. 1; и др.

³ Архів Михайла Драгоманова. Варшава, 1938. Т. 1; Листування Івана Франка да Михайла Драгоманова. Львів, 2006; Драгоманов М. Листи до Ів. Франка и інших. 1887–1895. Львов, 1908; Драгоманов М.П. Переписка. Львів, Чернівці, 1901 – 1911. Т. I, IV, VIII.

опубликована в 1920-х гг. публицистом Д.О. Заславским¹, однако вопрос о существовании этих отношений публикация материалов не прояснила. Версия, что М.П. Драгоманов выступал агентом организации и занимался политическим шпионажем достаточной доказательности после публикации переписки с А.П. Мальшинским так и не получила, поскольку ничего компрометирующего в ней обнаружено не было. Единственным прямым доказательством агентурной деятельности украинского ученого является исключительной важности документ, представленный М.К. Лемке, создавшим первый труд по истории «Святой дружины» и развившем версию о провокаторской роли «Вольного слова». В тексте рукописи о «Дружине» М.К. Лемке привел текст письма, написанного якобы М.П. Драгомановым 15 мая 1882 г. на имя С.Ю. Витте. Содержание документа однозначно говорило о работе М.П. Драгоманова на «Дружину» и перечеркивало его репутацию как социалиста и непреклонного критика российского правительства. Однако при системном рассмотрении этот документ вызывает множество вопросов. Прежде всего, загадочна судьба письма. Если верить словам М.К. Лемке, письмо оказалось в его руках случайно на короткий срок, а затем пропало и было уничтожено. Сохранилась лишь копия, сделанная им собственноручно, достоверность которой предлагается принять по умолчанию. С точки зрения источниковедения, этот документ не может быть подвергнут внешней и внутренней критике в том контексте, в каком М.К. Лемке предлагает это делать, поскольку, помимо его слов, никаких следов существования этого письма нет. Тем не менее, несмотря на то, что «подлинник» недоступен критике, сохранился текст М.К. Лемке и обширный объем переписки М.П. Драгоманова, достаточный для проведения сравнительного анализа, который по итогу показывает, что «копия» документа проверку достоверности не выдерживает. Более того, существуют весомые основания полагать, что автором этого «источника» был сам М.К. Лемке –

¹ Заславский Д.И. М.П. Драгоманов и «Вольное слово» (по неизданным материалам) // Былое. СПб., 1924. № 27 – 28.

публицист явно нуждался в подтверждении версии о предательстве М.П. Драгоманова, однако среди множества имевшихся в его распоряжении документов свидетельств этому не находил¹.

Еще одну группу источников личного происхождения составляют воспоминания и дневники участников и современников рассматриваемых событий. Многочисленные воспоминания представителей революционного и земско-либерального движения отражают динамику общественно-политической жизни в России и ее отголоски в эмигрантских кругах.² Широкое и отнюдь не единообразное освещение получила в мемуарной литературе также дискуссия вокруг «Вольного слова» и переговоров «Святой дружины» с революционерами. Интерпретации этих сюжетов мы находим в воспоминаниях Л.Г. Дейча, В.И. Засулич, П.Б. Аксельрода, Л.А. Тихомирова, В.К. Дебогория-Мокриевича, Н.К. Михайловского, самого М.П. Драгоманова и др.³

Для понимания происхождения общества «Святой дружины» полезны оказались воспоминания С.Ю. Витте и М.Э. Клейнмихель⁴, а также дневники

¹ Подробнее об этом см. в § 2 последней главы.

² Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции. Берлин, 1934. Т. XXI; Аптекман О.В. Из истории революционного народничества: «Земля и воля» 70-х годов. (По личным воспоминаниям). Ростов-на-Дону, 1907; Бах А.Н. Воспоминания народовольца // Былое. СПб., 1907. № 1. С. 117 – 154; Белый Я.М. Из недавней старины. Воспоминания земского врача 70-х годов. Новгород, 1907; Варзар В.Е. Воспоминания старого статистика. Ростов-на-Дону, 1924; Линд В.Н. Воспоминания // Русская мысль. М., 1916. № 6. С. 1 – 22; Фигнер В.Н. Из политической жизни 80-х годов // Русское богатство. СПб., 1912. № 11. С. 121 – 135; и др.

³ Дебогорий-Мокриевич В.К. 1) Воспоминания Вл. Дебогория-Мокриевича. Paris, 1895. Вып. II; 2) По поводу статьи Дейча «Украинская и общерусская эмиграция» // Украинская жизнь. 1915. № 2. С. 63 – 73; Тихомиров Л.А. 1) Тени прошлого. Воспоминания. М., 2000; 2) Неизданные записки Л. Тихомирова // Красный архив. 1928. Т. 4. С. 139 – 174; Любатович О.С. Далекое и недавнее. М., 1930; Аксельрод П.Б. Пережитое и передуманное. Берлин, 1923. Кн. 1; Драгоманов М.П. Воспоминания о переговорах «Добровольной Охраны» и «Исполнительного комитета русской соц.-рев. партии» в 1882 г. // Былое. 1910. № 13. С. 34 – 43; Михайловский Н.К. Воспоминания. Берлин, 1906; и др.

⁴ Витте С.Ю. Из архива С.Ю. Витте. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 1; Клейнмихель М.Э. Из потонувшего мира / За кулисами политики. 1848 – 1914. М., 2001.

других лиц, приближенных к правительственным сферам и выразивших настроения части этой среды¹.

Наконец, одним из самых важных источников для исследования стали записки, конспекты, заметки и проч. личные документы известных представителей «Святой дружины»².

Отечественная историография, затрагивающая те или иные аспекты исследования, обширна и представлена трудами историков дореволюционного (до 1917 г.), советского (1917 – 1991 гг.) и современного (после 1991 г.) этапов развития исторической науки.

В *дореволюционный период* популярными среди исследователей были темы генезиса и истории революционного и земско-либерального движений, актуальность которых в этот период была прямо связана с актуальными общественно-политическими процессами жизни страны. Данные вопросы разрабатывали в своих трудах известные ученые и публицисты, такие как А.А. Корнилов, И.П. Белокопский, Б.Б. Глинский, С.Г. Сватиков, А.С. Изгоев, С.Ф. Русова, Р.В. Иванов-Разумник и др.³ Особенностью этих работ было то, что их авторы являлись современниками описываемых событий, а нередко и сами

¹ Суворин А.С. Дневник А.С. Суворина. М., 2000; Мещерский В.П. 1) Дневник. 1881 г. Март. Апрель, май, июнь. СПб., 1881; 2) Дневник за 1882 год. СПб., 1883; Смелский В.Н. «Священная Дружина» (из дневника ее члена). С предисловием Ф.И. Покровского // Голос минувшего. М., 1916. № 1 – 6; Валуев П.А. Дневник. 1877 – 1884. Пг., 1919.

² РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. ДД. 246, 275, 278; Ф. 919. Оп. 2. ДД. 227, 4210; РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. ДД. 3231, 3319, 3354, 3356.

³ Корнилов А.А. 1) К истории конституционного движения конца 70-х и начала 80-х годов // Русская мысль. 1913. № 7. С. 25 – 46; 2) Общественное движение при Александре II (1855 – 1881). Исторические очерки. М., 1909; Белокопский И.П. Земство и конституция. М., 1910; Глинский Б.Б. 1) Революционный период русской истории (1861 – 1881 гг.). Исторические очерки. СПб., 1913. Ч. 2; 2) Эпоха мира и успокоения (Исторические очерки) // Исторический вестник. 1911. № 1. С. 262 – 288; № 6. С. 1002 – 1046; № 9. С. 1048 – 1100; Сватиков С.Г. 1) Общественное движение в России (1700 – 1895). Ростов-на-Дону, 1905. Ч. 2; 2) Опальная профессура 80-х гг. М., 1917; 3) Проекты народного представительства в России в 1882 г. // Голос минувшего. 1913. № 7. С. 242 – 248; Изгоев А.С. К 50-летию земства // Русская мысль. 1914. № 2. С. 1 – 4; Русова С.Ф. К сорокалетию черниговского земства (1865 – 1905) // Русская мысль. 1904. № 12. С. 94 – 134; Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. СПб., 1911. Т. 2; и др.

принимали непосредственное участие в общественном движении второй половины XIX в.

История «Святой дружины» широкого освещения в этот период не получила, а вопрос о ее связях с представителями революционной эмиграции был остро дискуссионным. В 1911–1915 гг. исследователи вели споры, касающиеся деятельности «Дружины» и сотрудничества М.П. Драгоманова в «Вольном слове», на страницах нескольких популярных общественно-политических изданий. Площадкой для дискуссии были журналы «Русская мысль», «Вестник Европы», «Современник», «Украинская жизнь», и др.¹ Мнения авторов разделились на две противоположные позиции, выразителями которых стали В.Я. Богучарский и Б.А. Кистяковский. Историки высказывали противоположные мнения на вопрос о сущности «Земского союза» и роли полицейской мистификации в истории «Вольного слова». В.Я. Богучарский утверждал, что «Земский союз» не имел никакого отношения к реальному земскому движению, существовал только на бумаге и был ширмой для «Святой дружины», создавшей «Вольное слово» с целью выявления членов Исполнительного комитета «Народной воли». Что касается участия М.П. Драгоманова в этой истории – публицист отвергал возможность откровенного соглашения между ним и представителями «Дружины», полагая, что «безупречный» М.П. Драгоманов был введен в заблуждение². Б.А. Кистяковский, напротив, стремился логически обосновать подлинную

¹ Ефремов С.А. 1) Памяти М.П. Драгоманова (По поводу 20-летней годовщины смерти) // Украинская жизнь. 1915. № 7. С. 19 – 36.; 2) О том, что было и чего не было (По поводу воспоминаний г. Дейча) // Украинская жизнь. 1915. № 10. С. 55 – 64; № 11 – 12. С. 101 – 113; Богучарский В.Я. 1) Из истории политической борьбы в 80-х гг. // Русская мысль. 1910. № 9. С. 1 – 47; 2) «Земский союз» или «Священная дружина»? // Русская мысль. 1912. № 9. С. 74 – 120.; 3) Конституционный проект графа П.П. Шувалова // Современник. 1913. № 3. С. 251 – 267; Шишманов И.Д. К вопросу о роли графа П.П. Шувалова в конституционном движении 80-х годов // Вестник Европы. 1914. № 1. С. 197 – 221; № 2. С. 183 – 198; и др.

² Богучарский В.Я. 1) Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX в. Партия «Народной Воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912; 2) «Земский союз» или «Священная дружина»? // Русская мысль. 1912. № 9. С. 74 – 120; 3) Из истории политической борьбы в 80-х годах // Русская мысль. 1910. № 4. С. 31 – 57.

оппозиционность «Вольного слова» его реальными связями с земскими либеральными кругами¹.

Следует отметить, что дискуссия 1910-х гг. о «Святой дружине» и «Вольном слове» почти сразу вышла за пределы исключительно научные и приобрела характер политический. Это выражалось в том, что дискутирующие стороны не стремились разрешить противоречия в собственных тезисах, которые были вскрыты в процессе обсуждения – в частности, ни один из подходов не отвечал на вопрос, зачем лидерам «Дружины» нужно было искать соприкосновения с либеральной и революционной оппозицией – а посвятили свое внимание преимущественно спорам вокруг персоны М.П. Драгоманова.

В *советской историографии* данная дискуссия развития не получила. Стремясь дать исчерпывающий ответ на вопрос о сущности «Святой дружины» и разрешить проблему ее связи с «Земским союзом» и революционной эмиграцией, М.К. Лемке в 1920-х гг. создал обширный труд – «Святая Дружина Александра III. Тайное общество борьбы с крамолой. 1881 – 1882 годы». Эта работа и по сей день является наиболее полным и подробным изложением истории «Святой дружины». Однако выводы автора и его методологические установки требуют тщательной критической проверки, поскольку труд М.К. Лемке в силу ряда обстоятельств избежал должной научной экспертизы. В соответствующих частях исследования будет представлен подробный разбор ключевых моментов концепции М.К. Лемке, общее же ее содержание сводится к следующему. М.К. Лемке считал «Дружину» тайной организацией монархистов для борьбы с революционерами любыми средствами и методами. Журнал «Вольное слово», созданный «Дружиной» в Женеве, по мнению исследователя, был псевдоконституционным и предназначенным для провокаторской и полицейской работы. Опальный украинский профессор М.П. Драгоманов,

¹ Кистяковский Б.А. 1) Страницы прошлого. К истории конституционного движения в России. М., 1912; 2) Орган «Земского союза» «Вольное слово» и легенда о нем. М., 1912.

возглавивший редакцию со второго года работы издания, по мнению М.К. Лемке, отнюдь не пребывал в заблуждении относительно подлинных задач газеты, а пошел на сговор с «Дружиной» сознательно ввиду личных выгод и неприязни к революционному сообществу¹. Рукопись М.К. Лемке, законченная в 1920 г. увидела свет спустя почти 90 лет. С 1960-х гг. с рукописью книги о «Дружине» работали Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин, опубликовавшие на основе ее изучения ряд статей, в которых развивали концепцию М.К. Лемке². Благодаря их усилиям было точно установлено авторство «Политической программы общества “Земский союз”», а многочисленные фактологические и источниковедческие наработки М.К. Лемке были представлены широкой аудитории.

Обширное наследие М.К. Лемке, а также методология его исследовательской работы в виду некоторого его особого положения в отечественной исторической науке интересовали не только Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина. Нельзя обойти вниманием труды М.Г. Вандалковской, которая при помощи своего научного руководителя М.В. Нечкиной подробно исследовала не только отдельные работы М.К. Лемке, но и сам путь его становления в качестве ученого. Проблема научности подхода М.К. Лемке, впервые озвученная М.В. Нечкиной, и затем разработанная М.Г. Вандалковской, составляет необходимый критический фундамент при осмыслении методологических предпосылок автора книги о «Дружине» и

¹ Лемке М.К. Указ. соч.

² Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. 1) С.Ю. Витте, М.П. Драгоманов и «Вольное слово». (По поводу одного документа из архива М.К. Лемке) // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 163 – 178; 2) Об авторстве «Политической программы общества “Земский Союз”» // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1969. Т. 2. С. 269 – 276; 3) О достоверности одного документа из архива М.К. Лемке (М.П. Драгоманов в «Вольном слове») // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1970. Т. 3. С. 290 – 321.

способствует выработке комплексного научного подхода к интерпретации массы фактографического материала, представленного в работе М.К. Лемке¹.

С 1960-х гг. возрос интерес исследователей к истории земского либерального движения, а также наметилось возвращение к некоторым вопросам дискуссии начала XX в. Так, в 1960-х гг. вновь появляются исследования, посвященные роли М.П. Драгоманова в общественном движении 1870-х – 1880-х гг., его философским и политическим взглядам и отношениям с революционными и либеральными кругами². В последующие десятилетия также вышел ряд работ, освещающих различные аспекты земской жизни – как общие социально-экономические и политические вопросы, так и отдельные сюжеты из истории оппозиционной деятельности земств. Исследователям земского либерального движения на данном этапе развития отечественной историографии предстояло дать концептуальную оценку роли земского движения в общественно-политической жизни страны, которая должна была быть идеологически выверенной и не противоречить официальной классовой теории. Однако в то же время обширный фактический материал, обнаруженный историками, не позволял отрицать связь земских либералов с революционным движением в конце 1870-х – середине 1880-х гг. Эту проблему разные исследователи решали по-разному. Одни, например, Ф.А. Петров, полагали, что факт пересечения земского и революционного движений не имел значения для общественной жизни, так как принципы этих направлений оставались противоположны – земский либерализм

¹ См.: Нечкина М.В. 1) Возникновение первой «Земли и воли» / Революционная ситуация в России в 1859 – 1861 гг. М., Наука. 1960. С. 283 – 298; 2) «... И мучилась, и работала невероятно». Дневники М.В. Нечкиной / Отв. ред. Е.И. Пивовар. М., 2013.

Вандалковская М.Г. 1) Первый директор Госзнака // Прометей. 1967. Т. 4. С. 375 – 376; 2) Из истории работы М.К. Лемке над источниками «Земли и воли» / Революционная ситуация в России в 1859 – 1861 гг. М.: Наука. 1970. С. 255 – 271; 3) М.К. Лемке – историк русского революционного движения. М., 1972.

² Лукеренко В.Л. Философские взгляды М.П. Драгоманова. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к. филос. н. Киев, 1963; Иванова Р.П. Место Михаила Драгоманова в общественно-политическом движении России и Украины во второй половине XIX века. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. к. и. н. Киев, 1967.

представлялся Ф.А. Петрову идейно близким правому политическому лагерю¹. Н.М. Пирумова, Б.И. Итенберг, А.М. Анфимов и др. не отрицали контактов между земскими либералами и революционерами, но также подчеркивали, что в «классовом» отношении революционная и либеральная мысль оставались чужды друг другу².

Наибольшую разработку получили в советский период вопросы, связанные с историей революционного движения и кризиса власти рубежа 1870-х – 1880-х гг. Разным аспектам этой широкой проблематики посвящены работы Б.П. Козьмина, Л.П. Меньщикова, В.И. Невского, М.Г. Седова, И.В. Оржеховского, В.А. Твардовской, Н.А. Троицкого, В.Г. Чернухи и др.³ В связи с задачами нашего исследования отдельно необходимо упомянуть труды С.С. Волка и П.А. Зайончковского, первый из которых обратил внимание на распространенность конституционных симпатий в рядах народолюбцев, а второй, стремясь к объективному целостному исследованию политической ситуации рубежа 70-х – 80-х гг. XIX в. впервые в советской историографии пришел к мысли, что «Святая дружина» в действительности могла быть придворной оппозицией. Не разбирая специально вопрос о «Дружине», П.А. Зайончковский выразил свою идею всего лишь в незначительном по объему

¹ Петров Ф.А. Нелегальные общеземские совещания и съезды конца 70-х – начала 80-х гг. XIX в. // Вопросы истории. 1974. № 9. С. 33–44.

² Пирумова Н.М. 1) Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX века. М., 1986; 2) Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977; Россия в революционной ситуации на рубеже 1870 – 1880-х годов. Коллективная монография / Под ред. Итенберга Б.С. и др. М., 1983.

³ Козьмин Б.П. От «девятнадцатого февраля» к «первому марта». М., 1933; Меньщиков Л.П. Охрана и революция. М., 1925. Ч. 1; Невский В.И. От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда». М., 1930; Седов М.Г. Героический период революционного народничества. М., 1966; Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826 – 1880 гг.). М., 1982; Твардовская В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870 – 1880 гг. М., 1969; Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. М., 1978; Чернуха В.Г. Борьба в верхах по вопросам внутренней политики царизма (середина 70-х годов XIX в.) // Исторические записки. 1988. Т. 116. С. 161 – 186; и др.

примечании, что, однако, не отменяет научной и методологической ценности его открытия¹.

На *современном этапе* отечественной историографии разработка интересующих нас сюжетов продолжается. В последние десятилетия было создано множество трудов, в которых получили дальнейшее развитие как концептуальные линии, обозначенные в предыдущий период, так и дискуссионные мотивы дореволюционной историографии. Так, после 1991 г. продолжили исследование проблем политического кризиса 70-х – 80-х гг. XIX в. Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин². В том же концептуальном русле работал и В.Я. Лаверычев³. Что касается вопросов, связанных с историей «Святой дружины» и ее отношений с революционной эмиграцией, можно говорить об оживлении дискуссии начала XX в. Некоторые авторы придерживаются традиционного взгляда на «Дружину» как на общество с полицейскими целями⁴. Другие же современные исследователи стремятся отойти от принятых в советской историографии установок в изучении тех или иных вопросов и критически осмыслить их проблемные стороны. Так, например, московский историк Ю.А. Пелевин, исследовавший традиционный сюжет полицейской деятельности «Святой дружины», не обходит вниманием и конституционные симпатии некоторых «дружинников»⁵. В этом же

¹ Волк С.С. «Народная воля». М.; Л., 1966; Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 – 1880-х годов. М., 1964.

² Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Александр II и наследник накануне 1 марта 1881 г. // Межвузовская научная программа «Исторический опыт русского народа и современность». Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 204 – 213.

³ Лаверычев В.Я. Конституционализм или мистификация? (Полемика о «Вольном слове» в 1912 – 1914 годах) // Отечественная история. 1992. № 2. С. 184 – 194.

⁴ Боханов А.Н. Александр III. М., 2007; Цымрина Т.В. «Народная воля» после 1-го марта 1881 г. Автореф. дис. на соиск. учен. ст. к. и. н. Ростов-на-Дону, 2000. С. 19 – 20; Черемин А.А. «Священная дружина». Антитеррор. М., 2017; Оганесян Р.Г. Министерство внутренних дел под скипетром «царя-миротворца». Ч. I. // Вестник Московского университета МВД России. М., 2021. № 3. С. 34 – 39; Гребенкин А.Н. Разработка концепции охраны Его Императорского Величества в 1881 г. // Гуманитарные исследования Центральной России. Липецк, 2022. № 1 (22), С. 29 – 39.

⁵ Пелевин Ю.А. «Священная дружина» против народовольческой эмиграции // «Будущего нет и не может быть без наук...». М., 2005. С. 604 – 634.

отношении комплексность и новизна подхода отличают труды Б.С. Итенберга и Д.И. Исмаил-Заде, которые рассматривали историю «Дружины» в контексте исследования общественного движения России в целом и особое внимание уделили выяснению идейно-политических мотивов деятельности лидеров организации¹. Нельзя обойти вниманием и появление работ, оценивающих деятельность и взгляды лидеров «Дружины» с историко-правовых позиций и отмечающих наличие в их проектах фундаментальных атрибутов конституционализма². Также на сегодняшний день большим интересом исследователей пользуются сюжеты, касающиеся генезиса политических концепций – опубликовано значительное число работ, посвященных проблемам консерватизма, либерализма и революционного радикализма, их отношениям как между собой, так и вообще отношениям между обществом и властью; озвучиваются разные подходы к изучению социальной истории России второй половины XIX в.³

¹ Итенберг Б.С. Российская интеллигенция и Запад. Век XIX. Очерки. М., 1999; Исмаил-Заде Д.И. И.И. Воронцов-Дашков – администратор, реформатор. СПб., 2008.

² Колотков М.Б. Террор и антитеррор в России: историко-правовой аспект: монография. М., 2018; Шульженко Ю.Л. Вопросы конституционализма в конституционных проектах XIX в. в России // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2020. Т. 15. № 1. С. 27 – 41.

³ Алафаев А.А. Русский либерализм и самодержавие на рубеже 1870 – 1880-х гг. М., 2002; Баринаева Е.П. Образ власти в сознании дворянства // Известия Самарского научного центра РАН. 2008. № 4. С. 1034 – 1039; Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000; Волкова Т. Земский компонент российской модернизации // Власть. 2009. № 12. С. 53 – 55; Воронин В.Е. Русская самодержавная власть и либеральная правительственная группировка в условиях политического кризиса (конец 70-х – середина 80-х годов XIX века). М., 2010; Гоголевский А.В. Очерки истории русского либерализма XIX – начала XX века. СПб., 1996; Гросул В.Я. Русское общество XVIII – XIX веков. Традиции и новации. М., 2003; Жукова Л.А. Земское самоуправление и бюрократия в России. М., 1998; Исаева Т.Б. Идеи террора в политико-правовых представлениях «крестьянских социалистов» в России (вторая половина XIX в.). М., 2008; Кузьмин А.Г. Леворадикальная политическая мысль в России конца 60-х – начала 80-х гг. XIX века. Сыктывкар, 2008; Кузьмишин Е.Л. Контрреформы 1880 – 1890 гг. в России в контексте теории исторических циклов // Вестник Московского университета. 2012. № 1. С. 104 – 110; Лебедев С.В. Система ценностей философии русского консерватизма второй половины XIX века. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. д. филос. н. СПб., 2004; Лукоянов И.В. Российские консерваторы (конец XVIII – начало XX вв.). Пособие к лекционному курсу. СПб., 2003; Мамонов А.В. Правящая бюрократия и формирование внутренней политики самодержавия в 1874 – 1881 годах. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. и. н. М., 2002; Софьин Д.М.

При анализе современной историографии особого внимания заслуживают исследования Л.Ю. Гусмана и К.А. Соловьева, отличающиеся подлинной системностью подхода авторов к предмету изучения. Методологическая ценность исследований Л.Ю. Гусмана состоит именно в фокусе автора на выявлении необходимого единства и внутренней обусловленности динамики общественно-политических процессов. В качестве третьего компонента его исследовательского подхода (наравне с выяснением сущности и генезиса изучаемого явления), данная установка обеспечивает работам Л.Ю. Гусмана концептуальную новизну и высокий уровень научной верификации на каждом этапе исследования. Так, именно Л.Ю. Гусман впервые обратил внимание на появление в 1860-х гг. в среде политической эмиграции идей объединения оппозиции для борьбы с самодержавием за либеральную конституцию и указал, что данная платформа приобрела большую популярность позже, в 1880-х гг.¹ Кроме того, подход историка отличает понимание целесообразности изучения конституционного движения в его связи с различными политическими течениями, поскольку сущностной особенностью конституционализма была, по словам автора, частичная идейная смычка как с консервативной, так и с социалистической мыслью².

Данное умозаключение представляется справедливым не только для периода 1840-х – 1860-х гг., но и для последующих десятилетий, что обосновывает целесообразность рассмотрения идеи конституции (как и любой другой идеи) не самой по себе, а именно как поля взаимодействия

Политико-династические представления русских консерваторов и членов императорского дома. Конец XIX – начало XX века. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. к. и. н. Пермь, 2010; Тесля А. Революционная версия русского национального исторического нарратива: «О развитии революционных идей в России» А.И. Герцена // Социология власти. Т. 33. № 2. 2021. С. 59 – 79; Шелохаев В.В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 3 – 16; Шестопалов А.В. Верховная власть и российское общество в 60-е – 80-е годы XIX века // Вопросы истории. 2008. № 5. С. 116 – 126; Шумилов С.И. Власть и общественная жизнь в России (вторая половина XIX – начало XXI в.). Петрозаводск, 2014; и др.

¹ Гусман Л.Ю. Очерки истории идеологии русского конституционализма «Эпохи великих реформ». СПб., 2017. С. 135 – 136.

² Там же. С. 181.

общественных сил, в пореформенный период, в частности, – русло общественно-политической жизни.

Высокая значимость исследований К.А. Соловьева обусловлена ценнейшими методологическими разработками автора, которые также подтверждают целесообразность подобного взгляда на предмет изучения. Отказываясь от готовых формул и опираясь на исследовательскую традицию школы Анналов, К.А. Соловьев указывает на неразрывность политического пространства и политических практик, в нем реализующихся, т.е. на необходимость исследования форм и структур политической жизни как пространства связи общего и особенного в историческом и общественно-политическом процессе. Подход К.А. Соловьева и ракурс, с которого он впервые в отечественной историографии исследовал политическую систему Российской империи на последнем этапе ее существования, имеет большую значимость для нашего исследования, поскольку позволяет увидеть действительные механизмы функционирования государственного аппарата в изучаемый нами период – механизм принятия решений и технологии их реализации, способы взаимодействия различных государственных структур друг с другом и с обществом и проч. Понимание описываемых исследователем механизмов дает возможность корректно интерпретировать деятельность лидеров «Святой дружины», объективно оценить их реальные цели и роль данной организации в системе государственного управления в 1881 – 1883 гг. Вся история «Дружины» и ее связей с оппозиционными кругами, рассмотренная с позиций действовавших «правил игры» и практик, оказывается не укладывающейся в предложенные историографией ранее формулы, однако всецело подтверждает тезис К.А.Соловьева, что «власть – это не решение, а процедура; не воля, а практика»¹.

¹ Соловьев К.А. 1) Политическая система Российской империи в 1881 – 1905 гг.: проблема законотворчества. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 10.; 2) Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М., 2017.

Зарубежная историография представлена сочинениями, посвященными истории революционного и либерального движений, а также в целом политической жизни России периода правлений Александра II и Александра III. Часть из них ранее была переведена на русский язык, например, работы Дж. Кеннана, А. Туна, К. Циллиакуса и Р. Пайпса¹. С исследованием немецкого ученого С. Химмельстерна мы ознакомились в его английском переводе, другие исследования изучались на языке оригинала². Зарубежные авторы уделяли большое внимание росту конституционных настроений в российском общественно-политическом движении в конце 1870-х – 1880-х гг., причем не только в либеральных кругах, но также среди революционеров и высшей государственной бюрократии. Отдельно следует отметить работу Р. Пайпса «Россия при старом режиме», в которой автор сделал ценные указания на важную роль земских учреждений в формировании оппозиционной корпоративности либеральных и революционных кругов и выдвинул мысль о постоянной радикализации воззрений либералов на протяжении конца 1870-х – 1880-х гг.³

Вопрос о деятельности «Святой дружины» освещался зарубежными исследователями весьма узко – преимущественно в свете ее официальных антиреволюционных задач и соперничества с полицией⁴. Впрочем, нельзя не

¹ Кеннан Дж. Последнее заявление русских либералов. Ростов-на-Дону, 1906; Тун А. История революционных движений в России. СПб., 1906; Циллиакус К. Революционная Россия. Возникновение и развитие революционного движения в России. СПб., 1906; Пайпс Р. 1) Россия при старом режиме. М., 1993; 2) Русский консерватизм и его критики. М., 2008.

² Himmelstierna H.v.S. Russia under Alexander III / Translated from German by J. Morrison. Edited, with explanatory notes and an introduction by Felix Volkonsky. London, 1893; Lieven D. Russia's rulers under the Old Regim. New Haven; London, 1989; Lowe Ch. Alexander III of Russia. New-York, 1895; Naimark N. Terrorists and Social-Democrats. The Russian revolutionary movement under Alexander III. [Cambridge], 1983; Manning R.T. The Crisis of the Old Order in Russia. Gentry and Government. New Jersey, 1982; Rindlisbacher S. Radicalism as Political Religion? The Case of Vera Figner / S. Rindlisbacher // Totalitarian Movements and Political Religions. 2010. № 1. P. 67 – 87.

³ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 343 – 346, 359.

⁴ Daly J.W. Autocracy under siege: security police and opposition in Russia, 1866 – 1905. DeKalb IL, 1998; Ruud Ch.A. and Stepanov S.A. Fontanka 16: the tsar's secret police. Montreal, 1999.

упомянуть статью американского историка С. Лукашевича, вышедшую в 1959 г., в журнале «The American Slavic and East European Review», в которой автор допускал существование внутри данной организации либеральной фракции¹.

Теоретическая и практическая значимость работы.

Исследование представляет собой попытку системного исследования тенденций общественно-политического развития России конца 1870-х – середины 1880-х гг. и тем самым позволяет дополнить и частично переосмыслить существующие подходы к изучению истории России пореформенного периода. Фактологические и концептуальные разработки диссертации способствуют углублению знаний в области истории отечественной общественной мысли. Разные аспекты социально-политической жизни России указанного периода рассматриваются как имеющие своей предпосылкой объективно обусловленную трансформацию политического сознания граждански активных сил общества. В исследовании проводится новая для историографии мысль о существовании центростремительных, объединительных тенденций в пространстве политической деятельности различных оппозиционных групп, усиливавшихся по мере углубления дезинтеграции аппарата управления в условиях системного государственного кризиса. Выражением этих тенденций было возникновение идеи общепозиционного политического союза для борьбы за конституционную реформу и народное представительство.

Результаты исследования могут быть использованы при составлении специальных курсов по истории России последней четверти XIX в., истории политической мысли и общественно-политических движений в указанный период, общих лекционных курсов и практических занятий.

Апробация результатов исследования. Результаты и основное содержание исследования были представлены в докладах на ежегодной

¹ Lukashevich S. The Holy Brotherhood: 1881 – 1883 // The American Slavic and East European Review. 1959, Vol. 18. No. 4. P. 491 – 509.

межвузовской научной конференции «Герценовские чтения». По теме диссертации опубликовано 13 научных статей, пять из которых – в рецензируемых изданиях¹.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

¹ Спицина Е.В. 1) «Общество Земского союза и самоуправления» конца 1870-х - нач. 1880-х: миф или реальность? // Герценовские чтения 2012. Актуальные проблемы русской истории. СПб., 2013. С. 52 – 57; 2) Письмо для Рапперсвиля: М.П. Драгоманов пишет С.Ю. Витте // Вестник СНО РГПУ им. А.И. Герцена. СПб., 2014. № 14. С. 237 – 240; 3) К вопросу об объединении оппозиции: 1878 – 1883 гг. // Герценовские чтения 2013. Актуальные проблемы русской истории. СПб., 2014. С. 91 – 98; 4) Из недр «Святой дружины»: П.П. Шувалов об облике истинного «охранителя» // Герценовские чтения 2014. Актуальные проблемы русской истории. СПб., 2015. С. 80 – 87; 5) «Отцы и дети», или Кто финансировал революционный террор в России в конце 1870-х – начале 1880-х гг. // Герценовские чтения 2015. Актуальные проблемы русской истории. СПб., 2016. С. 92 – 100; 6) «Идеологическая» война в Женеве в конце 1870-х – начале 1880-х гг.: «Черный передел» против М.П. Драгоманова // Клио. 2016. № 3. С. 79 – 85; 7) «Все было оплетено ложью и интригой»: князь А.П. Щербатов на службе у «Святой дружины» // Герценовские чтения 2016. Актуальные проблемы русской истории. СПб., 2017. С. 204 – 212; 8) Социально-психологический кризис в России рубежа 70 – 80-х годов XIX века: «охота на ведьм» // Научный диалог. 2017. № 5. С. 291 – 302; 9) «Курсы парламентаризма»: земская оппозиция периода политического кризиса конца 70-х – начала 80-х гг. XIX в. // Вестник Московского университета. 2017. Сер. 8. № 2. С. 64 – 74; 10) М.К. Лемке. Между историей и беллетристикой, правдой и лжесвидетельством // Герценовские чтения 2017. Актуальные проблемы русской истории. СПб., 2018. С. 294 – 309; 11) «Еретики» и «политики»: революционный конституционализм в России на рубеже 70-х – 80-х гг. XIX в. // Вестник Пермского университета. 2018. № 2. С. 98 – 106; 12) К вопросу о политических взглядах Р.А. Фадеева (конец 1870 – начало 1880-х гг.) // Герценовские чтения 2020. Актуальные проблемы русской истории. СПб., 2021. С. 108 – 117; 13) «Святая дружина» или Д.А. Толстой: кто был автором докладной записки об амнистии Н.Г. Чернышевского // Университетский научный журнал. 2022. № 69. С. 222 – 229.

ГЛАВА 1. ОППОЗИЦИЯ СЛЕВА (КОНЕЦ 1870-Х – НАЧАЛО 1880-Х ГГ.). ЗЕМСТВО И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ РАДИКАЛИЗМ

§ 1. Земский радикализм конца 1870-х – начала 1880-х гг.

Политический кризис конца 70-х – начала 80-х гг. XIX в. стал поворотным моментом в истории России, современники называли его «смутным временем», «роковым пятилетием»¹. Русско-турецкая война 1877 – 1878 гг. разом подняла на поверхность социальной жизни проблемы, долгое время копившиеся подспудно. Надежды, возлагаемые прогрессивной общественностью на политическое руководство страны на волне патриотического оживления общества, ждало разочарование. Конституционных преобразований, проведенных русским императором в Болгарии, в России не последовало. Зато стали очевидны катастрофическое положение крестьянства, истощенного войной, и ненадежность «либеральных уступок» правительства². Как результат, в конце 1870-х гг. для внутренней жизни России становятся характерными социальные протесты и рост общественного недовольства³. В административных центрах страны прокатывается волна покушений на представителей власти. Среди жертв: петербургский градоначальник Ф.Ф. Трепов, раненный В.И. Засулич 24 января 1878 г., начальник III отделения генерал Н.В. Мезенцев, покушение на которого состоялось 4 августа 1878 г. и др. 1 марта 1881 г. бомба поразила императора Александра II⁴. Жандармские управления противостоять революционному террору оказались не в состоянии⁵.

¹ Цит. по: Алафаев А.А. Указ. соч. С. 3.

² Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881 – 1914. М., 1997. С. 78.

³ Алафаев А.А. Русский либерализм на рубеже 70-х – 80-х гг. XIX в. Из истории журнала «Вестник Европы». М., 1991. С. 5.

⁴ Тихомиров Л.А. Конституционалисты в эпоху 1881 года. М., 1895. С. 29.

⁵ Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001. С. 76.

Революционеры использовали террор как средство принуждения власти к коммуникации¹, однако политические элиты не признавали объективность предпосылок роста революционных настроений и объявляли революционный подъем искусственным². Динамика противостояния вовлекала и либеральные круги, которые также обратились к «практической» политике, начав разрабатывать свою формулу государственного оздоровления. Переход от либеральной теории к оппозиционной практике обозначился появлением на политической арене новой силы – земской фронды, что было «естественным руслом, в которое, вместе с дворянством, втекало и либеральное движение»³. По мере обострения кризиса власти, оппозиционные земства все более радикализировались, а главным мотивом их работы становилась конституционная мечта либералов 1860-х гг. об «увенчании здания»⁴.

Для понимания происходивших в конце 1870-х – начале 1880-х гг. процессов интерес представляют воспоминания земских деятелей. В них нашла отражение не только общая атмосфера местной жизни периода, но и политическая деятельность официально аполитичного земства. Описания наиболее политически активных земских собраний мы обнаруживаем в воспоминаниях представителя Тверского земского собрания П.А. Дементьева и черниговского гласного И.В. Лучицкого. Оба земца указывали на одну и ту же черту, свойственную собраниям их губерний, а именно, на идеологический раскол гласных. По словам земцев, единства в собраниях не было с самого их основания, но со временем, в процессе обсуждения разных практических вопросов, размежевание во взглядах постоянно росло⁵. В результате к концу

¹ Сафронова Ю. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879 – 1881 годы. М., 2014. С. 21 – 22.

² Мамонов А.В. Указ. соч. С. 20 – 21.

³ Иорданский Н.И. Земский либерализм // Библиотечка. 1906. № 1. С. 23.

⁴ Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762 – 1914. М., 1995. С. 308 – 309, 317; Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 11.

⁵ П.А.Т. [Дементьев П.А.] Воспоминания старого земца // Вестник Европы. 1903. № 9. С. 192; X. [Лучицкий И.В.] О земских делах и деятелях (Из Чернигова. Письмо первое) // Слово. 1878. № 9 – 10. С. 244 – 246.

1870-х гг. раскол среди гласных дошел до того, что можно было говорить о противостоянии в земствах «левой» и «правой» группировок¹. К первой группе относили себя либерально настроенные гласные; вторую образовали откровенные ретрограды и те, кто не желал изменений существующего государственного порядка².

Началом раздора в собраниях Твери и Чернигова стала попытка некоторых гласных поднять проблему реализации на местах крестьянской реформы. Возникновение подобной дискуссии уже было выходом земства за пределы своих полномочий, но в то же время земские учреждения должны были заниматься практической стороной народного благосостояния, и игнорировать в связи с этим вопрос несоответствия результатов реформы ее базовым принципам было едва ли возможно³. И.В. Лучицкий писал, что дорогой в оппозицию для прогрессивно мыслящих дворян губернии была попытка разобраться с тяжелым экономическим состоянием крестьянских хозяйств. Изучая местную экономику, часть земцев приходила к выводу, что сама реформа была экономически неподъемна для крестьянства, следовательно проблему можно решить, изменив ряд статей реформы в пользу крестьянства, в частности, пересмотреть статьи о выкупных платежах. По понятным причинам это предложение вызывало негодование земцев, не заинтересованных в подобных мерах, и, как следствие, возрастание антагонизма «левых» и «правых»⁴. Представитель «левой» Тверского земства П.А. Дементьев вспоминал, что его товарищи критически оценивали все реформы первой половины царствования Александра II, за исключением крестьянской. По их мнению, реформы, в том виде, в каком они были претворены в жизнь, «или совсем не касались мужика, или касались его только

¹ П.А.Т. [Дементьев П.А.] Указ. соч. С. 192; Х. [Лучицкий И.В.] Указ. соч. С. 244 – 246.

² Спицина Е.В. «Курсы парламентаризма»: земская оппозиция периода политического кризиса конца 70-х – начала 80-х гг. XIX в. // Вестник Московского университета. 2017. Сер. 8. № 2. С. 66.

³ Спицина Е.В. Там же. С. 67.

⁴ Х. [Лучицкий И.В.] Указ. соч. С. 244 – 246.

весьма поверхностно». Вместо действительных улучшений в областях народной жизни, затронутых реформами, царили «формализм, канцелярщина и “отписыванье”», бурно пустившие корни на почве местного самоуправления¹. Противостояние этим пагубным явлениям и составляло главную задачу земских прогрессистов. По словам земца С.Я. Капустина, «левые» гласные стремились на практике защитить интересы и права народа, угнетаемые произволом крепостников, и вообще «отстранить от народа все вредное и... провести в него все для него полезное»². «Правое» большинство собраний такого либерального энтузиазма не разделяло, интерпретируя призывы к повышению уровня народного благосостояния как политическую дерзость и оскорбление сословных чувств³. И.В. Лучицкий изображал «правых» земцев людьми, преследующими узкосословные интересы и не желающими действительных изменений дореформенного уклада местной жизни. «Это все еще порода людей, – писал он, – у которой крепостное право развило только желудочные инстинкты, парализовав и руки, и голову, для которой мужик продолжает оставаться крепостным мужиком – существом низшей породы, которое не может даже болеть, а тем паче нуждаться в больнице, докторе или школе»⁴.

Противостояние группировок, имеющее явно политический подтекст, иллюстрировала сама практика земской работы. П.А. Дементьев отмечал, что предложения прогрессивного меньшинства и организуемые им мероприятия постоянно встречали отпор со стороны противника. Например, когда тверская «левая» учредила статистическое бюро для исследования уровня жизни населения и экономического состояния губернии, «правая» начала

¹ П.А.Т. [Дементьев П.А.] Воспоминания старого земца // Вестник Европы. 1903. № 10. С. 623, 676.

² Кап-н С. [Капустин С.Я.] Голос к земству // Русская мысль. 1880. № 1. С. 121.

³ Волкова Т. Указ. соч. С. 54.

⁴ Х. [Лучицкий И.В.] О земских делах и деятелях (Из Чернигова. Письмо второе) // Слово. 1878. № 11. С. 168 – 169.

«противодействовать земской статистике систематически и сознательно...»¹. То же происходило и на юге России. Экономист В.Е. Варзар, работавший в то время в Черниговской губернии, рассказывал, что, когда они с гласными А.А. Русовым и П.П. Червинским открыли свое статистическое бюро и начали собирать экономические сведения, «правое» крыло земства негодовало. Расспросы населения о благосостоянии хозяйств виделись им источником слухов о земельных переделах и представлялись угрожающими порядку. Статистика обнажала экономические проблемы губернии, показывая картину крестьянского разорения, а потому встречала сопротивление реакционного большинства собрания, которое требовало закрыть бюро и положить конец аграрной крамоле². Другие инициативы модернизации также встречали активное недовольство. Так, против проектов черниговских либералов А.Ф. Линдфорса и И.И. Петрункевича восстала едва ли не вся стародворянская гвардия. Скандал был вызван предложением первого ввести в состав земских учреждений представителей крестьянства для более эффективной работы в сфере промыслов и земледелия³, и требованием второго установить прогрессивную шкалу налогообложения, освобождающую от платежей минимальные земельные наделы⁴.

Стремясь гасить на корню подобные инициативы «левых» и избежать дискуссии, «правые» нередко прибегали к своим широким неофициальным возможностям⁵. В той же Черниговской губернии они активно использовали в борьбе с «вредными» веяниями в земстве местную печать, которая быстро стала подобием бульварного издания, коллекционирующего слухи и «желтые»

¹ П.А.Т. [Дементьев П.А.] Воспоминания старого земца // Вестник Европы. 1903. № 9. С. 192.

² Варзар В.Е. Указ. соч. С. 8.

³ Русова С.Ф. Указ. соч. С. 105.

⁴ Котельницкий Н.А. Общественная деятельность И.И. Петрункевича на Черниговщине (1868 – 1879 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. 2010. № 4. С. 13 – 22.

⁵ Спицина Е.В. «Курсы парламентаризма»: земская оппозиция периода политического кризиса конца 70-х – начала 80-х гг. XIX в. // Вестник Московского университета. 2017. Сер. 8. № 2. С. 68 – 69.

сенсации, направленные на дискредитацию политических противников. Самым деятельным земским либералам даже посвящали отдельные рубрики, где из номера в номер муслировались разного рода клеветы, колкости и провокации¹. Найти повод для инсинуаций труда не составляло – его нередко давала сама служебная биография героя очередной рубрики. В случае с И.И. Петрункевичем, например, обвинениям со стороны «правых» благоприятствовало его нарочито вызывающее поведение. С.Ф. Русова, сестра товарища И.И. Петрункевича А.Ф. Линдфорса, вспоминала, что И.И. Петрункевич был блестящим политиком-оратором, популярным среди молодежи, и в то же время «одиозной», «нервной» личностью с большими политическими амбициями². Он демонстративно пренебрегал негласными правилами сословной корпоративности. Было известно, что еще вольнослушателем Петербургского университета, И.И. Петрункевич собрал студенческий кружок, в котором обсуждалась политика и пропагандировались идеи народоуправия и гражданского равноуправия вне зависимости от сословной, национальной, вероисповедной и проч. принадлежностей³. Вернувшись в Черниговскую губернию, И.И. Петрункевич не скрывал своих противоправительственных воззрений и, получив в начале 1870-х гг. должность председателя съезда мировых судей в Борзнянском уезде, демонстративно противопоставил свои принципы как представителя нового пореформенного законоупорядка традиционной корпоративной дворянской этике. Так, он отказался выполнить личную просьбу своего коллеги о присуждении последнему чина по выслуге лет, сославшись на то, что судебная реформа запрещает награждать представителей суда сословными титулами. За этим последовал еще один скандал. И.И. Петрункевич отказался удовлетворить требование некоего известного на юге России писателя,

¹ Х. [Лучицкий И.В.] О земских делах и деятелях (Из Чернигова. Письмо третье) // Слово. 1878. № 12. С. 178 – 179.

² Котельницкий Н.А. Иван Ильич Петрункевич: жизнь и деятельность на Черниговщине. М., 2015. С. 78 – 79.

³ Линд В.Н. Указ. соч. С. 53 – 54.

который вместе с женой был оскорблен обращением на «ты» со стороны крестьянина-сторожа. Дело было закрыто почти сразу, а истцам И.И. Петрункевич сообщил, что поскольку они сами обращались к сторожу на «ты», суд не видит причин, по которым обвиняемый не должен был обращаться к ним так же¹. Подобные шаги, разумеется, способствовали закреплению за И.И. Петрункевичем репутации врага устоев и порядка. Однако сам факт появления в дворянской среде тех, кто ставит законность выше корпоративных интересов, говорил о возникновении в рядах «государевых людей» сторонников модернизации существующей социальной системы.

Появление в конце 1870-х гг. на земских должностях людей, подобных И.И. Петрункевичу, вызывало недовольство консервативного большинства собраний. Конфликт в земстве Черниговской губернии между прогрессистами и «правыми» дошел до того, что председатель собрания, обязанный держаться нейтралитета, при обсуждении очередной инициативы открыто встал на сторону противников изменений. Стремясь пресечь обсуждение острых вопросов, председатель нарушал регламентированный служебными инструкциями ход заседаний и всячески выказывал свою поддержку «правой» части гласных². Противостояние от этого только еще больше накалялось и набирало обороты. Постоянные стычки между группировками и игнорирование законного порядка заседаний вынуждали прогрессивное земское меньшинство искать более эффективные способы отстаивания своих интересов. Так родилась мысль о необходимости упорядоченности и кооперации в борьбе с реакционными тенденциями и началась выработка общей стратегической платформы земской оппозиции. Можно говорить о стремлении «левых» в это время к созданию подобия партийной организации и формулированию программных принципов. Так, черниговский земец В.М.

¹ Котельницкий Н.А. Общественная деятельность И.И. Петрункевича... С. 12.

² Русова С.Ф. Указ. соч. С. 97.

Хижняков указывал, что одновременно с обострением борьбы в собрании, у «левых» появился обычай собираться накануне обсуждения важных вопросов, коллективно разбирать предстоящие доклады и продумывать возможные возражения и дополнения к ним. Все внутренние разногласия также должны были решаться на собраниях, поскольку перед противником необходимо было выступить единым фронтом. В некоторых случаях, когда предстояло обсуждение особо важных вопросов, «левые» даже распределяли и прописывали роли. И такая тактика имела успех¹. Приезжая на собрание, «правые» привычно принимались за игру в карты и обсуждение культурных мероприятий, в то время как земские «левые» выступали с яркими запоминающимися речами, подготовленными по модели политических дебатов². В итоге, несмотря на количественное преобладание первых, создавалось ощущение перевеса сил прогрессивной части земства³. Неслучайно консервативные «Московские ведомости», указывая на тенденции развития земских учреждений, называли их «курсами парламентаризма»⁴. К слову, и сами «левые» земцы в этот период стали определять себя как «партию». И.В. Лучицкий в своих воспоминаниях особенно подчеркивал этот новый принцип объединения, отмечал, что земская оппозиция самоорганизовывалась не на традиционных основаниях родства, приятельства или патрон-клиентских отношений, а благодаря общности социально-политических представлений и целей, т. е. была партией «в настоящем смысле этого слова»⁵. Начальник Черниговского губернского жандармского управления в донесении черниговскому губернатору от 13

¹ Спицина Е.В. «Курсы парламентаризма»: земская оппозиция периода политического кризиса конца 70-х – начала 80-х гг. XIX в. // Вестник Московского университета. 2017. Сер. 8. № 2. С. 69.

² Хижняков В.М. Воспоминания земского деятеля. Пг., 1916. С. 159.

³ Цит. по: Кривонос М. Мятёжное земство. Тверь, 2001. С. 128, прим.

⁴ Веселовский Б.Б. Децентрализация управления и задачи земства // Юбилейный земский сборник. 1864 – 1914. СПб., 1914. С. 47.

⁵ Х. [Лучицкий И.В.] О земских делах и деятелях (Из Чернигова. Письмо первое)... С. 244.

января 1880 г. писал, что в губернии распространяются «небезосновательные слухи о существовании... какой-то партии, не сочувствующей существующему порядку», что одним из лидеров этой «партии» состоит И.И. Петрункевич и стремится она «к конституции и вообще к проведению этих [конституционных] начал в разных сферах общества»¹. И.И. Петрункевич позже также подтверждал, что обвинения в адрес «левых» не были беспочвенными. По его словам, своей главной задачей земские либералы считали постепенную подготовку народа «к принятию власти в свои руки» и водворению «действительного самоуправления, как местного, так и государственного»².

Таким образом, к концу 1870-х гг. среда земского дворянства оказалась окончательно расколовшейся. В поисках решения самых острых проблем местной жизни земские собрания так или иначе упирались в спор об их политической обусловленности. Одна часть гласных видела источник бед в противоречии духа реформ 1860-х гг. тому, как они были осуществлены, другая, правая, часть – считала причиной неустройства именно чрезмерные желания «прогрессистов». Сословно-корпоративные мотивы уже не обладали силой, способной удержать стороны от прямого конфликта. Как позже писал консерватор В.П. Мещерский, в земских собраниях разворачивалась «борьба Алой и Белой розы»³. В условиях политического кризиса дворянство, прежде бывшее «первым и верным слугою верховной власти»⁴, само выделило из своей среды людей, стремившихся к уничтожению принципа сословности⁵, его политических, экономических и социокультурных эманаций, к замене дореформенного государственного уклада порядком конституционным⁶.

¹ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 335. ЛЛ. 12, 113.

² Петрункевич И.И. Указ. соч. С. 90.

³ Цит. по: Гросул В.Я. Указ. соч. С. 374.

⁴ Баринаева Е.П. Указ. соч. С. 1035.

⁵ Изгоев А.С. Указ. соч. С. 3.

⁶ Ленин В.И. Гонимые земства и Аннибалы либерализма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1967. Т. 5. С. 26.

Впервые земство заявило о себе как о политической силе осенью 1878 г. 20 ноября Александр II призвал общество помочь правительству «в борьбе с крамолой», что было воспринято земскими собраниями как допуск в политику. За выступлением императора последовал шквал ответных заявлений, известный как «адресная кампания» 1878 – 1879 гг. Большая часть адресов на имя императора представляла собой уверения в верноподданнических чувствах земства, обещания помочь в деле искоренения «крамольного семени», а также призывы ужесточить охранительную политику. Типичным ответом земств императору было, например, обращение Смоленского губернского земского собрания, содержание которого можно назвать откровенно реакционным. Авторы адреса предлагали искать источник крамолы в ошибочном реформизме начала царствования, говоря, что в 1861 г. страна ступила на неверный путь и с тех пор общество стало развиваться «неправильно»¹. Также составители адресов убеждали правительство, что революционное движение не связано с земской почвой и поддержки в провинции не имеет². Действительности это соответствовало мало, поскольку резкого размежевания в оппозиционной земской среде не было³. В рядах земских служащих можно было обнаружить оппозиционеров всех мастей – от самых умеренных, тяготевших к консерватизму, до откровенных радикалов, разделявших народнические идеи и участвовавших в революционном движении⁴. Например, известно, что когда революционер Дмитрий Лизогуб, находящийся под надзором полиции, в конце 1878 г. пытался избираться в мировые судьи, противником этого выступил только начальник Черниговской губернии, местная же уездная земская управа его кандидатуру поддерживала⁵.

¹ Скалон В.Ю. Мнения земских собраний о современном положении России. Берлин, 1883. С. 75 – 78.

² Цит. по: Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. СПб., 1909. Т. 3. С. 232.

³ Пирумова Н.М. Земская интеллигенция... С. 234.

⁴ Гросул В.Я. Указ. соч. С. 270.

⁵ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 335. Л. 113.

На фоне массы реакционных заявлений своим неприкрытым критицизмом выделялись адреса Тверского и Черниговского земств, составителями которых были известные «левые» гласные – либералы братья А.А. и П.А. Бакунины, Ф.И. Родичев, братья И.И. и М.И. Петрункевичи, А.Ф. Линдфорс, А.П. Карпинский и др. В адресах этих земств в насаждении революционных настроений прямо обвинялось само правительство¹. По мнению черниговских и тверских гласных, внутривластный курс, направленный на подавление общественной мысли и гражданской активности, имел своим логическим следствием еще большее отторжение общества от правительства. Репрессивные меры были справедливо восприняты прогрессивной частью населения как попрание властью прав личности, и последующая за этим радикализация настроений, вплоть до политического террора, – являлась, по мысли земских либералов, естественной реакцией на отношение, проявленное правительством к обществу. Решение проблемы земские «левые» видели в возвращении на путь Великих реформ. В заявлении Тверского губернского земского собрания говорилось, что «постепенно повторяющиеся политические преступления и убийства... суть только внешние признаки общих глубоких недугов, кроющихся в нашем общественном организме...». Действительные же причины кризиса порождены «различными административными распоряжениями», подрывающими такие «блага просвещения», как самоуправление, самостоятельность личности, независимый суд и свободная печать, и подготавливающими таким образом «благоприятную почву для развития и распространения анархических идей»². Составители адреса указывали, что средства к умиротворению также находятся в руках правительства³ – необходимо удовлетворить насущные общественные нужды, такие как

¹ Скалон В.Ю. Указ соч. С. 86 – 89.

² Там же.

³ Спицина Е.В. «Курсы парламентаризма»: земская оппозиция периода политического кризиса конца 70-х – начала 80-х гг. XIX в. // Вестник Московского университета. 2017. Сер. 8. № 2. С. 70 – 71.

неприкосновенность прав личности, независимость суда, свобода печати и подлинно свободное самоуправление¹.

С подобными конституционными заявлениями «старая бакунинская партия» тверских «левых» выступала и раньше. В феврале 1862 г., когда Тверское губернское дворянское собрание обсуждало Положение 19 февраля, братья А.А. и П.А. Бакунины и их сторонники из числа тверского дворянства, выступили с критикой крестьянской реформы. Четырехдневные дебаты завершились тем, что «бакунинцам» удалось склонить на свою сторону большую часть присутствующих, после чего собрание едва ли не переросло в антиправительственный бунт. Положение 19 февраля было признано неудовлетворительным, собрание требовало внести изменения в реформу, в частности, установить немедленный выкуп государством части помещичьей земли и предоставить ее в качестве наделов крестьянам. Кроме того, звучали и общедемократические требования – независимость суда, гласность, уничтожение сословных привилегий, создание выборного всенародного органа для верховного государственного управления². Спустя пятнадцать лет эти же требования были изложены в адресе Тверского губернского земского собрания.

Адрес, составленный гласными Черниговского земства, содержательно был идентичен. Черниговские гласные также заявляли, что подлинной причиной распространения революционных идей является «отсутствие свободы слова и печати», «отсутствие среди русского общества чувства законности» и государственных мер по его воспитанию³. Однако требования черниговцев звучали еще резче, поскольку были сформулированы ультимативно – составители адреса отказывались откликаться на зов о помощи и спасти тонущее в кризисе правительство, предложив власти самой

¹ Белоконский И.П. Указ. соч. С. 16.

² Шестопапов А.В. Указ. соч. С. 117.

³ Скалон В.Ю. Указ. соч. С. 92 – 93.

сделать выбор между конституцией и революцией¹. Они писали: «Не имея гарантий в законе, не имея общественного мнения,... лишенное свободы критики... – русское общество представляет разобщенную, инертную массу... Земство Черниговской губернии с невыразимым огорчением констатирует свое полное бессилие принять какие-либо практические меры в борьбе со злом»².

В адресах обоих оппозиционных земств речь шла о возвращении к курсу системных либеральных реформ. Лидеры земской оппозиции требовали пересмотра принципов государственного управления в пользу конституционно-представительной модели и только при условии оплаты этого «политического векселя» соглашались выйти из конфронтации с правительством и выступить против революционного террора. Учитывая «тяжелое, гнетущее впечатление», которое, по словам В.Ю. Скалона, произвела даже на самых умеренных либералов масса реакционных земских адресов³, выступления Тверского и Черниговского земств на этом фоне выглядели «дерзостью» неслыханной⁴. Несмотря на количественное преобладание верноподданнических выступлений, «адресная кампания» показывает, что «живая» земская сила, у которой правительство искало поддержки, при условии сохранения существующей политической системы отказалась идти к нему навстречу. Призыв власти остался пустым звуком⁵.

Кроме адресов Тверского и Черниговского земств, заслуживают внимания и другие документы, свидетельствующие о стремительной политизации земства в целом и радикализации настроений даже той части

¹ Спицина Е.В. «Курсы парламентаризма»: земская оппозиция периода политического кризиса конца 70-х – начала 80-х гг. XIX в. // Вестник Московского университета. 2017. Сер. 8. № 2. С. 71.

² Цит. по: Белоконский И.П. Указ. соч. С. 14 – 15.

³ Скалон В.Ю. Прошедшее земских учреждений // В.Ю. Скалон. Земские вопросы. Очерки и обозрения. М., 1882. С. 17.

⁴ Цит. по: Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 80-х гг. // Русская мысль. 1910. № 9. С. 12.

⁵ Глинский Б.Б. Революционный период русской истории... С. 144.

земской общественности, которая ранее отреклась от либерализма. Среди таких документов, например, записка представителя Харьковского земства Е.С. Гордеенко, проект адреса земства Симбирской губернии за авторством близкого к славянофилам и Н.П. Игнатьеву Д.И. Воейкова, адрес Новгородского губернского земства. Такого рода обращения к власти составлялись с подчеркнутой политической умеренностью в надежде на то, что консервативные земские голоса имеют шанс быть услышанными¹. Тем не менее, в основном направлении мысли и по многим отдельным позициям заявления Харьковского и Симбирского земств были близки к взглядам, изложенным тверскими и черниговскими гласными. Так, записка Е.С. Гордеенко начиналась со слов, которые правительство хотело услышать: «Социалисты, демократы, либералы, клерикалы и коммунисты – не имеют русского имени; то – заблудившиеся иностранцы, которым чужды русская среда, язык их нам не понятен...»². Но далее глава харьковского земства повторял слова своих оппозиционных коллег: «Есть одно важное орудие земства, которое могло бы оказать содействие правительству, – это общественное мнение, которого у нас нет...»³. Е.С. Гордеенко, отнюдь не разделявший «радикализма» земских «левых», озвучивал, тем не менее, ту же самую мысль: без свободы слова и совести, без возможности открытой дискуссии общество, даже желая того, не способно ничего противопоставить энергии революционного движения. В том же ключе высказывался и Д.И. Воейков в записке, изданной им отдельной брошюрой в Лейпциге в 1879 г. под псевдонимом «Земский гласный Д.В.». Его проект составлен не в виде критических замечаний, а как обобщенная рекомендательная программа правительству. Д.И. Воейков, помимо обоснования необходимости удовлетворения основных требований земской оппозиции, впервые прямо

¹ Ярцев А.А. Государственная власть и земские учреждения. 1864 – 1890. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д. и. н. СПб., 2003. С. 35.

² Цит. по: Веселовский Б.Б. История земства... Т. 3. С. 232.

³ Там же.

поднял тему представительства. Развивая идею о возвращении к либеральным реформам, он заключал, что апогеем преобразовательной деятельности правительства, если оно желает восстановить здоровую общественно-политическую атмосферу, должно стать создание Общей Земской Думы для совместной работы представителей земли и верховной власти¹. Новгородское губернское земство также требовало создать законосовещательное учреждение из уполномоченных земствами лиц и гарантировать «полную свободу речи», «печатного слова», «преподавания», «неприкосновенности личности» и независимости суда².

Можно видеть, что, несмотря на частные различия, требование представительства, воспринимавшееся еще в начале 1860-х гг. едва ли не революционным, к концу 1870-х гг. стало общим местом оппозиционных земских выступлений. В той или иной форме оно повторялось во всех проектах модернизации, начиная от умеренной программы Д.И. Воейкова с его верой в славянофильский идеал единства монарха с народом и заканчивая требованиями «левых» либералов вроде И.И. Петрункевича и братьев Бакуниных. К.Ф. Головин, которого вряд ли можно заподозрить в симпатии к либеральным проектам, в своих воспоминаниях верно заметил, что позиция самой граждански ответственной и деятельной части земского общества по отношению к правительству на рубеже 1870-х – 1880-х гг. заключалась в словах: «Расхлебывайте кашу, которую заварили, сами, а мы будем на вас спокойно поглядывать и любоваться, что из всего этого выйдет... “Поделом вам, господа, поделом”...»³.

Публичное провозглашение основных принципов земской оппозиции следует считать главным результатом адресной кампании 1878 – 1879 гг. Именно благодаря общему направлению мысли земским «левым» удалось

¹ Земский гласный Д.В. [Дмитрий Воейков] Земство и призыв правительства к борьбе с революционной пропагандой. Лейпциг. 1879. С. 21.

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 1567. ЛЛ. 4 об. – 5 об., 13 об. – 16.

³ Головин К.Ф. Мои воспоминания. СПб., 1908. Т. 1. С. 314 – 315.

впервые заявить о себе как о политической силе, что ставило в повестку и вопрос о выработке развернутой программы земского либерализма. Основными положениями этой программы должны были стать требования конституционных гарантий прав и свобод (слова, совести, неприкосновенности личности и др.) и реформирования системы государственного управления на основах конституционализма и представительства.

Сплочение земской оппозиции и формулирование ее политической платформы происходило не только в местных собраниях и в непосредственной борьбе с противниками реформ. Параллельно с этим идеи земского самоуправления активно популяризировала столичная умеренно-либеральная печать, где развернулась целая кампания по обоснованию прогрессивной общественно-политической роли земства. Наиболее выдающимися в этом отношении были публицисты журнала Московского юридического общества «Юридический вестник», редакция которого в конце 1870-х – начале 1880-х гг. открыто симпатизировала росту в земской среде леволиберальных настроений. Группа известных журналистов и ученых, в ряду которых были С.А. Муромцев, В.А. Гольцев, В.Ю. Скалон, В.Н. Лешков, А.И. Чупров и др., начиная с 1870-х гг., прямо демонстрировала на страницах журнала свою приверженность к программе земских «левых». А в 1880 г. В.Ю. Скалон совместно с А.И. Кошелевым учредили газету, которую провозгласили органом земства.

Подробная разработка платформы леволиберального земского движения впервые появляется именно на страницах «Юридического вестника». И, хотя изначально журнал специализировался только на юридических вопросах, за короткий срок он превратился из умеренного органа в оппозиционное издание с явным политическим уклоном в сторону конституционализма. Связано это было с тем, что многие члены редакции сами являлись земскими работниками – состояли гласными Московского и других провинциальных земств, – и лично наблюдали подъем оппозиционных

настроений в конце 1870-х гг. и раскол среди гласных на «левых» и «правых», были участниками борьбы в собраниях¹. Редактор «Юридического вестника» С.А. Муромцев, являвшийся также гласным Московского земского собрания, в одной из своих статей, опубликованной в первом номере газеты «Порядок» за 1881 г., описывал такой же раскол среди представителей Московского земства, о котором вспоминали гласные Черниговского и Тверского губернских земств. Правда, соотношение сил в Московском собрании оказалось иным. Если в Чернигове и Твери на фоне политической апатии «правых» и их пренебрежения к местной жизни верх взяли «прогрессисты», то в Московском собрании явно преобладали «люди, которые, – как их характеризовал С.А. Муромцев, – вносят в земское дело и запах постного масла, и крепостнические тенденции»².

Включенность либералов «Юридического вестника» в борьбу земских группировок предопределила тематическую переориентацию журнала, сделав его рупором земского либерализма. Излагая свое видение истоков политического кризиса, публицисты издания стремились представить свои выводы аргументированно и научнообразно. Так, рассуждая о причинах политического кризиса конца 1870-х гг., они, как и их земские «левые», обращались к дискуссии о реформах начала царствования Александра II, расколовшей провинциальные собрания. По мнению публицистов «Юридического вестника», всплеск оппозиционных настроений был обусловлен непоследовательностью политической линии самого правительства. Развернув в начале 1860-х гг. курс на либеральные реформы, власть вскоре отказалась от него, разочаровав тем самым воодушевившееся общество. С.А. Муромцев писал: «В настоящее время выступает, в качестве господствующего, как раз то поколение, политическое образование и

¹ Спицина Е.В. «Курсы парламентаризма»: земская оппозиция периода политического кризиса конца 70-х – начала 80-х гг. XIX в. // Вестник Московского университета. 2017. Сер. 8. № 2. С. 72 – 73.

² Муромцев С.А. 26 декабря 1880 г. // Муромцев С.А. Статьи и речи. М., 1910. Вып. III. С. 2, 4.

воспитание которого началось в первые 15 лет настоящего царствования. Это поколение... не виновато, что само правительство нашло тогда нужным сообщить ему известные политические идеалы»¹. Правительственная линия второй половины царствования Александра II описывалась публицистами «Юридического вестника» как оскорбляющая общество, пренебрегающая его потребностями и надеждами. Пропасть между властью и народом трактовалась как прямое следствие ограничительной политики правительства, произвола на высшем уровне управления, в ответ на который и возник революционный террор². В вопросе о средствах оздоровления общества авторы «Юридического вестника» и газеты «Земство» также поддерживали рекомендации оппозиционных земских адресов о необходимости коренного изменения политического быта. С.А. Муромцев писал: «Если протест подпольный и крамольный имеет теперь почву, то только потому, что здоровая дума находится в загоне... Дайте свободу ей, и всякая крамола потеряет смысл и силу, потому что не выдержит состязания с деятельностью свободною, здоровою и законною»³. Обосновывая справедливость ультимативных требований «левых» земцев, публицисты представляли эти требования не в форме «политического векселя», а в качестве необходимого условия, при котором возможна нормализация отношений общества и власти, от чего зависит судьба государства в целом⁴. Лично тесно связанный с земскими кругами В.А. Гольцев (его жена в прошлом была помещицей

¹ Муромцев С.А. В начале 1880 г. (Юридический вестник. 1880. № 1, 3, 4) // Муромцев С.А. Статьи и речи. М., 1910. Вып. V. С. 9.

² Скалон В.Ю. 1) Общий очерк земской деятельности. Причины неудовлетворительного характера земского дела // Скалон В.Ю. Земские вопросы. Очерки и обозрения. М., 1882. С. 74; 2) Земские взгляды на реформу местного самоуправления. М., 1884. С. 38; 3) 1880 год (Земство. 1881. № 6) // Скалон В.Ю. По земским вопросам. В переходное время 1880 – 1882. Очерки, обозрения, заметки. СПб., 1905. С. 1; 4) Две политические программы // Там же. С. 28 – 29; 5) Отставка гр. Лорис-Меликова и программа нового министра // Там же. С. 43.

³ Муромцев С.А. В начале 1880 г... С. 5 – 6.

⁴ Спицина Е.В. «Курсы парламентаризма»: земская оппозиция периода политического кризиса конца 70-х – начала 80-х гг. XIX в. // Вестник Московского университета. 2017. Сер. 8. № 2. С. 73.

Новоторжковского уезда и имела давнее знакомство с семьей Бакуниных¹⁾ писал по этому поводу: «Не участвуя в политической жизни, он [народ] утрачивает политический смысл, а без этого смысла самые мудрые государственные люди, самое сильное, великодушное и просвещенное правительство не в состоянии правильно руководить внешней политикой и разумно относиться к явлениям внутренней жизни»²⁾. Обобщая требования местной оппозиции, московские земцы, концентрировавшиеся вокруг «Юридического вестника», стремились выработать теоретическую платформу земской либеральной «партии». Наиболее емко формула редакции была выражена словами: «Самоуправление и свобода совести, слова, печати – составляют основное условие правильного развития и личности, и государства»³⁾.

Таким образом, единственно возможный выход из социально-политического кризиса, лежал, по мнению, как практиков, так и теоретиков земского либерализма, в области прогрессивной перестройки аппарата управления, утверждения конституционного порядка и признания верховенства интересов народа смыслообразующим фактором государственной системы. Эти принципы были подсказаны практической жизнью земства и формулировались в процессе борьбы «партий» внутри земских собраний и в виде оппозиционных адресов на имя Александра II. В то же самое время, благодаря московским либералам, они получали теоретическую разработку в качестве общих условий благосостояния общества и государства. И выступления земской оппозиции в собраниях, и труды публицистов «Юридического вестника» сводились к тезису о том, что гарантии прав и свобод личности и создание института народного представительства являются не только насущными требованиями самой

¹⁾ ИРЛИ РАН. Р. I. Оп. 2. Д. 343. Л. 68.

²⁾ Гольцев В.А. Государство и самоуправление. Историко-юридические очерки. М., 1882. С. 15.

³⁾ Там же. С. 29.

жизни, но и обусловлены исторически как неизбежный этап развития общества.

§ 2. Революционный конституционализм рубежа 1870-х – 1880-х гг.

Общественный подъем периода русско-турецкой войны и рост прогрессистских ожиданий в связи с политической «щедростью» Александра II в Болгарии, в самый короткий срок потерпели крах. Правительство дало понять, что либеральные надежды об «увенчании здания», возведенного реформами начала царствования, безосновательны и ожидать возвращения к прежнему курсу не следует. Однако в условиях социального оживления, когда популярность вновь приобрели разговоры о трансформации государственной системы России, отказ правительства идти навстречу давно назревшим общественным нуждам, вызвал в кругах, вовлеченных в общественно-политическую дискуссию, резкий рост раздражения, грозивший приобрести более острые формы¹. К концу 1870-х гг. атмосфера в стране характеризовалась всплеском «боевых настроений», которые повсеместно искали себе выхода². Неслучайно именно в это время заметно «полевела» либеральная часть земских собраний, что выжалось в открытой политической конфронтации «партии» либеральных гласных с реакционным большинством и даже с правительством. Но процесс радикализации взглядов в условиях обострения кризиса затронул не только либеральный фланг оппозиции. Представители революционного фланга также осознали необходимость разработки иной линии борьбы – более эффективной и ориентированной на реальную политическую ситуацию.

Как и «левая» партия земства, новые революционные веяния родились на юге России. Народник В.К. Дебогорий-Мокриевич вспоминал, что именно

¹ Будницкий О.В. Указ. соч. С. 45.

² Дан Ф.И. Происхождение большевизма. К истории демократических и социалистических идей в России после освобождения крестьян // Ф.И. Дан, И.Г. Церетели: два пути. Избранное. М., 2010. Ч. 1. С. 177.

в малороссийских губерниях, вблизи театра военных действий, где были наиболее ощутимы тяготы войны и многочисленные злоупотребления властей в военный период, уже в конце 1877 г. «стало наблюдаться какое-то новое, не народническое настроение»¹. Впервые после «хождения в народ» в революционных кругах заговорили о недостаточной разработанности стратегической и тактической сторон социалистического идеала. У движения не было ни четкого понимания ближайших задач, ни определенности в вопросе путей и средств их достижения – ничего, кроме веры в социалистическое будущее и опыта работы «в народе»². Однако последний нельзя было назвать успешным, поскольку именно он и показал абстрактность и практическую несостоятельность старых пропагандистских методов. До конца 1870-х гг. средством революции в народнических кружках признавали «насильственный переворот». На протяжении долгого времени эта абстрактная формула считалась достаточной, хотя в действительности она просто заслоняла проблему тактической бессистемности революционных акций³. Когда же после неудачи «хождения в народ» в южных кружках возникла дискуссия о необходимости конкретизировать формулу «насильственного переворота» и обозначить шаги на пути к этой цели, народническая вера в силу агитации начала рассыпаться. Очевидны стали ее оторванность от политических реалий и как следствие этого практическая неэффективность.

Уже на начальном этапе перерождения народничества сложилось два основных взгляда на тактические принципы революционного движения, что предопределило последующий раскол «Земли и воли». Группа, близкая к кружку В.К. Дебогория-Мокриевича, считала возможным сохранить прежнюю тактику, расширив ее пунктами, связанными с организацией

¹ Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. М.; Л., 1930. Кн. 1. С. 365.

² Спицина Е.В. «Еретики» и «политики»: революционный конституционализм в России на рубеже 70-х – 80-х гг. XIX в. // Вестник Пермского университета. 2018. № 2. С. 57.

³ Попов М.Р. Из моего революционного прошлого // Былое. 1907. № 7. С. 241.

искусственного революционного возбуждения аграрной среды. Инициировать крестьянские бунты предполагалось самыми разными средствами – от традиционной агитации до самозванщины¹. В последующем эта установка оказала влияние на формирование программно-тактических принципов возникшей на обломках «Земли и воли» организации «Черный передел»². Куда более существенные изменения претерпели воззрения революционных групп, тяготевших к кружку В.А. Осинского и Г.А. Попко. В них впервые заговорили о том, что революционное движение не должно отрешиваться от идеи политической борьбы, поскольку оно само есть явление жизни политической и непонимание этого вновь обрекает движение на неудачу. Ближайшей задачей революционного лагеря они видели выработку строго политической программы, сосредоточенной на насущных вопросах гражданских прав и свобод, т. е. программы, ориентированной на требования исторического момента и, таким образом, на сближение с общелиберальными конституционными требованиями. Кружок В.А. Осинского, вскоре провозгласивший себя южной «дезорганизаторской группой» и «исполнительным комитетом» «Земли и воли», и вовсе прямо признал «полезность конституционного режима»³ и необходимость борьбы за политические права⁴. Летом 1878 г. «дезорганизаторы» писали в конспиративном письме прокурору Петербургской судебной палаты А.А. Лопухину по поводу убийства генерала Н.В. Мезенцева и нарушения прав содержащихся под стражей подозреваемых: «Наши требования скромны и разумны – вы не можете не согласиться с этим. В любом из европейских, хотя и далеко не благоустроенных, государств каждый гражданин пользуется

¹ Там же. С. 259.

² Терехова С.А. Революционеры-народники и идея «народного монархизма» (на примере «Чигиринского заговора»). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к. и. н. Воронеж, 2016. С. 19.

³ Дебогорий-Мокриевич В.К. Указ. соч. Кн. 2. С. 54.

⁴ Спицина Е.В. «Еретики» и «политики»: революционный конституционализм в России на рубеже 70-х – 80-х гг. XIX в. // Вестник Пермского университета. 2018. № 2. С. 57.

такими правами. И не наша вина, если нам приходится добиваться их, приставив вам нож к горлу»¹.

Позиция кружка «дезорганизаторов» принципиально меняла облик революционного движения. Еще несколько лет назад идея борьбы за политические права клеймилась в революционных кругах как еретическая, а ее сторонников пренебрежительно называли «конституционалистами» и «политиками»². Л.Г. Дейч вспоминал, что кумиром революционной молодежи в то время был М.А. Бакунин, и в соответствии с радикальностью его воззрений, такие наименования означали примерно то же самое, что и «эксплуататор» или «буржуа»³. Зимой 1877 – 1878 гг. во время обсуждения второй редакции программы «Земли и воли» В.А. Осинский впервые предложил внести в документ пункты с политическими требованиями, признав, что «дезорганизация правительства» – это не столько месть и моральный протест, сколько борьба за свободы. Большинством голосов предложение было отвергнуто, однако раскол в группе явно обозначился⁴. Одно крыло «Земли и воли» осталось на прежних народнических позициях и продолжало отрицать политические мотивы революционной борьбы, другое – рассматривало конституционализм как возможный этап борьбы за социалистическую реорганизацию общества⁵. Этих убеждений среди революционеров придерживались А.И. Желябов, В.А. Осинский, Д.А. Клеменц, С.С. Златопольский, И.Ф. Волошенко и др. Позже ряды «конституционалистов» пополнили и некоторые из тех, кто прежде выступал противником «политики».

Раскол среди революционеров нашел отражение и на страницах одноименного печатного органа «Земли и воли». В первых же номерах газеты

¹ Цит. по: Твардовская В.А. Указ. соч. С. 22 – 23.

² Иванов-Разумник Р.В. Указ. соч. С. 108.

³ Дейч Л.Г. От народничества к марксизму (из воспоминаний) // Современный мир. 1914. № 2. С. 48.

⁴ Серебряков Е.А. Общество «Земля и воля». Лондон, 1902. С. 35.

⁵ Фроленко М.Ф. Липецкий и Воронежский съезды // Былое. 1907. № 1. С. 79.

редактор издания Д.А. Клеменц разместил статью и фельетон своего авторства, вызвавшие недоумение «традиционных» народников. Главный идеологический материал газеты не содержал ни строчки в привычном пропагандистском духе. Вместо рассуждений о принципах народничества Д.А. Клеменц делал «реверансы» в сторону либералов и рассуждал в основном о конституции. Он указывал на возможные взаимные выгоды от координации действий представителей умеренной и революционной оппозиции и советовал либералам отказаться от выжидательной позиции, выступить более напористо, не боясь запретительных мер. Тогда, как считал Д.А. Клеменц, удастся суммировать силы давления на правительство, и возможно даже добиться необходимой и либералам, и революционерам легализации политической борьбы. «Разумеется, – писал он, – со свободой печати, сходок, гласных судов над политическими преступниками не прекратится наша борьба, но она примет более человеческий характер»¹; «Если мы прибегли к кинжалу, то значит, действительно, не оставалось других средств заставить уважать наши священные, человеческие права. С той же минуты, как наша свобода и наша личность будут гарантированы от произвола, мы, безусловно, прекращаем ту систему самосуда и самозащиты, к которой вынуждены прибегать теперь. Признайте за нами наши человеческие права – и мы будем свято чтить ваши»². Не меньшей «ересью» выглядели в глазах народников-пропагандистов и рассуждения Д.А. Клеменца о выгодах конституционного строя для большей части общества, как и его практические советы либералам. Редактор «Земли и воли» объяснял последним, как привлечь к борьбе пассивного среднестатистического обывателя: «Поставьте... на вашем знамени: экономическая, поземельная и податная реформа, уничтожение паспортной системы, свобода переселений и передвижений. Бросьте только эти три лозунга в массу сысоек, – и вы удивитесь сами их чарующему действию: ваша

¹ Цит. по: АДП РНБ. Ф. 1097. Оп. 1. Д. 24. ЛЛ. 68 – 69.

² Цит. по: Передовая статья из газеты «Земля и воля!»... С. 407 – 408.

свобода убеждений, право контроля над властями, личная неприкосновенность станут вне сомнений и вне вопросов»¹. Подобные выступления, тем более со страниц социалистического издания, только усугубляли противоречия среди землевольцев. Одни сочли доводы Д.А. Клеменца разумными, другим они показались предательством символа веры народничества и проповедью буржуазных свобод.

На рост числа сторонников «конституционного» направления революционной мысли влиял, кроме того, и личный авторитет уважаемых среди революционеров публицистов, которые в конце 1870-х гг. также стали высказываться о разумности борьбы за общелиберальные требования. Так, среди кумиров революционной молодежи активным сторонником «революционного конституционализма» являлся в этот период Н.К. Михайловский. По воспоминаниям Н.С. Русанова, на момент их знакомства в 1878 г. Н.К. Михайловский уже явно был «политиком», как и познакомивший их другой популярный публицист-народник С.Н. Кривенко². В апреле 1878 г. в приложении к газете «Начало» Н.К. Михайловский указывал, что на мысль о повороте революционного движения в русло политической борьбы его натолкнуло покушение В.И. Засулич на Ф.Ф. Трепова, которое показало, что действительной целью революционного движения является «вырывание» у власти гарантий неприкосновенности прав человека. Н.К. Михайловский также сформулировал две пункта, составляющих, по его мнению, ближайшие цели революционной борьбы: конституция и реальное общенародное самоуправление, которое на нижнем уровне будет осуществляться земством, а на государственном – Земским собором. Если же правительство откажется идти навстречу этим умеренным требованиям, Н.К. Михайловский считал возможным добиваться их исполнения силой, для чего рекомендовал создать

¹ [Клеменц Д.А.] Фельетон. Письма чистосердечного россиянина (Письмо второе) // «Земля и воля!». 1878. № 2. С. 9.

² Русанов Н.С. Политика Н.К. Михайловского // Былое. 1907. № 7. С. 129 – 130.

особую боевую группу – «тайный комитет общественной безопасности»¹. Таким образом Н.К. Михайловскому удалось не только верно понять логику развития революционного движения, которое, повернувшись к практической политике на рубеже 1870-х – 1880-х гг. эволюционировало к конституционализму и допускало возможность союза с либералами, но и предсказать возникновение Исполнительного комитета «Народной воли»².

Включение тактики кружка «дезорганизаторов» в программу «Земли и воли», как и покушения на представителей власти, Н.К. Михайловский считал признаками перехода революционеров к борьбе сугубо политической. Однако последние, по его словам, в силу старых народнических предубеждений боялись сознаться себе в этом – они все еще чурались идейной близости с либералами и расценивали «конституционные» веяния в своих рядах как отказ от социалистических принципов. Рассмотрению проблемы преодоления бакунизма посвящены «Политические письма социалиста» Н.К. Михайловского, изданные под псевдонимом «Гроньяр» в 1879 г. в журнале «Народной воли». Критикуя предвзятое отношение народников к идее борьбы за конституцию и призывая их отказаться от безосновательного догматизма, он писал: «Вы не боитесь тюрьмы, каторги, виселицы. Но вы боитесь собственной мысли... Вы боитесь конституционного режима в будущем, потому что он принесет с собой ненавистное иго буржуазии. Оглянитесь: это иго уже лежит над Россией... Вы живете теорией и будущим, когда практика и настоящее ужасны!»³. Н.К. Михайловский настаивал на необходимости отказаться от тезиса о «самозащите» террором как от вредного заблуждения, мешающего трезво оценить социально-политические реалии и обозначить задачи борьбы: «Народ! Разве во имя народа убиты Мезенцев, Гейкин? Нет,

¹ [Михайловский Н.К.] Летучий листок. [Прибавление к газете «Начало», № 1]. СПб., 1878. С. 1.

² Спицина Е.В. «Еретики» и «политики»: революционный конституционализм в России на рубеже 70-х – 80-х гг. XIX в. // Вестник Пермского университета. 2018. № 2. С. 58.

³ Гроньяр [Михайловский Н.К.] Политические письма социалиста. Письмо первое... С. 88 – 89.

это ваше личное дело, личная полемика при помощи кинжалов и револьверов»¹. На этот страх отказа от прежних убеждений указывал и Г.А. Лопатин. В письме Ф. Энгельсу в конце ноября 1878 г. он писал: «Социалистическая пропаганда среди крестьян, по-видимому, почти прекратилась. Наиболее энергичные элементы из числа революционеров перешли инстинктивно на путь чисто политической борьбы, хотя и не имеют еще нравственного мужества открыто признаться в этом»². В.К. Дебогорий-Мокриевич вспоминал, что среди первых революционеров-«конституционалистов» был и его брат Иван, который пытался ему объяснить, что борьба за конституцию не противоречит социалистическому идеалу, а, напротив, является движением к нему. Однако, наткнувшись на отказ В.К. Дебогория признавать какие бы то ни было доводы, брат стал откровенно подтрунивать над догматической слепотой народников. Радуюсь вести о возникновении Исполнительного комитета «Народной воли», он шутливо заметил: «Вот пока вы рассуждали о народе... так и революционности было мало: разводили бобы на киселе. А как дошло до ваших собственных интересов – посмотри, какие дела!.. Но зачем закрывать глаза: ведь это факты политической борьбы... Ну, подумай, мало ли у нас секут мужиков исправники да губернаторы? Однако за это их никто не стреляет. А попробовал Трепов высечь интеллигентного революционера – ему и нагорело. Так-то, брат: ни социализм, ни народ здесь ни при чем»³.

Помимо сугубо народнических предубеждений, признать политические характер революционной борьбы многим не позволяло стереотипно негативное отношение к либерализму. Последняя редакция программы «Земли и воли», составленная весной 1878 г., косвенно признавала, что обстоятельства толкают социалистов к поиску политического сотрудничества

¹ Гроньяр [Михайловский Н.К.] Политические письма социалиста. Письмо второе... С. 173.

² Цит. по: Твардовская В.А. Указ. соч. С. 15 – 16.

³ Цит. по: Дебогорий-Мокриевич В.К. Указ. соч. Кн. 2. С. 14 – 15.

с либеральным лагерем. Однако тут же на поверхность выходил и весь негативизм старых установок народников. Не желая признавать, что союз с либеральной оппозицией диктуется наличием общих ближайших целей, землевольцы утверждали, что заинтересованы исключительно в использовании более широких возможностей либералов¹. Этот пункт программы примечателен еще и тем, что и в данном случае практика была впереди теории – на момент составления документа у революционеров уже был опыт сотрудничества с либералами, в противном случае неоткуда было бы взяться и осведомленности о ресурсах, которыми те располагают. Н.К. Михайловский, понимая причины упорства народников, писал: «Они говорят, что не имеют права жить, потому что, завоевывая себе жизнь путем систематической политической борьбы, они должны будут подать руку либералам... Они не знают, что сила обстоятельств... роковым образом влечет их к политической борьбе. Союз с либералами... не страшен, если вы... “честно и без лицемерия объявите им свой святой девиз”: “Земля и воля”. Они к вам пристанут, а не вы к ним. В практической борьбе безумно не пользоваться выгодами союзов, хотя бы случайных и временных. И признаюсь вам: я думаю, что многие либералы гораздо к вам ближе, чем вам кажется»².

Конституционные симпатии были наиболее распространены среди южнорусских революционных кружков, что объяснялось их связью с движением украинофилов. Оно зародилось в середине XIX в. и изначально носило мирный культурно-просветительский характер. Однако все быстро переменялось, поскольку правительство усмотрело в «просветительстве» признаки сепаратизма. Начавшиеся гонения на украинофилов способствовали радикализации движения, которое к концу 1870-х гг. стало уже выражено политическим³. Из-за частых стычек с местными представителями власти,

¹ Программа организации «Земля и воля»... С. 397.

² Гроньяр [Михайловский Н.К.] Политические письма социалиста. Письмо второе... С. 173 – 174.

³ ИРЛИ РАН. Р. I. Оп. 2. Д. 343. ЛЛ. 67 об. – 68.

украинофилы выступали «постоянным бродилом» общественного недовольства на юге страны¹. Политическую платформу движения, соединившую в себе черты и социалистические, и либерально-конституционные, разработал в своих трудах профессор Киевского университета М.П. Драгоманов². Он был идейным лидером украинофильства, находился в постоянном конфликте с властями и пользовался огромной популярностью среди революционной молодежи³. Резкого размежевания между революционерами и украинофилами на юге России не было, последние также участвовали в «хождении в народ», вели пропагандистскую работу и постоянно общались с другими народниками⁴. На частичное слияние этих направлений указывал в 1880 г. в своем письме к М.П. Драгоманову А.И. Желябов, считавший народовольчество воплощением революционно-украинофильского симбиоза. Он писал: «Всколыхнулась украинская громада и, верная своему основному принципу народолюбства, замыслила целый ряд предприятий на пользу родной Украины... Медленно, но непрерывно сливались там в одно два революционные потока – общерусский и украинский»⁵. Результатом такого слияния и стало перерождение южнорусского народничества в революционный конституционализм.

В этом смысле показательна эволюция взглядов самого А.И. Желябова. П.П. Семенюта, знакомый с народовольцем со времен студенчества, вспоминал, что, когда они встретились в 1878 г., А.И. Желябов открыто позиционировал себя сторонником нового революционного течения и иронизировал по поводу непоследовательности народничества. П.П.

¹ Белоконский И.П. Дань времени. Воспоминания. М., 1918. С. 77.

² См.: Драгоманов М.П. 1) Турки внутренние и внешние. Письмо к издателю «Нового времени». Женева, 1876. С. 25 – 29; 2) Выигрыши последней войны. СПб., 1878. С. 12 – 14; 3) Соловья баснями не кормят... С. 3 – 4.

³ Загорский К.Я. В 1881 – 1882 гг. (Воспоминания) // Каторга и ссылка. 1931. № 3. С. 157; Котов К.Е. Записки землевателя. Харьков, 1925. С. 49 – 50.

⁴ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 222. Л. 74 об.

⁵ Желябов А.И. Письмо к М.П. Драгоманову. Сообщил Л. Перетц // Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX в. М.; Л., 1935. С. 742.

Семенюта так описывал состоявшийся между ними диалог: «Желябов рассказал трагикомическую историю своего народничества... Ты был прав, окончил он, смеясь, история движется ужасно тихо, надо ее подталкивать. Иначе вырождение нации наступит раньше, чем опомнятся либералы и возьмутся за дело. – А конституция? – улыбнулся я. – И конституция пригодится». На вопрос, что же все-таки предпочтительнее – «веровать в конституцию или подталкивать историю?», – А.И. Желябова ответил: «Не язви. Теперь больше возлагается надежд на “подталкивание”»¹. Многие революционеры также указывали на «конституционные» симпатии А.И. Желябова, вспоминая, что к концу 1878 г. он считал дискуссии о социализме неактуальными и был готов «подать руку либералам»². Сходный перелом произошел и в воззрениях В.А. Осинского. Приехав в конце 1870-х гг. в Киев, он стал свидетелем необычайного оживления учащейся молодежи. В центре движения находился кружок Киевского университета, членами которого были недавние народники, требовавшие теперь конституционной реформы. В.А. Осинский, прибывший из Петербурга «традиционным» народником, поначалу убеждал товарищей, что конституционализм враждебен социалистической программе, но вскоре сам включился в деятельность кружка и пересмотрел свою позицию³.

На момент раскола «Земли и воли» перевес сил был уже на стороне «конституционалистов». Некоторые из тех, кто держался за старую программу, в общем симпатизировали народолюбцам, но все-таки относились настороженно к либеральному крену революционного курса, опасаясь

¹ Цит. по: Семенюта П.П. Из воспоминаний об А.И. Желябове // Былое. 1906. № 4. С. 219.

² Дейч Л.Г. 1) Указ. соч. С. 55; 2) Г.В. Плеханов. Материалы для биографии. М., 1922. С. 44 – 45; Плеханов Г.В. Предисловие к русскому изданию книги А. Туна «История революционных движений в России» (Женева, Март 1903 г.) // Плеханов Г.В. Собрание сочинений. М.; Л., 1927. Т. XXIV. С. 105 – 106; Аксельрод П.Б. Указ. соч. С. 362; К биографиям А.И. Желябова и С.Л. Перовской // Былое. 1906. № 8. С. 114.

³ Дебогорий-Мокриевич В.К. Указ. соч. Кн. 1. С. 375 – 376.

стирания границ между социалистами и либералами¹. Те же, кто присоединился к группе А.И. Желябова, аргументировали свой выбор невозможностью останавливаться в борьбе с правительством на половине дороги. А.В. Тырков писал: «Борьба шла не только за общие права, но и за право своей личности, своего я. Защищали свободу совести и разума... против грубой, жестокой силы, которой не было дела до этих возвышающих душу принципов»². «Конституционалисты» признавали, что в существующих обстоятельствах свержение самодержавия и водворение социализма нельзя считать первоочередной задачей и что пока не будет гарантирована неприкосновенность личности, разговоры о социализме – это не более, чем абстрактные мечтания. Следовательно, борьба за политическую свободу в российских реалиях и есть подлинная борьба за социализм³.

Многие страницы одноименного печатного органа «Народной воли», имевшего высочайший авторитет в революционной среде⁴, посвящены разъяснению связи социалистической революции с политическим переворотом. Уже в первом номере газеты, характеризуя общественно-политическую ситуацию в России, народовольцы указывали, что мысль о необходимости конституции широко распространилась во всех слоях общества и отвергается только верховной властью, которая тем самым противопоставляет себя народу. Оторванность правительства от общества велика настолько, что даже многие его верные слуги начинают противиться абсурдности политики хлыста: «Исправник, производя возмутительный, по его мнению, арест, говорит: “Нет, непременно нужна конституция! ... Сам Гурко, отпуская на поруки влиятельного либерала, говорит: “Ах, возьмите,

¹ Попов М.Р. «Земля и воля» накануне Воронежского съезда // Былое. 1906. № 8. С. 18.

² Тырков А.В. К событию 1 марта 1881 года // Былое. 1906. № 5. С. 141.

³ Задачи партии («Народная воля». 1879. № 2)... С. 80.

⁴ Вахрушев И.С. Очерки истории революционно-демократической печати. 1873 – 1886. Саратов, 1980. С. 170.

пожалуйста, его, этот арест был такой ужасной глупостью!»¹. В такой исторический момент, по мнению народовольцев, от революционного движения требуется способность осмыслить прошлые ошибки и отказаться от предрассудков, из-за которых революционеры оказываются в одном ряду с врагами прогресса. Публицисты «Народной воли» писали: «Политическая борьба, к которой нас неудержимо приводят все условия русской жизни,.. была бы еще более популярна, если бы у нас не существовало ходячего предрассудка, что.., участвуя в ней, мы загребаем своими руками жар для других, что результатами победы воспользуется не народ и не социалисты. Мы думаем совершенно наоборот»; «Самый розовый идеал не только бесполезен, но вреден, если... отвлекает силы от менее грандиозных, но возможных улучшений в жизни»². Подобные размышления имели и обоснование в области политической теории. Народовольцы отсылали читателей к популярным в то время в революционной среде идеям социальной эволюции О. Конта и Г. Спенсера³, уточняя, что естественная эволюция российского общества движется в направлении социализма и народоуправия, однако в России процессу препятствует верховная власть, отчего историческое движение и приобретает остроту. Такая формула исторического процесса сближала революционное движение с либеральным. Понимали это и сами народовольцы, признавая единство ближайших целей оппозиции: «Общественная реформа в России – это революция... Наше дело настоящего момента – дело даже не партийное, а общерусское»⁴.

Переход народовольчества к умеренной конституционной платформе отражают и материалы многочисленных судебных процессов. Судебную кафедру как трибуну для политического выступления использовали многие

¹ Социалисты и правительство («Народная воля». 1879. № 1) // Литература социально-революционной партии «Народной воли». Paris, 1905. С. 4 – 5.

² Там же. С. 10 – 11, 6.

³ Козьмин Б.П. Указ. соч. С. 189.

⁴ По поводу казней («Народная воля». 1880. № 3) // Литература социально-революционной партии «Народной воли». Paris, 1905. С. 155 – 156.

члены «Народной воли»: А.И. Желябов, А.Д. Михайлов, С.С. Златопольский, Г.П. Исаев, П.А. Телланов, Ю.Н. Богданович, А.П. Корба и др.¹. Анализ их выступлений показывает трансформацию народнического социализма в революционный конституционализм, близкий по ряду позиций к леволиберальной платформе². Так, А.И. Желябов на суде, как и на Воронежском съезде «Земли и воли», заявлял, что целью террористов является реформа, которая введет свободные общественные учреждения и гарантирует личные права граждан. Более того, он подчеркивал непринципиальность террора как средства борьбы и стремление революционеров к мирному диалогу с властью, при условии, что последняя наберется мужества выслушать общество³. «Апполон» революции А.Д. Михайлов также утверждал, что «Народная воля» преследует цели не сугубо социалистические, а разделяет общедемократическую программу прогрессивно мыслящей части общества⁴. О задачах революционной борьбы он говорил так: «Все отдаленное, все недостижимое должно быть на время отброшено... Лозунгом настоящего должно стать земское учредительное собрание при общем избирательном праве, при свободе слова, печати и сходов»⁵. Члены Исполнительного комитета, проходившие по процессу 17-ти в 1883 г., озвучивали в своих речах те же требования, отмечая, что социализм – это вера партии, тогда как ее деятельность определяется текущими потребностями общественного развития, такими как введение народного представительства и искоренение произвола во властных институтах⁶. «Цели партии совершенно

¹ Спицина Е.В. «Еретики» и «политики»: революционный конституционализм в России на рубеже 70-х – 80-х гг. XIX в. // Вестник Пермского университета. 2018. № 2. С. 60.

² Циллиакус К. Указ. соч. С. 69 – 70.

³ Плеханов Г.В. Указ. соч. С. 105 – 107; Желябов А.И. Заявление, посланное из Петропавловской крепости А.И. Желябовым на имя прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты 2 марта 1881 г. // Былое. 1906. № 3. С. 61; Глинский Б.Б. Эпоха мира и успокоения (Исторические очерки) // Исторический вестник. 1911. № 6. С. 1029.

⁴ Волк С.С. Указ. соч. С. 191.

⁵ Цит. по: Милюков П.Н. Воспоминания (1859 – 1917). Нью-Йорк, 1955. Т. 1. С. 257.

⁶ Из народовольческих автобиографических документов. С предисловием С.Н. Валка // Красный архив. 1927. № 1. С. 205 – 206, 230; Волк С.С. Указ. соч. С. 201.

миролюбивые...», – говорила в своей речи А.А. Корба, – «партия желает реформ сверху, но реформ искренних, полных, жизненных»¹. В подтверждение своих слов народовольцы ссылались на программу Исполнительного комитета «Народной воли», представляющую собой по сути конституционный проект², а также на письмо к Александру III от 10 марта 1881 г. В этих документах, действительно, не было ни слова о социализме, но говорилось о потребности в перестройке государственного аппарата, гражданских свободах, самоуправлении и народном представительстве. Решение вопроса о форме правления народовольцы предлагали передать Учредительному собранию, избранному всеобщей подачей голосов³. Письмо 10 марта примечательно еще и тем, что по просьбе народовольцев его редактировал сам Н.К. Михайловский⁴. Письмо было составлено в умеренном тоне, даже с соблюдением «декорума почтительности»⁵ и содержало исключительно конституционные требования⁶. Объясняя в письме причины царубийства 1 марта 1881 г., революционеры указывали на нежелание Александра II идти навстречу исторически обусловленным требованиям общественного развития. Новому императору, по словам народовольцев, также предстояло сделать выбор, быть проводником истории или врагом естественного прогресса: «Или революция,... или добровольное обращение верховной власти к народу»⁷.

Несмотря на ультимативность такого обращения, по существу оно не было более радикальным, чем выступления либералов в легальной печати.

¹ Цит. по: Плеханов Г.В. Указ соч. С. 110 – 111.

² Шульженко Ю.Л. Указ. соч. С. 36.

³ Программа Исполнительного комитета партии «Народная воля»... С. 45 – 47; «Народная воля» и «Черный передел»: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879 – 1882 годах. Л., 1989. С. 330 – 333.

⁴ В.Я.Б. [Богучарский В.Я.] Событие 1-го марта и Николай Константинович Михайловский // Былое. 1906. № 3. С. 38 – 39.

⁵ Гредескул Н.А. Террор и охрана. СПб., 1912. С. 19 – 20.

⁶ Naimark N. Ibid. P. 41.

⁷ Письмо Исполнительного комитета Александру III от 10 марта 1881 г. // «Народная воля» и «Черный передел»: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879 – 1882 годах. Л., 1989. С. 330 – 333.

Последние задолго до народовольцев и с заметным постоянством прибегали к антитезе «реформа или революция», объясняя ею необходимость конституционной модернизации. Еще в 1877 г. со страниц одного из самых популярных изданий страны, журнала «Вестник Европы», внутренний обозреватель Л.А. Полонский открыто заявлял, что в условиях роста политической сознательности общества реакционная политика правительства становится антигосударственной и антиисторической¹. Таким образом, народовольцы по сути повторяли общелиберальные конституционные требования, приводя в их пользу те же самые доводы, что и умеренные либералы. Как легальная оппозиция во время русско-турецкой войны верила в скорое возвращение правительства на путь широких реформ, так и народовольчество после убийства Александра II возлагало надежды на понимание со стороны его наследника гибельности реакционного курса.

О конституционных надеждах народовольцев в марте 1881 г. свидетельствуют и распространяемые ими в этот период прокламации. Сразу после убийства Александра II, 2 и 3 марта, были выпущены две прокламации – «Честным мирянам, православным крестьянам и всему народу русскому» и «От рабочих, членов партии народной воли». Оба воззвания представляли собой адаптированное для «мужика» изложение «символа веры» революционеров: «Теперь ступает на престол новый царь... Александр III. Нужно, чтобы он не пошел в отца. Пусть он призовет народных выборных от всех деревень, заводов, фабрик, пусть узнает мужицкое горе и нужду и впредь царствует по правде. Пусть у него советниками в сенате будут народные выборные. Тогда царь даст мужикам и землю, и подати уменьшит, и волю даст народу. Подавайте все прошения об этом... Если царь не послушает народного горя и начнет, как его батюшка, вешать да ссылат в Сибирь всякого, кто стоит за народ, тогда нужно и его сменить»; «Собирайтесь всем миром и пишите такие прошения: I/ Пусть государь прикажет новую нарезку земли без всякого

¹ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1877. № 12. С. 785.

выкупа. II/ Пусть уменьшит подати. III/ Пусть в мирские дела не вступаются ни чиновники, ни полиция. IIII/ Пусть государь призовет в Сенат для совета и указания выборных мирских людей... от всего народа; и пусть без совета этих выборных царь ничего не делает...»¹.

Все упомянутые документы позволяют говорить, что в конце 1870-х – начале 1880-х гг. революционеры «Народной воли» стояли на позициях непредреждения формы будущей политической организации страны и ограничивали свою программу требованиями конституционных свобод и народного представительства. Несмотря на то, что в революционных кругах оставались еще догматики, считавшие, что конституции слишком мало², большинство все же уповало на реформы сверху. Народовольцы признавали, что готовы мириться даже с самодержавием, если оно будет легитимизировано народом и гарантирует каждому равные гражданские права³. Не случайно в советский период историки-марксисты видели в народовольчестве вырождение социалистической идеи в «буржуазный конституционализм»⁴.

За несколько лет кризиса рубежа 1870-х – 1880-х гг. к программе народовольцев присоединились многие прежние противники «политики», а после 1 марта 1881 г. начался массовый переход оппозиционной молодежи в народовольчество⁵. Даже члены «Черного передела», вопреки прежней народнической риторике, были вынуждены признать эффективность практической политики и закономерность конституционного поворота, поскольку с ростом популярности «Народной воли» столкнулись с проблемой

¹ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 242. ЛЛ. 43а, 60 – 61.

² Плеханов Г.В. Указ. соч. С. 106.

³ Волк С.С. Указ. соч. С. 204.

⁴ См.: Покровский М.Н. Русская история. СПб., 2002. Т. 3. С. 228 – 229; Теодорович И.А. 1 марта 1881 года // Каторга и ссылка. М., 1930. № 3. С. 53 – 54, 67; Невский В.И. 1) Группа «Освобождение труда» в период 1883 – 1894 гг. // Историко-революционный сборник. Л., 1924. Т. 2. С. 22, 54; 2) От «Земли и воли»... С. 193; Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866 – 1895. М., 1979. С. 11; Гинев В.Н. Народовольческий террор в историографических оценках и мнениях // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX – XX веков: сборник статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. СПб., 1999. С. 27 – 28.

⁵ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 335. Л. 196.

собственной оторванности от революционного авангарда и противоречивости старых программных установок¹. С.М. Кравчинский, близкий к Г.В. Плеханову, еще в 1878 г. в своей брошюре «Смерть за смерть» требовал от правительства блюсти «священные права человека», одновременно с этим заявляя, что социалистам «политические формы... совершенно безразличны»². На тот момент сами народники не замечали нелогичности подобных деклараций, отстаивая прежнюю программу, которая в изменившихся условиях сыпалась от внутренних противоречий. Неспособность народников изолироваться от «политики» хорошо видна на примере материалов издания «Черного передела», многие из которых представляют собой попытки плехановцев приспособить народничество к популярным конституционным веяниям. Редакция журнала по-прежнему декларировала свое негативное отношение к конституции, но в то же время рассматривала ее как неизбежное в ближайшем будущем обстоятельство, с которым предстоит считаться: «Один из Александров – II-й или III-й – это, в сущности, все равно, вынужден будет высочайше пожаловать конституцию»³. Правда, конституция эта, по мнению чернопередельцев, удовлетворит только интересы высших классов, народу же она ничего хорошего не сулит – разве что «охранителей из “департамента” заменят охранители из Земского собора...»⁴. Задача народников в этой ситуации, следуя мысли редакции, будет состоять в том, чтобы грамотно воспользоваться моментом и «взять в свои руки судьбу молодой конституции»⁵, сыграв на земельном вопросе. О той же старой идее аграрного переворота, но уже как о средстве борьбы с «буржуазной конституцией» писал в 1880 г. и Я.В. Стефанович: «Как не изворачивайся... конституция у нас – не за горами... Какова бы ни была эта

¹ Седов М.Г. Указ. соч. С. 171; Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 244.

² Цит. по: Кравчинский С.М. Смерть за смерть (Убийство Мезенцева) // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. М., 1997. С. 400, 403, 398.

³ Цит. по: Передовая из «Черного Передела»... С. 124–125.

⁴ Цит. по: там же.

⁵ Стефанович Я.В. Действующим и готовым действовать сотоварищам моим: Мое дружеское послание. Женева: Б. и., 1880. С. 13 – 14.

конституция, народ поймет ее по-своему. Он свяжет с нею свою заветную мысль о переделе земли... И это ли не прекрасный момент, чтобы – не говорю сделать революцию – а, по крайней мере, заложить прочное основание революционно-народной партии»¹.

Попытки народников ассимилировать конституционные настроения революционной среды обнаруживаются и в их программных документах. Например, в программе Северно-русского общества «Земля и воля», отредактированной Г.В. Плехановым, прямо говорилось о том, чтобы пойти навстречу конституционному движению и воспользоваться выгодами будущего парламентского режима² – социалисты могли бы участвовать в избирательной агитации, выставлять своих кандидатов на выборы в парламент и оттуда призывать народ к революции³. П.Б. Аксельрод, участвовавший в разработке программы, позже вспоминал, что ее первоначальная редакция и вовсе содержала подробный перечень ближайших политических требований, которые было решено убрать, поскольку они явно повторяли позиции народовольческой программы⁴. Опубликование документа в таком виде означало бы отказ народников от прежних принципов и переход к конституционной платформе. В итоге, политическая составляющая была заменена Г.В. Плехановым на противоречивое примечание, в котором вроде бы и указывалось на закономерность конституционализма, но тут же выражалось нежелание с этой закономерностью считаться. Тем не менее, это явно указывало, что под влиянием роста популярности конституционных идей среди революционной молодежи, народничество фактически было вынуждено двигаться в том же направлении. Старый народник И.И. Добровольский, выступавший с критикой таких новых настроений, в 1881 г. разочарованно заключал, что почти все революционеры «совершенно оторвались от своей

¹ Там же.

² Аптекман О.В. Партия Народного права. Воспоминания // Былое. 1907. № 7. С. 178.

³ Программа Северно-русского общества «Земля и воля»... С. 5 – 6.

⁴ Аксельрод П.Б. Указ. соч. С. 368 – 369.

почвы» и движутся к либеральному конституционализму, который, по его мнению, «окончательно обездолит русский народ»¹.

Конституционные симпатии распространялись в революционной среде тем быстрее, чем большим преследованиям подвергались народовольцы. А.И. Желябов, еще недавно возмущавший некоторых товарищей своим «конституционализмом», после ареста и выступления на суде стал кумиром молодого поколения революционеров. О.Г. Каллистратова, которой в 1881 г. было 17 лет, вспоминала, что они с товарищами заучивали судебную речь А.И. Желябова наизусть и каждый молодой революционер начала 1880-х гг. мечтал хоть немного походить на него. Умеренность требований «Народной воли» уже не казалась отступлением от идеалов социализма – напротив, воспринималась как последовательность в разработке принципов и задач движения. «Революционность» борьбы за конституцию сомнениям также не подлежала, поскольку грозила виселицей. Наивностью после 1 марта 1881 г. выглядела уже не борьба за конституцию, а вера в то, что социализм наступит благодаря пропаганде².

За «роковое пятилетие» конца 1870-х – начала 1880-х гг. революционное движение изменилось принципиально. Как позже говорил Л.А. Тихомиров, объясняя его внутреннюю эволюцию, «мысль не может не работать»³. Возникнув в конце 1870-х гг. в результате неэффективности пропагандистских методов, мысль о необходимости практической борьбы за гражданские права способствовала перерождению народничества в революционный конституционализм, ориентированный не на утопические абстракции будущего, а на «ужасное настоящее». Революционеры, еще недавно заявлявшие, что желают лишь «непосредственного восстания»⁴, к началу 1880-х гг. перешли к общелиберальной конституционной программе,

¹ Борисов И. [Добровольский И.И.] Указ. соч. С. 50, 57 – 62.

² РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 87. ЛЛ. 1 – 2.

³ Тихомиров Л.А. Начала и концы. «Либералы» и террористы. М., 1890. С. 62.

⁴ Кравчинский С.М. Письмо С.М. Кравчинского (Степняка) к П.Л. Лаврову // Былое. Париж, 1912. № 14. С. 58.

основанной на принципах неприкосновенности прав личности и верховенства закона¹. Отражение этого переворота мы находим во множестве программных документов и публицистических трудах революционеров, самые деятельные из которых открыто заявляли, что в политическом отношении программа революционеров – «есть именно программа передовой фракции русских либералов». Размышляя позже над истоками революционного мировоззрения, Л.А. Тихомиров заключал по этому поводу: «Мы были последовательные и искренние носители нашего общего с либералами мирозерцания»².

§ 3. Земцы и революционеры: мечта о «Земском союзе»

Радикализация земского либерализма и конституционное перерождение социалистического лагеря на рубеже 1870-х – 1880-х гг. были следствием внутривполитической ситуации, реакцией на курс, проводимый правительством со второй половины 1860-х гг. до конца русско-турецкой войны. Начавшийся кризис обнаружил, что наиболее активная часть общества воспринимает деятельность правительства последних 15 лет как отход от прогрессивных начал Великих реформ. Стремясь отстоять либеральные принципы начала царствования, представители оппозиционных сил встречали сопротивление властных инстанций, отчего острота их противостояния только росла. В то же время отказ правительства от диалога способствовал развитию либеральной и революционной программ в направлении конкретизации своих требований и формулированию их ближайших чисто практических задач, главной из которых являлось достижение гарантий неприкосновенности личных прав.

Почвой для сближения земско-либеральной и революционной оппозиции стала сфера местного самоуправления и в целом земский быт. Революционеры нередко участвовали в работе земских органов, особенно там,

¹ Цымрина Т.В. Указ. соч. С. 7, 24.

² Цит. по: Милюков П.Н. Указ. соч. С. 257, 79.

где сильна была «левая» группа гласных. Только за 1870-е гг., согласно полицейской статистике, было выявлено 935 земских служащих, которые принимали непосредственное участие в революционном движении¹. Еще больше было тех, кто в революционном движении лично не участвовал, но так или иначе поддерживал его². То, что земские «левые» не чурались революционеров, хорошо видно на примере Черниговского земства. Так, помимо революционера Д.А. Лизогуба, выдвигавшегося в мировые судьи от земской управы, поддержкой «левых» пользовались и другие кандидаты на эту должность, также находившиеся под полицейским надзором за связь с народниками, например, экономист В.Е. Варзар и Н.Г. Рашевский³. Полицейские сводки о революционном движении в Черниговской губернии вообще не обозначают различий между земскими либералами и революционерами. В документах Департамента полиции «левые» земцы и вовсе зачислены в революционеры: А.П. Карпинский, бывший одно время председателем земской управы, братья Петрункевичи, братья Константиновичи и др.⁴ И, хотя эти материалы, как и вообще документы полиции, касающиеся оппозиционного движения, требуют к себе критического отношения⁵, такие допущения нельзя списать на ошибку или халатность. Указания на существование в земстве связи между местными либералами и революционерами не были беспочвенны. В.Е. Варзар вспоминал, что некогда состоял членом кружка «Вперед», лично знал многих землепользователей и на момент поступления на земскую службу поддерживал с некоторыми из них, в том числе с Д.А. Лизогубом, дружеские отношения. Это регулярно доставляло ему неприятности, поскольку со всех губерний, где В.Е. Варзар успел пожить, к черниговскому губернатору стекались

¹ Гросул В.Я. Указ. соч. С. 270.

² Исаева Т.Б. Указ. соч. С. 223.

³ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 335. Л. 113.

⁴ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 222. Л. 77.

⁵ Аврех А.Я. Документы Департамента полиции как источник по изучению либерально-оппозиционного движения в годы Первой мировой войны // История СССР. 1987. № 6. С. 32.

компрометирующие сведения о его близком знакомстве с «явно преступными лицами»¹. Несмотря на протест губернской администрации, земское собрание все-таки избрало В.Е. Варзара на должность. Это скандальное назначение спровоцировало конфликт Черниговского земства не только с местной властью, но и с правительством, так как кандидата на пост мирового судьи утверждал Сенат и непременным условием для утверждения была политическая «благонадежность». В.Е. Варзар, таким образом, не мог быть утвержден, однако к деятельности приступил, и все пять лет, что он исполнял обязанности мирового судьи, его положение было фактически нелегальным. В это же самое время набирала обороты полицейская кампания по «борьбе с крамолой», в связи с чем В.Е. Варзар пользовался особым вниманием местных жандармов, которые искали у него то противоправительственные материалы, то бомбы. Сам экономист вспоминал: «Я все время служил, не будучи утвержден Сенатом. Местный жандармский полковник... следил за мной, как охотничья собака за дичью. Он чуял по запаху, вследствие моих связей и знакомств..., что здесь “пахнет жареным”»². Постоянная слежка также велась за лидером земских «левых» Черниговского собрания И.И. Петрункевичем. В январе 1880 г. черниговский губернатор направил в жандармское управление донесение, в котором утверждал, что дом И.И. Петрункевича служит «центром тяготения» для лиц сомнительного политического облика. По сведениям, собранным в кругу, приближенном к семье земца, было установлено, что в доме проводятся вечера, на которых завсегдатаями бывают не только местные «конституционалисты», но и лица «скомпромитированные» – украинофилы и революционеры³. Эти сведения косвенно подтверждают воспоминания земского врача и бывшего народника Я.М. Белого. Он писал, что земство действительно было местом, куда стекалась оппозиционная молодежь и что последняя часто собиралась у сочувствующих земцев по вечерам. Однако цель

¹ Варзар В.Е. Указ. соч. С. 11 – 12.

² Там же. С. 11 – 12.

³ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 335. Л. 113.

этих собраний находилась, по словам Я.М. Белого, вне политики – общались не из стратегических соображений, а из-за общности интересов и настроений. И хотя зачастую на таких встречах затрагивались острые темы, читались вслух статьи и велись дискуссии по актуальным вопросам, происходило это в русле неформальном – за чаепитием или прогулкой¹. С.Ф. Русова также вспоминала, что И.И. Петрункевич находился в постоянном контакте с молодежью и был очень увлечен идеей создания «общеимперской политической оппозиции» путем объединения всех противников монархии².

В условиях политического кризиса информация о сближении земских либералов с представителями революционного лагеря связывалась в сознании охранителей с идеей противоправительственного заговора. Ходили слухи, что существует хорошо законспирированный «либеральный заговор», который постепенно захватывает государственные учреждения, вовлекает народ и служит средством и маскировкой для «заговора политического»³. Консервативно настроенные представители местного общества также способствовали распространению подобных слухов, включались в лихорадочные розыски «крамольников» и обсуждение «конспирологических» домыслов. Последние немало мешали реальной сыскной работе, поскольку шквал доносов, обрушившийся в это время на полицию, содержал порой заявления не просто безосновательные, а прямо фантастические, на проверку которых, тем не менее, тратились целые месяцы⁴.

Опыт других оппозиционных земств также показывал, что подозрения о сближении «левых» гласных с революционерами не были беспочвенными. В.Н. Линд вспоминал, что в Тверском земстве царила атмосфера повсеместного шпионства и поисков скрывающейся крамолы – либеральные гласные то и дело подвергались бесцеремонным обыскам и допросам, а

¹ Белый Я.М. Указ. соч. С. 187 – 188.

² Котельницкий Н.А. Иван Ильич Петрункевич... С. 78 – 79.

³ РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 450. Л. 163 об.

⁴ См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 77. ДД. 165, 867, 1293, 1358; Оп. 78. ДД. 221, 432, 474.

жандармы выслеживали даже их отдаленные и мимолетные знакомства¹. С конца 1870-х гг. под «негласным» или «особым» надзором полиции за участие в «противоправительственной деятельности» находились почти все представители «бакунинской партии»². И поводы для этого действительно были – в доме либералов Бакуниных, как и у И.И. Петрункевича, открыто принимали «скомпрометированных» лиц. В дневнике экономиста В.П. Безобразова есть запись, относящаяся к началу 1880-х гг. и посвященная описанию одного из таких вечеров у Бакуниных. В.П. Безобразов писал, что среди присутствовавших находился сосланный по политическим причинам некий молодой человек с фамилией Шор, а большая часть вечера прошла в дискуссии на тему, что нужнее – конституция и представительство или введение отдельных свобод, как то свободы слова и печати³. Еще рискованнее было положение другого известного земца, в будущем – члена Конституционно-демократической партии, Ф.И. Родичева, в имении которого в 1879 г. проживали организаторы взрыва Курско-московской железной дороги – С.Л. Перовская, В.Н. Фигнер и др.⁴ Кроме Бакуниных и Ф.И. Родичева, под «негласным» надзором в Твери состояли: Е.В. и С.В. де Роберти, В.Н. Линд, А.Б. Врасский, Д.Н. Квашин-Самарин, Н.П. Оленин, В.Н. Покровский, А.Ю. Малевич-Малевский, С.В. Сотников, а также публицист «Юридического вестника» В.А. Гольцев, бывший в течение нескольких лет гласным в Тверском губернском земском собрании⁵. Аналогичные полицейские меры предпринимались и в других земствах. Так, председатель Саратовской губернской управы попал под надзор за хранение противоправительственных материалов и резкие высказывания в пользу свободы убеждений вплоть до права не вставать при исполнении гимна «Боже,

¹ Линд В.Н. Указ. соч. С. 21 – 22.

² Ульянова Л.В. Колыбель российского либерализма: тверские либералы глазами политической полиции (1880 – 1905) // Вестник Московского университета. 2008. № 6. С. 54.

³ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 27. Л. 42.

⁴ Ульянова Л.В. Указ. соч. С. 57.

⁵ См.: там же. С. 54; ОР РНБ. Ф. 621. Оп. 1. Д. 231. Л. 12.

царя храни»¹. В Ярославском земстве «левые» открыто защищали право всех желающих, даже самых подозрительных для властей, участвовать в работе органов самоуправления. В 1881 г. из типографии губернской земской управы Ярославля вышло больше сотни экземпляров противоправительственной брошюры, в которой утверждалось, что «слово “неблагонадежность”... растяжимое до бесконечности», и относительно лиц, избранных народом, оно не должно применяться². О симпатиях ярославских либеральных земцев к революционной молодежи свидетельствовал также народоволец А.Н. Бах. До ареста в начале 1880-х гг. он проживал в Ярославле на съемной комнате в доме председателя губернской земской управы. По словам революционера, несмотря на разницу в возрасте, статусе и воззрениях, у них сложились весьма дружеские отношения: «Старик почему-то обнаружил ко мне самое неожиданное расположение... Кончилось тем, что мы стали гулять вместе. Велико было изумление моих приятелей, когда они видели нелегального “дядю”, спокойненько прогуливающимся по бульвару с такой губернской шишкой, как председатель губернской земской управы»³. При этом А.Н. Бах отмечал, что глава земства не считал себя оппозиционером, был скорее консерватором и даже писал «всепогоднейшие адреса» во время кампании 1878 – 1879 гг., что, тем не менее, в частной жизни не мешало ему симпатизировать скрывавшемуся от полиции А.Н. Баху – верх брала та, по словам народовольца, «микроскопическая» доля либерализма, сохранившаяся от реформаторских настроений 1860-х гг. Там же А.Н. Бах сдружился с другим влиятельным в губернии лицом – местным главой железнодорожного департамента. Царский чиновник оказался убежденным либералом 1860-х гг. и проявлял к революционеру живой интерес и личное участие, несмотря на то,

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 766. ЛЛ. 1 – 1 об.

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 1215. Л. 10.

³ Бах А.Н. Воспоминания народовольца // Былое. 1907. № 1. С. 140 – 141.

что они много спорили по идеологическим вопросам и не могли сойтись в понимании тактики общественно-политической борьбы¹.

Многочисленные сведения о контактах земцев с бывшими народниками и действующими членами революционных организаций создавали определенный информационный фон, диктующий интерпретацию такого сближения как угрозу политическому порядку. Волна террора 1878 – 1879 гг., неожиданно даже для самих революционеров, встретила хоть и негласную, но искреннюю поддержку в умеренных и леволиберальных кругах². Потому слухи и донесения о том, что революционеры находят радушный прием у «левых» земцев, даже за исключением некоторого числа оговоров, имели объективные основания. Примечательно, что представители либеральных изданий публично продолжали выступать против террора. В одном из номеров «Вестника Европы» за 1878 г. даже прозвучало мнение о допустимости водворения «законности» посредством военных судов³, в том же духе высказалась и либеральная газета «Голос»⁴. Однако в кулуарах умеренные либералы были куда менее лояльны. К.Ф. Головин, приятелем которого был известный журналист «Вестника Европы» Е.И. Утин, указывал в воспоминаниях, что в действительности даже самые умеренные конституционалисты после выстрела «Верочки» внутренне отказались от непререкаемой прежде установки на легальность. Подтверждением этого служит всеобщий восторг, с которым либеральное сообщество встретило оправдание В.И. Засулич. Как вспоминал К.Ф. Головин, даже «почтенный “Вестник Европы” повернул фронт», а Е.И. Утин стал открыто говорить «о своем громком сочувствии революционерам как наиболее ярким носителям

¹ Там же.

² Исаева Т.Б. Указ. соч. С. 223.

³ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1878. № 9. С. 393.

⁴ Петров Ф.А. Из истории общественного движения в период второй революционной ситуации в России. Революционеры и либералы в конце 1870-х годов // История СССР. 1981. № 1. С. 147.

общественного недовольства»¹. В том же духе высказывались и представители земской оппозиции. Так, лидер черниговских «левых» И.И. Петрункевич позже писал в одной из своих статей, посвященной памяти В.А. Гольцева, что даже самые гуманные и лояльные правительству люди не могли не сочувствовать отдельным убийствам и покушениям. Причиной симпатии к народовольцам, по словам И.И. Петрункевича, была отнюдь не вера в насильственный переворот, а горькое «чувство бессилия» общества, которое достигло гражданского правосознания и для которого произвол чиновников является воплощением национального унижения и презрения правительства к народу². Будущий коллега И.И. Петрункевича по Конституционно-демократической партии Н.А. Гредескул так писал об отношении прогрессивной общественности к террористам: «По справедливости, – и даже больше того: прямо в смысле покаяния, – следует сказать, что... политический террор пользовался, если не активным, то пассивным соучастием значительно более широких слоев русского общества, чем те, какие принимали в нем непосредственное участие»³.

Помимо выяснения неформальных связей, в некоторых сыскных донесениях утверждалось, что земские «левые» оказывают революционному движению не только моральную, но и финансовую поддержку в виде субсидий на нужды агитации⁴. В 1905 г. в Департаменте полиции была составлена записка, посвященная исследованию революционного дела, начиная с 1870-х гг. Дойдя до периода политического кризиса конца 1870-х – начала 1880-х гг., автор записки отмечал, что значительная группа революционных сил действовала «под покровом земских учреждений и при ближайшем участии так называемого третьего элемента», а основным направлением совместной работы земских и революционных радикалов было «массовое просвещение

¹ Головин К.Ф. Указ. соч. С. 316 – 317.

² Петрункевич И.И. Памяти В.А. Гольцева // Памяти В.А. Гольцева. М., 1910. С. 103.

³ Гредескул Н.А. Указ. соч. С. 11 – 12.

⁴ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 222. Л. 77.

народа в противоправительственных целях», причем «некоторыми земствами, частными учреждениями и отдельными лицами затрачивались на это дело громадные денежные средства»¹. Действительно, отношение представителей либеральных земств к террору не всегда носило характер одной лишь пассивной участливости. Земство во многих отношениях представляло собой благодатную почву для практического сотрудничества либералов и революционеров. Выяснение финансовой стороны этих отношений проблематично, так как делопроизводственного оформления (в виде расписок, счетов и т.д.) она не получила. Однако вопрос денежных субсидий все-таки «всплывает» в отдельных документах.

В Российском государственном историческом архиве хранится записка за авторством некоего А.А. Панова, содержащая сведения о посреднической роли редакции «Юридического вестника» в отношениях либералов с революционными кругами. Записка А.А. Панова представляет собой рассказ о противоправительственной деятельности В.А. Гольцева и других московских журналистов, близких к земским кругам, свидетелем которой он был в начале 1880-х гг. во время своего сотрудничества с изданием. В начале изложения автор объясняет причины, побудившие его составить донос на бывших коллег, главной из которых называет выход либералов «Юридического вестника» и близкого к нему «Русского курьера» за пределы теоретической работы и их связь с революционным движением. А.А. Панов писал: «Уже в первые дни моей работы в редакции Гольцев пытался узнать мой взгляд на разные стороны нашей общественной жизни и сильно порицал существующий государственный строй, говоря, что монархия отжила свое... и в настоящее время является абсурдом, что теперь легальным работником для общественной жизни быть невозможно»². Все дальнейшее повествование А.А. Панова занимают попытки проиллюстрировать, что слова В.А. Гольцева не

¹ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 387. Л. 5.

² РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 365. Л. 2.

были лишь эмоциональной фразой, а выражали действительное направление работы редакций В.А. Гольцева и С.А. Муромцева. Автор записки говорил о денежных махинациях московских либералов, которые, как он узнал позже, осуществлялись будто бы в пользу «Народной воли». Если верить его словам, однажды он был свидетелем того, как В.А. Гольцев передал известному народнику и другу Н.К. Михайловского С.Н. Кривенко большую пачку кредиток. Спровоцировал подозрения даже не сам факт передачи денег, а то, как он был обставлен. С.Н. Кривенко и В.А. Гольцев долго переговаривались в отдельном кабинете, после чего было объявлено, что вечером состоится мероприятие, на котором С.Н. Кривенко прочтет запрещенную цензурой сатиру М.Е. Салтыкова-Щедрина. Однако вечером, со слов А.А. Панова, вместо чтений был устроен сбор денег, которые тут же были переданы С.Н. Кривенко, после чего тот незамедлительно удалился¹. А.А. Панов утверждал, что подобные сборы, проводимые редакциями «Русского курьера», «Отечественных записок» и членами Московского юридического общества, были не редкостью и проходили под личиной разнообразных благотворительных – литературных, музыкальных и проч. – мероприятий. Зимой 1881 – 1882 гг., например, был организован концерт, сборы от которого предназначались будто бы для бедных воспитанников филармонического общества. В другой раз, опять же с якобы благотворительными целями, журналисты издали и распродали по 5 – 10 рублей за штуку серию акварельных фотографий под названием «Щедринские». Кроме того, А.А. Панов указывал на существование некоего общества вспомоществования публицистам, куда на случай потери работы его пригласил вступить В.А. Гольцев. Оно также было учреждено членами Московского юридического общества и редакциями близких к нему изданий на условиях ежемесячного членского взноса в размере 50 коп. Впервые автор записки заподозрил неладное после того, как трижды сталкивался на вечерах у В.А. Гольцева с

¹ Там же. Л. 5.

неизвестными лицами, которые никому из присутствовавших не представлялись и не участвовали в общих беседах, а только договаривались с хозяином квартиры о будущих встречах и затем уходили. Позже подозрения А.А. Панова подтвердила жена одного из воспитателей Рукавишниковского приюта (попечителем приюта был К.В. Рукавишников – выпускник Московского университета, гласный Московской городской думы и известный благотворитель). Женщина рассказала, что к действительной благотворительности общество вспомоществования Гольцева-Муромцева отношения не имеет: оно оказывает поддержку только публицистам и литераторам, привлеченным к ответственности за государственные преступления, а в кассе общества может находиться не более 500 рублей – в случае же накопления избытка, он передается на нужды революционной партии¹. Упоминания об обществе вспомоществования литераторам и прочей «благотворительности» с целями финансирования революции встречаются и в агентурных сводках².

Проверить достоверность сведений А.А. Панова невозможно, однако его предположения не кажутся неправдоподобными. Тот же В.А. Гольцев, в отличие от большинства либералов, слыл в журналистских кругах человеком скорее радикальных взглядов, по некоторым вопросам его позиция была даже левее западноевропейских социалистических доктрин³, а в молодости он и вовсе состоял членом революционного кружка⁴. Помимо А.А. Панова, на существование теневых финансовых операций московских либералов указывал в своем дневнике и консерватор А.С. Суворин, говоря, что В.А. Гольцев «не брезгал дружбой с грюндерами» и «мошенниками»⁵. О том же говорят и материалы III Отделения, касающиеся связи революционного

¹ Там же. ЛЛ. 5 – 11.

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 92. ЛЛ. 47 – 47 об.; Д. 862. ЛЛ. 9 – 9 об.

³ Боборыкин П.Д. Убежденный человек (Памяти В.А. Гольцева) // Русская мысль. 1906. № 12. С. 116.

⁴ Гольцев В.А. Из воспоминаний и переписки // Русская мысль. 1905. № 4. С. 177.

⁵ Суворин А.С. Указ. соч. С. 101.

движения с лицами «либеральных профессий»¹. Однако, если их, как и записку-донос А.А. Панова, можно заподозрить в предвзятости, то информация из первых рук по такому вопросу вполне заслуживает доверия. О том, что представители либеральной оппозиции оказывали финансовую поддержку народолюбивым предприятиям, прямо говорил один из тогдашних революционных лидеров Л.А. Тихомиров. В своей поздней работе «Начала и концы. “Либералы” и террористы», посвященной выяснению общности идеологических основ российского либерализма и революционной мысли, Л.А. Тихомиров в качестве аргумента упоминал тот факт, что «ежемесячный бюджет “Исполнительного комитета” правильно в течение нескольких лет колебался около 5000 рублей», после чего следовал прозрачный намек: «Конечно, не студенты давали “на дело” эти 60000 рублей в год!»².

Таким образом, основания для беспокойства у политической полиции действительно были. Не стоило большого труда обнаружить связь явной радикализации земской оппозиции и конституционного перерождения недавних народников с возникшими на практической почве контактами между ними. По меткому выражению П.Б. Струве, разногласия либералов и революционеров оказались на деле разногласиями отцов и детей³, т. е. носили характер скорее противостояния поколений – родственных, хоть и полемизирующих друг с другом по отдельным вопросам. О том же в частной переписке с публицистом Дж. Кеннаном говорил и сам И.И. Петрункевич. Объясняя сближение земцев с революционерами, он утверждал, что их разъединяли отнюдь не политические идеалы, а скорее «политический темперамент», проявлявшийся в выборе средств борьбы⁴. Эта мысль позволяет понять, что сближение либеральной и революционной оппозиции в

¹ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 365. Л. 36.

² Тихомиров Л.А. Начала и концы... С. 113.

³ См.: Независимый [Струве П.Б.] Отцы и дети: К характеристике наших политических направлений. // Освобождение. Париж, 1904. Кн. 2. С. 1 – 14.

⁴ Котельницкий Н.А. Иван Ильич Петрункевич... С. 81.

конце 1870-х – начале 1880-х гг. было обусловлено их общей реакцией на правительственный курс второй половины царствования Александра II, гневом обманутых надежд, посеянных Великими реформами. Стремление власти обратить процесс модернизации государственной системы вспять воспринималось прогрессивной общественностью как нежелание правительства оставаться в рамках учрежденного им же закона. В связи с этим дилемма между законностью и насилием даже в самых умеренных кругах оказалась снята, этический выбор делался уже не в рамках противопоставления законности насилию, а между правительством, использующим насилие для заглушения критической мысли, и революционным террором, защищающим общедемократические ценности¹. Такое понимание кризиса отношений общества и власти способствовало движению революционного фланга оппозиции к формулированию конституционной программы, а либералов – к защите революционеров как действительных борцов за права и свободы. Как заключал составитель одного из полицейских обзоров, «общественное движение пошло рука об руку... с движением революционным, поддерживая и покрывая одно другое»².

Практическое и идейное сближение земской и народовольческой оппозиции привело к появлению мысли о необходимости объединения усилий в борьбе за политические права. Эта тактика имела двоякую направленность. Во-первых, она предполагала внесение единства в деятельность самих земских либералов, объединение земских «левых» и выработку их программы; а во-вторых, подразумевала заключение союза между всеми «живыми силами» общества на основе общих конституционных требований.

Импульсом к объединительному движению послужил призыв правительства, спровоцировавший «адресную кампанию». Учитывая личные связи лидеров «левых» Черниговского и Тверского земств³, понятна их мысль,

¹ Пайпс Р. Указ. соч. С. 359.

² РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 387. Л. 116.

³ ИРЛИ РАН. Р. I. Оп. 2. Д. 343. Л. 68.

что наиболее сильным по воздействию был бы единый ответ правительству. Земцы планировали составить общее обращение к власти, однако это оказалось невозможным из-за ограничительной политики по отношению к гласным. Боясь распространения «крамолы», власти запрещали земствам разных уездов и губерний сообщаться друг с другом даже для решения общих хозяйственных задач¹. Черниговский гласный и украинофил А.А. Русов отмечал, что еще до попыток «левых» скоординироваться собрания земцев разных местностей были объявлены противозаконными, даже если речь шла о чисто хозяйственных вопросах, как то борьба с вредителями². Инициатива же составления общего ответа власти, очевидно, автоматически приобретала характер политической угрозы. В данном контексте еще резче бросается в глаза то противоречие, что, препятствуя нормальному функционированию земских учреждений, правительство все-таки ожидало от них не просто сочувственного, но единодушного выступления против «крамолы».

С инициативой составления «ответа всероссийского земства» императору выступили лидеры черниговских «левых» И.И. Петрункевич и А.Ф. Линдфорс. Первоначально движение к объединению оппозиции распространялось благодаря исключительно личным связям³, и И.И. Петрункевич с коллегами даже разработали план, направленный на внесение организованности в местное протестное движение. В первую очередь, было решено провести совещание с украинофилами, многие из которых служили тут же, в Черниговском земстве, и могли связать земских либералов с центром украинофильского движения в Киеве. Следующим шагом должна была стать подготовка почвы для выступления «всероссийского земства», под которым подразумевалось единодушное выступление от лица всей земской оппозиции⁴.

¹ Ярцев А.А. Указ. соч. С. 35 – 36.

² Русов А.А. Краткая энциклопедия земского дела в его историческом развитии. Киев, 1914. С. 47.

³ ИРЛИ РАН. Р. I. Оп. 2. Д. 343. Л. 68.

⁴ Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля... С. 98 – 100.

Налаживание контактов с украинофилами было для земских «левых» особенно важно, поскольку открывало возможность тактического соглашения и с революционными кругами юга России, общедемократический уклон которых к этому времени уже явно обозначился. Идеи украинофилов в программном отношении воплощали синтез либерально-конституционных и социалистических доктрин в их наиболее общем и практически целесообразном виде. Украинофильство, с одной стороны, разделяло либеральные требования неприкосновенности личности, гарантий гражданских прав и свободного самоуправления, а с другой – как и народовольчество, требовало созыва Земского собора или Учредительного собрания через поголовную подачу голосов¹. Такая платформа многим представлялась наиболее универсальной, способной стать связующим звеном между оппозиционным земством и революционным движением – тем более, что украинофилами себя считали как земцы, так и революционная молодежь южных губерний. Этот момент отражают и документы политической полиции, в которых понятия «революционер» и «украинофил» использовались часто как синонимичные, отчего в категорию «революционеры» зачислялись и украинофилы-земцы: А.П. Карпинский, И.И. Рашевский², И.В. Лучицкий, сотрудничавший в украинофильском «Киевском телеграфе»³. То же смысловое смешение обнаруживается и в письме начальника Черниговского губернского жандармского управления, в котором автор сообщает о «хохлофильстве» всех членов кружка, собирающегося в доме И.И. Петрункевича, подразумевая под этим его радикальную направленность⁴.

Совещание черниговских земцев с киевскими украинофилами произошло во время очередного витка политики правительства по «борьбе с

¹ Драгоманов М.П. Соловья баснями не кормят... С. 4.

² РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 222. Л. 77.

³ Новицкий В.Д. Воспоминания тяжелых дней моей службы в корпусе жандармов. URL: http://dugward.ru/library/novickiy/novickiy_vospominaniya_tyajelyh_dney.html (дата обращения: 20.12.2022).

⁴ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 335. Л. 113.

сепаратизмом», которая спровоцировала подъем антиправительственных настроений на юге России. И.И. Петрункевич вспоминал, что в октябре 1878 г., сразу после призыва Александра II, они с А.Ф. Линдфорсом поехали в Киев, где на квартире одного из знакомых украинофилов им удалось быстро организовать встречу с видными деятелями этого движения: профессором В.Б. Антоновичем, П.И. и И.А. Житецкими, А.А. Русовым, В.Л. Беренштамом, А.А. Валькенштейном и др.¹ Присутствовали и представители революционных сил юга: В.А. Осинский, В.К. Дебогорий-Мокриевич, М.П. Ковалевская и др.² Рассказывая о своем выступлении на собрании, И.И. Петрункевич писал, что все присутствовавшие сходились во мнении о необходимости для блага страны «освободить Россию от самодержца». Поддержку нашла и идея тактического соглашения ради общей борьбы с правительством, для распространения которой было решено образовать специальную группу. Кроме того, участники совещания брались устроить отдельную встречу И.И. Петрункевича и А.Ф. Линдфорса с революционерами-террористами³. Представитель «южных бунтарей» В.К. Дебогорий-Мокриевич, присутствовавший на совещании, в своих воспоминаниях подтверждал рассказ И.И. Петрункевича. Он подчеркивал, что идея объединения оппозиции для завоевания конституционной реформы соответствовала настроениям самих революционеров, не согласны они были только с одним – с просьбой земцев приостановить террор ради возможности испробовать легальные способы давления на власть. В.К. Дебогорий писал: «Сошлись бы на всем, если бы не пункт о терроре»⁴, – и объяснял, что эта досадная неуступчивость была вызвана господствовавшим в то время среди революционеров убеждением, что «правительство слабо и его нетрудно будет победить»⁵.

¹ Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля... С. 98.

² Дебогорий-Мокриевич В.К. Воспоминания Вл. Дебогория-Мокриевича. Paris, 1895. Вып. II. С. 300.

³ Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля... С. 97 – 98.

⁴ Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства... Кн. 2. С. 58 – 59.

⁵ Там же. С. 282.

Несмотря на то, что достигнуть договоренности с революционерами черниговским либералам так и не удалось, сами переговоры нельзя назвать безуспешными, поскольку они выявили взаимную заинтересованность земской и революционной оппозиции юга России в тактическом союзе, а также прояснили программные принципы, которые могли бы стать основой для соглашения.

Вслед за совещанием в Киеве, 18 ноября 1878 г. состоялась еще одна встреча земцев с украинофилами, приуроченная к празднованию юбилея писателя Г.Ф. Квитко-Основьяненко¹. Организацией мероприятия занимались профессор Харьковского университета, с которыми у черниговских земцев имелись личные связи. И.И. Петрункевич вспоминал, что инициатива приурочить к юбилейной дате совместное политическое выступление объединенной земско-украинофильской оппозиции исходила от него. Находясь в приятельских отношениях с главами комиссии по организации торжеств профессорами Цехановецким и Соколовским, он предложил им разделить мероприятие на две части. Первая часть, официальная, должна была пройти в Харьковском университете, а вторая, банкет – в доме одного из участников, где собравшиеся смогут обсудить политические вопросы. Предложение И.И. Петрункевича нашло живой отклик – на вечер пришло такое множество людей, что, по словам земца, под завязку оказались набиты две самые большие залы дома². Банкет почти сразу перерос в политическую сходку – выступавшие говорили преимущественно о политике и критиковали правительство. И.И. Петрункевич выступил с речью, посвященной конституционной реформе, в которой предлагал украинофилам консолидировать усилия и в качестве ближайшей меры создать специальную комиссию для выработки проекта объединения всех оппозиционных сил в

¹ Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977. С. 183.

² Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля... С. 98 – 99.

стране¹. О реакции присутствовавших на это предложение можно судить по замечанию И.И. Петрункевича, что после того, как он закончил речь, «вся зала поднялась с места, долго рукоплескала, многие подходили, чтобы пожать... руку...». Возмутился лишь один человек – профессор Володимиров, заявивший, что вечером памяти пользуются для «призыва к революции». Однако его голос потонул в овациях публики².

Собрание в Харькове способствовало не только установлению контакта черниговских либералов с представителями украинофильского движения, но и закреплению связей внутри земской оппозиции. И.И. Петрункевич вспоминал, что через харьковских украинофилов у него завязалось знакомство с городским главой и одним из самых влиятельных людей в губернском земском собрании Харькова профессором Е.С. Гордеенко³, которому идея «ответа всероссийского земства» также пришлась по духу. Результатом этой договоренности и стали адреса, с которыми оппозиционные земства вскоре выступили – то есть то программное единодушие, которое обнаруживают заявления Черниговского, Тверского и Харьковского земств, не является случайным. Саму «адресную кампанию» справедливо считать результатом деятельности земских либералов по сплочению оппозиции. И, хотя И.И. Петрункевич и указывал на неформальный характер этого объединения, подчеркивая, что организационных принципов союза установлено не было, наличие множества внутренних личных и профессиональных связей между земско-либеральными и украинофильскими кругами, а также единообразие принципов, давали основание полиции подозревать существование управляющего центра движения. Именно в это время в проправительственных кругах начинают распространяться слухи о «либеральном заговоре» и создании некой организации с конституционной программой, объединяющей

¹ Белокопский И.П. Земство и конституция... С. 11.

² Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля... С. 99 – 100.

³ Там же. С. 100.

земцев, украинофилов и революционеров¹. Это же дало почву ряду исследователей и даже современников утверждать, что по инициативе земских либералов все-таки была создана организация, именуемая то ли «Земская лига», то ли «Земский союз», то ли «Лига оппозиционных элементов», то ли просто «Либеральная лига»². Не считая преувеличения в вопросе оформления «лиги»-«союза», ход мысли этих авторов нельзя назвать непоследовательным, поскольку он отражал действительную логику движения леволиберальной и революционной оппозиции навстречу друг другу в конце 1870-х – начале 1880-х гг. Идея объединения для борьбы за общие политические цели буквально витала в воздухе, однако в эту пору она не разрабатывалась более конкретно.

И.И. Петрункевич вспоминал, что в декабре 1878 г. посредством киевских украинофилов удалось также устроить совещание с революционерами, в числе которых были В.А. Осинский, участвовавший еще в первой встрече в октябре 1878 г., Л.А. Волькенштейн и другие революционеры, не называвшие своих имен. Предложения земцев оставались прежними: согласование действий в целях совместного «вырывания» конституции. Однако в качестве необходимого условия вновь озвучивалось требование приостановки террора и использование вначале мирных ходатайств в пользу расширения политических свобод и созыва народного представительства³. По поводу последнего пункта вновь развернулись

¹ Из полицейских расследований 1882 года касательно противоправительственных сообществ не столь вредных // Былое. 1906. № 4. С. 304.

² См.: Сватиков С.Г. Общественное движение в России...; Корнилов А.А. Общественное движение...; Ветринский Ч. В.А. Гольцев // Памяти В.А. Гольцева. М., 1910. С. 1–92; Кистяковский Б.А. 1) Страницы прошлого. К истории конституционного движения в России. М., 1912; 2) Орган «Земского союза» «Вольное слово» и легенда о нем. М., 1912; Богучарский В.Я. 1) «Земский союз» или «Священная дружина»? // Русская мысль. 1912. № 9. С. 74 – 120; 2) В заключение полемики // Русская мысль. 1913. № 2. С. 125 – 131; Кеннан Дж. Последнее заявление русских либералов. Ростов-на-Дону, 1906; Пушкирев С.Г. Россия в XIX веке (1801 – 1914). Нью-Йорк, 1956. С. 303; Бурцев В.Л. За сто лет (1800 – 1896). Сборник по истории политических и общественных движений в России. Лондон, 1897. Ч. I; Дан Ф.И. Указ. соч.; Драгоманов М.П. Либерализм и земство в России. Женева, 1889; РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 272. ЛЛ. 4 об. – 5; и др.

³ Сватиков С.Г. Общественное движение в России... С. 85.

длительные дебаты. Революционеры, которые постепенно все более склонялись к мысли о выгодах конституционного порядка, продолжали восставать против даже временного отказа от тактики «дезорганизации правительства». В результате, как пишет И.И. Петрункевич, «мы не пришли к определенным решениям или обещаниям, но все же разошлись под впечатлением, что наше предложение имело некоторый психологический успех»¹. Вывод И.И. Петрункевича имел основания, поскольку некоторые террористы уже склонялись в пользу объединения усилий с либералами, предлагая «брать столько, сколько оппозиционность человека может дать»². Призывал к этому со страниц издания «Народной воли» и Н.К. Михайловский, утверждавший, что «в практической борьбе безумно не пользоваться выгодами союзов» и что либералы и революционеры намного ближе друг к другу, чем может казаться³. Тем не менее, исход переговоров показывал, что в конце 1870-х гг. еще слишком велика была сила идейной инерции народничества и открыто отказаться от старых предубеждений, сепарировавших революционное движение от либерально-демократического, решались не многие.

Таким образом, несмотря на явную тенденцию к консолидации российского оппозиционного движения в конце 1870-х – начале 1880-х гг. на почве практической политики, попытка заключения тактического соглашения между представителями леволиберальных и революционных кругов успехом в полной мере не увенчалась. Главной причиной возникших в процессе переговоров затруднений следует считать процесс, происходивший в это время в революционной среде и характеризующийся внутренней идейной расколотостью последней, конфликтом изживающих себя народнических установок с нарождающимися общедемократическими и конституционными

¹ Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля... С. 101.

² [Иванов С.А.] Из народовольческих воспоминаний С.А. Иванова // Народовольцы 80-х и 90-х годов. М., 1929. С. 28 – 29.

³ Гроньяр [Михайловский Н.К.] Политические письма социалиста. Письмо второе... С. 173 – 174.

настроениями. Несостоятельность старой программы все более осознавалась, но ее обновления еще не произошло. Постепенно формулирующиеся новые принципы, принципы «революционного конституционализма», выражали стремление революционных сил к союзу с оппозиционным земством на основе компромиссной программы украинофильства. Сочетание этой тенденции движения к объединению, практических попыток достигнуть соглашения и препятствующих им факторов, в первую очередь, недостаточной подготовленности к этому соглашению, и было названо нами мечтой о «Земском союзе».

§ 4. «Ближайшие задачи земства». Конец легальности

Радикализация земского либерального движения разворачивалась как самостоятельный процесс внутренней эволюции либеральной мысли. Этот процесс, хотя и был связан с соприкосновением на земской почве либеральных земцев с революционерами, тем не менее, не был одним лишь следствием таких контактов. Взаимные симпатии земских либералов и «дезорганизаторов» юга России и явная тенденция к их практическому сближению говорили о том, что к концу 1870-х гг. политическая позиция наиболее энергичных земских «левых» уже не ограничивалась пределами традиционной для либерализма установки на легальность. Несмотря на то, что в процессе переговоров с революционерами они стремились утвердить этот принцип, сам опыт земской работы «левых» гласных свидетельствовал, что в действительности земская оппозиция не только по необходимости допускает, но порой и нравственно оправдывает нелегальный образ действий. В этом отношении иллюстративны упоминавшиеся случаи из «земских» биографий Д.А. Лизогуба, В.Е. Варзара, Ф.И. Родичева и др. Такое противоречие риторики реальному вектору политической борьбы, существовавшее одновременно и в земском, и в революционном лагере, не могло не стать препятствием на пути к тактическому соглашению, хотя динамика их развития была ориентирована на поиск политического союза. Парадокс заключался еще

и в том, что, высказываясь в пользу легальных средств борьбы, земцы, тем не менее, организовывали съезды и собрания, запрещенные как противоправительственные.

Примечательно, что ранее, в 1860-х – первой половине 1870-х гг., земские либералы видели своей задачей аналогичную «хождению в народ» культурно-просветительскую работу, считая ее действенным методом общественно-политической борьбы¹, однако к концу 1870-х гг. недовольство полицейской политикой правительства, ставшей универсальным способом наведения порядка в стране, сделало свое дело. Идеи ненасилия и чудодейственности воспитания народных масс все чаще осознавались представителями земской оппозиции как малоэффективные в практическом отношении. Либерал А.А. Кизеветтер писал в начале XX в. об этом периоде в жизни органов местного самоуправления, что «весенние побегі преобразовательной эпохи были сильно подпорчены внезапными заморозками...»². В результате ограничительных мер, проводимых правительством на протяжении 1870-х гг., земская критика внутриполитического курса приобретала все более резкий характер³. Несмотря на то, что сфера компетенции земств касалась исключительно проблем местного хозяйствования и, в соответствии с принципами Положения 1864 г., не должна была затрагивать вопросы политические, последние неминуемо выплывали в качестве первопричин первых. В конце концов, как писал М.П. Драгоманов, «лучшие земцы были приведены к сознанию невозможности плодотворной деятельности в местных учреждениях без общей политической свободы»⁴. Понимание, что правительством создаются условия, в которых местное самоуправление, взятое даже в самом узком, хозяйственном смысле, невозможно, влекло за собой неизбежную

¹ Гоголевский А.В. Очерки истории русского либерализма XIX – начала XX века. СПб., 1996. С. 57.

² Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России IX – XIX ст. М., 1910. С. 155.

³ Голубев В. Роль земства в общественном движении. Ростов-на-Дону, 1905. С. 12.

⁴ Драгоманов М.П. Либерализм и земство... Женева, 1889. С. 15.

радикализацию земской оппозиции. Конфликт земских учреждений с властью становился, таким образом, неизбежным. Американский исследователь Р. Пайпс даже писал о «самоуничтожении либерализма» в конце 1870-х – начале 1880-х гг. вследствие того, что либеральная оппозиция оказалась перед выбором между правительством, ведущим наступление на достижения 1860-х гг., и революционным террором¹. А поскольку официальный курс делал невозможным нормальное функционирование гражданских учреждений и противоречил идее самоуправления как таковой, либералы все более сочувственно относились к требованиям, предъявляемым революционной программой.

Признаки того, что земская оппозиция готова перейти грань законности обнаружили себя незадолго до совещаний с украинофилами и южными «дезорганизаторами». О.С. Любатович, совершившая в начале 1878 г. побег из Сибири и укрывавшаяся от полиции у присяжного поверенного А.А. Ольхина, вспоминала, что А.А. Ольхин, имевший личные связи с земской средой, часто беседовал с ней о тактике земских либералов и говорил, что они «подумывают об устройстве общеземских съездов». Также А.А. Ольхин отмечал, что некоторые из земцев считают более эффективной борьбу нелегальную, призывают, помимо составления петиций и ходатайств, заняться устройством подпольного печатного издания и «просят только содействия революционной партии в деле печатания такого земского органа»². Чернопеределец О.В. Аптекман в своей книге «Из истории революционного народничества. “Земля и воля” 70-х годов» также указывал, что к началу 1878 г. среди конституционалистов юга России уже существовала мысль о совместном с революционерами подпольном издании. Он вспоминал, что в январе в Петербург из Киева приехал украинофил И.П. Ювеналиев с предложением «Земле и воле» совместно издавать подпольный антиправительственный

¹ Пайпс Р. Указ. соч. С. 360.

² Любатович О.С. Далекое и недавнее. М., 1930. С. 38.

орган. Большинство голосов народники это предложение отвергли, однако из-за разногласий внутри самой революционной группы было решено частично пойти навстречу киевскому делегату и поддержавшей его части народнического сообщества и отпечатать для начала в революционной типографии конституционную прокламацию¹. В леволиберальных кругах идея общего с революционерами нелегального издания, по-видимому, была широко распространена. По словам О.В. Аптекмана, либеральная общественность юга России к концу 1870-х гг. разделилась на три группы. Одна из них не шла дальше упований на добрую волю императора; другая полагала, что «увенчания здания» можно добиться легальными путями; наконец, последняя, объединявшая наиболее активных либералов, «ратовала за организацию... подпольного революционно-конституционного органа, с целью распространения в широких слоях публики идей политической свободы» и «то и дело пыталась сблизиться на тех же основаниях с революционерами»². Рассказы О.С. Любатович и О.В. Аптекмана подтверждают, что подлинной причиной безуспешности переговоров конца 1878 г. было скорее старое, исчерпавшее себя на практике взаимное предубеждение, полемика «отцов и детей». Действительная же степень лояльности земских «левых» к этому времени уже далеко выходила за пределы легальной работы, что и продемонстрировала история с оппозиционными адресами.

Знаковым событием, подведшим черту под доводами в пользу легальной работы, стал запрет на прочтение Черниговского адреса во время заседания Черниговского губернского земского собрания в январе 1879 г. И.И. Петрункевич вспоминал, что перед открытием очередной сессии земского собрания в начале 1879 г. он и А.Ф. Линдфорс изложили своим коллегам события харьковского юбилея и переговоров конца 1878 г. Земцы призывали других гласных присоединиться к политической борьбе и для начала

¹ Аптекман О.В. Из истории революционного народничества: «Земля и воля» 70-х годов. (По личным воспоминаниям). Ростов-на-Дону, 1907. С. 130.

² Там же. С. 129.

предложили составить соответствующий ответ на призыв правительства¹. Для выработки проекта адреса была образована специальная комиссия, в которую губернское земское собрание вошло почти в полном составе. Разработка адреса велась в течение трех дней, после чего его рукописный вариант был передан для переписки набело. И.И. Петрункевич указывал на необычайное оживление, с которым черниговское общество встретило новость о том, что в ответ на призыв правительства о помощи гласные готовятся выступить с конституционными требованиями. По его словам, в ту же ночь, когда создавался окончательный вариант документа, с него было сделано множество копий, которые мгновенно разлетелись по городу и даже «покупались» публикой. 22 января 1879 г. состоялось первое в новой сессии заседание Черниговского губернского земского собрания, по завершении которого председатель Н.И. Неплюев, получивший свою копию адреса, заявил, что считает невозможным допустить его к прочтению². Дальнейшую борьбу между собранием и председателем со стенографической точностью изложил в своих воспоминаниях В.М. Хижняков. Он был секретарем Черниговского губернского земского собрания и, по его собственным словам, точно зафиксировал все происходившее на «боевом» заседании на следующий день. Председатель успел заручиться поддержкой местной администрации, и 23 января работа губернского земского собрания началась с облавы. По распоряжению властей, было решено, вопреки обыкновению, публику на собрание не пускать, а зал заседаний оцепить усиленными отрядами полиции³. Судя по записям В.М. Хижнякова, гласные, выступавшие в защиту уже отпечатанного адреса, настаивали на строгом соблюдении законной процедуры, утвержденной Земским положением 1864 г., которую нарушали действия администрации и Н.И. Неплюева. В соответствии с законом, право вето председателя земского собрания не могло быть использовано в случае

¹ Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля... С. 106 – 107.

² Там же. С. 108.

³ Хижняков В.М. Указ. соч. С. 153 – 154.

уже состоявшихся постановлений. А именно таковым и был черниговский адрес, поскольку избрание комиссии и передача полномочий для составления документа были инициированы самим председателем Н.И. Неплюевым¹, не ожидавшим, разумеется, что собрание воспользуется ситуацией для противоправительственного выступления. А.П. Карпинский, который держал слово на собрании 23 января, говорил, что причина запрета на официальное обнародование адреса состоит в том, что земская комиссия разошлась в своих воззрениях со взглядами председателя собрания, однако «разница во взглядах не дает права называть действия комиссии незаконными и лишать ее протокол официального значения состоявшегося акта»². В том же ключе высказывался и украинофил И.Л. Шраг – в будущем депутат Государственной думы первого созыва от блока кадетов и украинских радикал-демократов. Ссылаясь на Положение 1864 г., И.Л. Шраг заявлял, что право останавливать состоявшиеся постановления имеют только губернатор и министр внутренних дел, причем при условии указания ими причин своего несогласия с решением земского собрания. В противном случае, их действия, как и действия председателя, могут считаться нарушением действующего законодательства³. В защиту адреса выступило большинство присутствовавших на собрании земцев, а само заседание фактически переросло в «оппозиционный митинг»⁴. Самые острые дебаты по поводу черниговского адреса разгорелись между председателем губернского земского собрания и лидером «левых» И.И. Петрункевичем. В.М. Хижняков дословно приводил их изощренные препирательства. И.И. Петрункевич: «Вы обвиняете комиссию в составлении противоправительственного акта, и она вправе требовать прочтения своего доклада, чтобы наши товарищи убедились, что мы не сочиняли ничего противозаконного», – председатель: «Я ни слова не говорил о

¹ Там же. С. 153 – 156.

² Цит. по: там же. С. 153 – 154

³ Там же. С. 153.

⁴ Белоконский И.П. Земство и конституция... С. 15.

противозаконности доклада». И.И. Петрункевич: «А если это акт законный, почему вы не допускаете его прочтения?», – председатель: «Потому, что нахожу это невозможным. Если вы недовольны, можете жаловаться». И.И. Петрункевич: «В настоящую минуту председатель вышел из пределов своей власти, и я имею основание думать, что, руководясь точным смыслом закона, мы обязаны протестовать против его незаконных действий... Если председатель поступает против закона, то мы обязаны, уважая закон, не подчиняться его распоряжению. Я перехожу к обсуждению вопроса по существу...», – Н.И. Неплюев: «Я приглашаю вас не приступать к обсуждению». И.И. Петрункевич: «Что же это значит? Вы у меня отнимаете слово?», – председатель: «Да, я буду вынужден отнять слово»¹. После того, как И.И. Петрункевич был лишен права голоса, он вместе с группой гласных численностью более 20 человек в знак протеста покинули собрание. Но развязка конфликта не заставила себя ждать. Вскоре после столкновения в собрании, «левые» земцы обратились в Сенат с жалобой на превышение председателем собрания Н.И. Неплюевым должностных полномочий. Однако предписанной законом процедуры судебного разбирательства не последовало, Сенат ограничился тем, что переправил чиновникам Черниговского губернского правления объяснительное письмо Н.И. Неплюева. Эта записка Н.И. Неплюева быстро стала достоянием общественности и была воспринята в земстве как кляуза. Для объяснения своих действий председатель Черниговского губернского земского собрания представил в Сенат политический донос, в котором утверждал, что составители черниговского адреса являются, с точки зрения политической благонадежности, людьми опасными и их деятельность в земстве сводится к распространению противоправительственной смуты среди населения. Заканчивал свое письмо председатель выражением сожалений о том, что враги престола в лице черниговских «левых» до сих пор остаются безнаказанными. Ни слова,

¹ Цит. по: Хижняков В.М. Указ. соч. С. 155 – 157.

касающегося запроса группы И.И. Петрункевича, в ответе Сената не содержалось, следствие по делу о нарушении порядка заседаний проведено не было.¹ Борьба, развернувшаяся вокруг адреса Черниговского губернского земского собрания, и позиция Сената по вопросу законности действий председателя собрания окончательно утвердили земских «левых» в мысли о том, что легальный образ действий себя исчерпал. Этот переворот произошел не столько в силу привлекательности гораздо больших возможностей, которые открывала подпольная борьба, и ее эффективности в короткой перспективе, сколько по причине понимания, что в рамках существующего политического режима легальное существование оппозиции невозможно как таковое.

Реакция Сената на жалобу черниговских земцев ясно говорил о том, что сама власть в лице ее институтов не рассматривает закон в качестве средства регулирования общественных отношений. По сути, Сенат ответил, что законность сама по себе не ценности не представляет и дело состоит вовсе не в законе или его нарушении, а в степени политической лояльности. Таким образом, само правительство подчеркивало, что не заинтересовано в переносе дискуссии в правовое поле, что первичен не закон, а власть, которая не считает себя связанной никакими правилами и «положениями». В условиях радикализации взглядов представителей земской «левой» и ее возрастающего тяготения к тактическому союзу с радикальными элементами, отказ правительственных органов от коммуникации мог только ускорить это движение к объединению оппозиции, возникшее с конца 1870-х гг. Начавшись на уровне личных контактов и негласного сочувствия, сближение леволиберальной оппозиции с революционным лагерем постепенно вылилось в прямую конфронтацию с администрацией и переход к нелегальным средствам политической борьбы. Парадоксальность ситуации состояла еще и в том, что проблема легальности как таковой приобрела в это время иное, более широкое толкование, что отчасти смягчало ее этическую

¹ Там же. С. 157 – 158.

конфликтогенность. Политический кризис конца 1870-х – начала 1880-х гг. завершил эпоху существования классического либерализма с его строгой приверженностью рамкам законодательной нормы, каковы бы они ни были. Однако земская практика, конфликты в собраниях и столкновения с администрацией, показывали, что значительная часть гласных считает главной причиной отсутствия законности саму государственную власть. В стремлении компенсировать себе уступки 1860-х гг. отстаивание принципов великих реформ автоматически воспринималось ею как политическая угроза. В этот широкий спектр антиправительственных явлений попадало многое из того, что касалось нормального функционирования земских учреждений и соответствовало положению 1864 г.: от исследования вопросов экономического благосостояния местного населения до собраний по борьбе с насекомыми, – и те, и другие мероприятия расценивались представителями властных институтов как потенциально политически опасные¹. Такое положение дел фактически исключало возможность существования действительного «легального» самоуправления.

История борьбы за черниговский адрес повлекла осознание оппозиционными земцами необходимости выбора между борьбой за политические права и старой либеральной верой в возможность добиться реформ прошениями и петициями. Понимание того, что легальные средства исчерпаны и необходим переход к нелегальной работе, обозначил И.И. Петрункевич в своей статье «Ближайшие задачи земства». Статья была написана им после того, как стала ясна позиция Сената в конфликте собрания с Н.И. Неплюевым и местной администрацией. Лидер земских либералов впервые сформулировал в качестве конкретных программных пунктов политические принципы объединенной земско-украинофильской оппозиции, а также открыто указал направление, в котором вынуждена в силу политических обстоятельств развиваться критическая мысль в России. Статья

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 836. ЛЛ. 1 об. – 2 об.

«Ближайшие задачи земства» стала не только программной в содержательном отношении, но и обозначила поиск нового либерального принципа, который объединил бы конституционную программу с возможностью более радикальных методов борьбы. И.И. Петрункевич прямо указывал, что в такой трансформации умеренных в своих взглядах земских либералов, как и во всей кризисной ситуации рубежа 1870-х – 1880-х гг., виновато само правительство, пытавшееся силой заглушить голос общественности и вынудившее ее представителей перейти к открытой конфронтации. Общий тон работы И.И. Петрункевича не просто остро полемичен – по форме «Ближайшие задачи земства» напоминают статьи обвинительного приговора, перемежающиеся требованиями социальных и экономических реформ. Перечисляя пункты обвинения, И.И. Петрункевич писал: «Нищета беднейших классов, тягость налогов, невежество, казнокрадство, расхищение государственных имуществ, мотовство народных средств, финансовое банкротство, преследование учащейся молодежи, развитие политических доносов, административные ссылки сотнями – вот картина России. Ожидать, что правительство одолеет такую задачу, – нет причины. Напротив, оно доказало нам свою неспособность справиться с положением, им же созданным»¹. Далее следовал призыв к обществу самостоятельно, не считаясь с волей правительства, взять управление государством в свои руки: «Никакое правительство само не дает таких учреждений, которые бы надевали действительную узду на его произвол»². В тех же боевых тонах И.И. Петрункевич выражал сожаление, что призыв правительства о помощи в борьбе с крамолой вызвал недостаточно бурный протест со стороны земств, какового, по его мнению, требовали соображения общественного блага, а «ряд адресов – пошлых, униженных, вполне ничтожных»³. К таким адресам И.И. Петрункевич относил даже

¹ Петрункевич И.И. Ближайшие задачи земства (1879 г.) // Юбилейный земский сборник. 1864 – 1914. СПб., 1914. С. 433.

² Там же. С. 433 – 434.

³ Там же. С. 430.

составленный Е.С. Гордеенко ответ Харьковского губернского земского собрания, который, хоть и был сдержан по форме, но содержательно повторял требования черниговского адреса. Требованием радикальной программы И.И. Петрункевича был полный отказ от любой, даже чисто формальной, учтивости по отношению к верховной власти, отрицание прежней либеральной идеи «политического векселя» и объявление открытой войны правительству. Позже в своих воспоминаниях И.И. Петрункевич пояснял свою позицию так: «Бороться рука об руку с агентами власти – общество не может и не будет, пока оно остается обществом и сохраняет свое человеческое достоинство»¹. Положение либеральной оппозиции в этот период обязывало ее делать выбор между идеей законности и сознанием необходимости коренной перестройки государственной системы. Слова И.И. Петрункевича о «человеческом достоинстве» подтверждают, что выбор между легальностью и революционностью имел для земских либералов значение этической дилеммы, которая была разрешена не в пользу первого. «Значит, ты предлагаешь нам быть шпионами и сыщиками?» – Обращался автор брошюры к правительству. – Но может ли народ взять на себя такую позорную роль? Мы далеки от революционных идей, но заявляем, что бороться с ними можем лишь силою мысли и слова, палачей же между нами не найдется! Разделявайся же само и знай, что.., не желая революции, мы еще менее желаем сохранения старого строя»².

Проблема отношения земского либерализма к революционному движению занимает в «Ближайших задачах земства» одно из центральных мест. Выражения, к которым прибегает И.И. Петрункевич, говоря о революционных идеях, почти дословно повторяют более позднюю мысль П.Б. Струве: «Отцы, у которых ежедневно вырывают детей для медленной и ужасной казни, просят новых казней над своими же детьми...»³. Обязанностью

¹ Он же. Из записок общественного деятеля... С. 95.

² Он же. Ближайшие задачи земства... С. 431.

³ Там же. С. 430.

каждого гражданина, по мнению земца, является протест против системы преследований и вообще государственного «молоха», действующего с помощью нее. В своей статье И.И. Петрункевич отчетливо проводит мысль о внутренней связи между революционным движением и движением либерально-украинофильской оппозиции, их идейной сопричастности. Революционные настроения рассматриваются им не как занесенная извне зараза, а как логическое продолжение общедемократической установки, в основе которой лежит осознание недопустимости сохранения существующего порядка вещей. Единственное, что, по мнению И.И. Петрункевича, отличает земскую оппозицию от революционной – это то, что идеи последней, находясь в общем с леволиберальными идеями демократическом потоке и совпадая с ними в целях, в своем практическом аспекте «идут еще дальше». «Но, – добавляет И.И. Петрункевич, – следует ли отсюда, что мы поднимем руку на мысль, которая есть естественный продукт нашего положения и которая даже своими заблуждениями может принести пользу, отыскивая новые пути для улучшения этого положения»¹. Другими словами, лидер земских «левых» не проводил жесткой разграничительной линии между земско-либеральным и революционным движениями; в его трактовке они оказывались генетически связаны между собой, мысль революционная – как логическое развитие мысли либеральной.

Таким образом, программная работа И.И. Петрункевича, вызванная к жизни крушением веры черниговских либералов в возможность перемен сверху, формулировала не только идейные основы земского движения, но и обозначала разрыв программы земской оппозиции с «классическим» для либерализма принципом легальности средств борьбы. Основная мысль «Ближайших задач земства» заключалась в понимании невозможности добиваться политических прав законными методами, поскольку сам закон поставлен на службу реакции – и поэтому не может выступать мерилom

¹ Там же. С. 432.

общественного блага. «Народность» власти, как показывала действительность, – не более чем фикция, оборот речи, используемый правительством в собственных целях. Брошюра И.И. Петрункевича фиксировала перерождение либерализма, формирование его нового облика и новой программы, в которой проблема неприятия революционных методов получала частичное разрешение. И.И. Петрункевич призывал признать закономерность и конкретно-историческую обусловленность любой формы протеста, от умеренной, находящейся в рамках закона, до радикальной, действующей с помощью террора. В понимании земца все формы протеста в существующих общественно-политических условиях ориентированы на общую конечную цель – завоевание гражданских прав и улучшение социально-экономического благосостояния народа. В связи с этим наиболее целесообразным и эффективным способом работы ему виделась консолидация усилий всего антиправительственного лагеря ради завоевания конституции, которая закрепит необходимые обществу свободы. Наиболее подготовленной почвой для объединения сил оппозиции и борьбы с общим врагом И.И. Петрункевич называл земство. «Избирая земство базисом движения, – писал он, – мы... веруем, что все силы русского народа дружно соединятся, чтобы завоевать себе свободу»¹. Помимо формулирования принципов земского движения, статья И.И. Петрункевича также содержала попытку разработки политической платформы для объединения оппозиции. Так, он указывал, что вопросы, которые предстоит решить в процессе конституционной модернизации, подразделяются на две категории. Первая из них составляет «ближайшие задачи» политической борьбы и касается личных прав и их гарантий со стороны закона; вторая же группа вопросов, относящаяся к более отдаленной перспективе, затрагивает проблемы структуры государственного аппарата и не может быть решена иначе, кроме как свободным волеизъявлением народа. В конце статьи формулировались общие

¹ Там же. С. 435.

демократические установки, на основании которых И.И. Петрункевич считал возможными консолидацию антиправительственных сил и дальнейшее реформирование общественно-политической системы страны. «Итак, – заключал он, – в настоящую минуту земство должно написать на своем знамени три положения: свобода слова и печати, гарантия личности и созыв [Учредительного собрания]. Все остальные вопросы должны быть на время отложены»¹.

Требования, аналогичные изложенным в «Ближайших задачах земства», в конце 1870-х гг. имели поддержку и в среде южных революционных кружков, испытывавших сильное влияние демократических идей украинофильства. Опубликовать статью И.И. Петрункевича предполагалось за границей в виде брошюры с целью дальнейшего распространения. Благодаря связям земцев с украинофилами, программа И.И. Петрункевича быстро приобрела популярность и в их среде. Центр украинофильского движения, организация «Старая громада», взялась помочь черниговским земцам отпечатать и распространить брошюру. Публикацией статьи занимался в Львове один из видных украинофилов Ф.К. Волков. Однако, как вспоминал И.И. Петрункевич, уже готовая партия была арестована австрийской полицией вместе с подпольной типографией, где печатались и другие запрещенные материалы². Необходимо отметить, что в своих воспоминаниях И.И. Петрункевич, вероятно, допустил ошибку и переставил местами инициалы Ф.К. Волкова, указав, что печатанием брошюры занимался некто К.Ф. Волков. Учитывая близкие контакты представителей украинофильского движения с земцами-конституционалистами, следует предположить, что печатал «Ближайшие задачи земства» именно известный «громадянин». Это подтверждают и иные обстоятельства, например, то, что сама «Старая громада» к 1879 г. уже как несколько лет находилась на нелегальном

¹ Там же. С. 434.

² Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля... С. 111.

положении и печатала свои работы в тайной типографии как раз на территории Австро-Венгрии. Кроме того, в соответствии с конфиденциальным «Сводом указаний, данных некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях» от мая 1880 г., можно утверждать, что представители «Старой громады» вели работу в общем с земцами направления по объединению усилий оппозиции, в частности, бывали на совещаниях с земскими «левыми» и занимались переводом на украинский язык разнообразных противоправительственных материалов¹. На практическую связь черниговских либералов с украинофильской организацией «Старая громада» в истории с брошюрой И.И. Петрункевича указывает и тот факт, что Ф.К. Волков бежал за границу из-за полицейского преследования именно в 1879 г., т. е. одновременно с тем, как полицией была накрыта подпольная типография в Львове. Тогда же развернулись и полицейские мероприятия против составителей черниговского адреса, закончившиеся для его главного вдохновителя И.И. Петрункевича арестом в конце апреля 1879 г. Земец Я.М. Белый, вращавшийся в среде радикально настроенной молодежи, вспоминал, что полицейские преследования наиболее активных черниговских «левых» создавали впечатление, что в губернии начинают действовать проскрипционные списки, с помощью которых правительство решило истребить всякую критическую мысль и всякое прогрессивное начинание².

Помимо полицейских сведений, факт существования взаимоотношений черниговских либералов с украинофилами из «Старой громады», их совместной нелегальной издательской деятельности и даже программного слияния находит подтверждение и в личных материалах одного из лидеров украинофильства, опального профессора М.П. Драгоманова. Для понимания процесса формирования нелегальной оппозиционной сети на юге России информативным представляется одно из частных писем М.П. Драгоманова,

¹ См.: Лемке М.К. Указ. соч. С. 852.

² Белый Я.М. Указ. соч. С. 189.

датированное февралем 1887 г. Письмо, составленное в неформальном тоне, было обращено к деятелям «Старой громады» и касалось внутренних разногласий среди украинофилов по вопросу пользы противоправительственных изданий. Сетую на пассивность «громадян», переставших к концу 1880-х гг. подкреплять прежнюю радикальную программу активной практической работой, М.П. Драгоманов упоминал, что в конце 1870-х гг. нелегальные публикационные предприятия играли существенную роль в разворачивании и консолидации оппозиционного движения. Политическая агитация, средством которой служили подпольные печатные материалы, по словам М.П. Драгоманова, в то время всеми признавалась «делом нужным». Отсылая к истории с брошюрой И.И. Петрункевича, он писал: «По поводу этих изданий и у вас были завязаны отношения, хоть бы, например, с земцами, после чего была потребность делать подобные же издания от “Либеральной лиги” в Львове... В духе вашей же «лиги» написано было мной “Соловья баснями не кормят”... Всякий раз я повторяю, что писал я ту брошюру, согласно не только с моими принципами, но и с вашими тогдашними, которые вы высказывали в условиях, письмах, в публикациях в роде “Задачи земства”»¹. Из контекста ясно, что под «Либеральной лигой» М.П. Драгоманов понимал именно тактический союз украинофилов с земцами-конституционалистами, одним из проявлений которого в конце 1870-х гг. и была организация подпольного издания антиправительственных статей, брошюр и т.п. материалов. Нельзя не заметить и то, что М.П. Драгоманов прямо указывал на работу И.И. Петрункевича «Ближайшие задачи земства» как на общую программу этого союза-«лиги», в соответствии с которой и предполагалось вести дальнейшую нелегальную работу. Еще несколькими годами ранее, перепечатывая статью И.И. Петрункевича в женевском издании «Вольное слово», М.П. Драгоманов подчеркивал в предисловии, что издание программной работы И.И.

¹ Архів Михайла Драгоманова... С. 302.

Петрункевича планировалось совместить с систематическим печатанием других работ того же рода. В частности, он указывал, что одновременно с «Ближайшими задачами земства» к незаконному распространению готовились брошюры «Русская молодежь, правительство и общество» и «Мартовское движение студенчества Киевского университета в 1879 г.», но до ареста типографии выпустить успели только последнюю¹. Т. е., если верить М.П. Драгоманову, публикация брошюры И.И. Петрункевича планировалась земцами и украинофилами не как единичная совместная акция, а как часть общей кампании по выпуску нелегальных агитационных материалов. И, хотя издательское дело успехом не увенчалось, сам этот проект, как и дальнейшие планы земско-украинофильского сотрудничества, говорят о том, что после конфликта с местной администрацией и запрета черниговского адреса «левые» земцы обратились к нелегальной политической борьбе.

Еще одним мероприятием, которое представители земской оппозиции успели провести на фоне начавшихся преследований, был оппозиционный съезд в Москве 1 и 2 апреля 1879 г. Он был спланирован еще в конце 1878 г., когда И.И. Петрункевич и А.Ф. Линдфорс встречались с московскими земцами и представителями Московского юридического общества. Организацию съезда взяли на себя В.А. Гольцев и М.М. Ковалевский. Съезд открылся 1 апреля на квартире князя Кропоткина, одного из членов магистратуры Московского университета. По воспоминаниям И.И. Петрункевича, в съезде приняло участие около 30 человек, в их числе братья П.А. и А.А. Бакунины, братья И.И. и М.И. Петрункевичи, Т.Н. Повало-Швейковский, В.Н. Линд, Ф.И. Родичев и др.² По составу присутствующих, мероприятие являлось скорее не земским, а общедемократическим, поскольку в нем приняли участие люди разных политических воззрений, поддерживающие мысль о необходимости сплочения в борьбе за политические права и социально-экономические

¹ Драгоманов М.П. Земский голос из недавнего времени // Юбилейный земский сборник. 1864 – 1914. СПб., 1914. С. 435 – 436.

² Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля... С. 112.

преобразования¹. Основным вопросом, поднятым на обсуждение участниками совещания был вопрос о создании постоянно действующей организации в целях координации антиправительственных акций разных групп оппозиции. За учреждение подобного общества высказывалось большинство присутствующих². Учитывая, что в административных и полицейских кругах уже ходили разговоры о существовании некой «Либеральной лиги» и потребность в таком союзе сознавалась и в либерально-украинофильских, и в революционных кругах, можно говорить о действительном стремлении оппозиции к структурному оформлению своей кооперации.

В силу разных обстоятельств этот процесс в конце 1870-х гг. так и не был завершен. Один из инициаторов создания нелегального союза оппозиции И.И. Петрункевич менее чем через месяц был арестован и выслан в Костромскую губернию. В организационном отношении «Земский союз», таким образом, существования не получил, однако в качестве идеи выражал объективно существующую тенденцию к тактическому объединению разных групп демократической оппозиции. В то же время разработку получила конституционная политическая программа этого несуществующего общества. Она была сформулирована И.И. Петрункевичем в статье «Ближайшие задачи земства», распространение которой стало знаком преодоления земским движением традиционных для либерализма легалистских установок.

На рубеже 1870-х – 1880-х гг. в общественно-политической жизни России обнаруживала себя тенденция к идейному и тактическому сближению леволиберальной и революционной оппозиции. В условиях политического кризиса, когда конфронтация между правительством и сторонниками конституционно-демократических идей приняла острый характер, в земских, украинофильских и революционных кругах, отошедших от установок

¹ ИРЛИ РАН. Р. I. Оп. 2. Д. 343. ЛЛ. 69 об. – 70.

² Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля... С. 112.

народничества, была впервые осознана и сформулирована мысль о внутреннем логическом и генетическом родстве либерального и революционного движений в России. Признание общности их ближайших целей и непринципиальности существующих разногласий повлекло перестройку общественно-политического поля. На юге России возникло такое направление, как «революционный конституционализм», выражавшее поворот революционной мысли к политической борьбе и ее стремление к выработке эффективной программы, нацеленной на насущные потребности общества. Сходная трансформация произошла и в либеральной среде южнороссийских земств. В условиях разворачивания правительством ограничительных для местного самоуправления мероприятий, земский либерализм эволюционировал в сторону радикализации своих тактических и политических принципов. Одним из обстоятельств, предопределивших взаимное тяготение южных революционеров, земцев и украинофилов было разочарование в идее реформы сверху после русско-турецкой войны. Несмотря на упование прогрессивной общественности, власть проигнорировала экономические и социальные проблемы населения губерний, близких к театру военных действий, произвол военных и чиновников. В 1878 г. правительство прямо заявило, что не планирует возвращаться к либеральному курсу начала 1860-х гг., и под покровом «борьбы с сепаратизмом» попыталось расправиться с источником брожения на юге. Эта политика имела следствием дальнейшее нарастание напряженности и вынуждала прогрессистские круги обратиться к решению существующих проблем собственными силами, противопоставив себя в качестве «живых» общественных сил казенному произволу. Программным воплощением этих настроений стали требования украинофилами демократической конституции, гарантирующей права граждан, а также подлинного народного самоуправления, в основе которого находился бы принцип верховенства воли народа в решении государственных вопросов. Движение украинофилов не было политически обособленным. Оно выражало

общее критическое настроение, царившее на юге России, и было тесно связано с другими оппозиционными течениями – украинофилы были среди революционеров, среди киевского студенчества, в преподавательском составе Киевского университета, в ряду гласных южнороссийских земств. Такое положение способствовало практическому переплетению революционного и либерального движений, идейной базой для которого стало украинофильство. Не без его влияния революционная программа в конце 1870-х гг. приобрела черты, свойственные конституционно-либеральным проектам, дополненным разве что практикой «дезорганизации». Классические же либеральные принципы на почве земско-украинофильских и земско-революционных контактов трансформируются настолько, что в своем конечном виде, представленном в оппозиционных адресах и статье И.И. Петрункевича «Ближайшие задачи земства», по существу срастаются с программой конституционного радикализма. Мысль о недопустимости насилия как средства борьбы сохранилась в новой земско-либеральной программе лишь остаточно, в риторической форме. Практическая же сторона деятельности земских либералов показывала неактуальность для них ввиду сближения с радикальными кругами прежней установки на легальность, снятие моральной антитезы между требованием верховенства закона и нелегальной антиправительственной работой. Последнее объясняет сочувствие земских либералов некоторым террористическим актам, их пособничество революционерам (финансами, укрывательством, помощью в устройстве на должности), устройство незаконных оппозиционных совещаний, печатание и распространение антиправительственных материалов.

Сближение на земской почве леволиберальной и революционной оппозиции породило стремление этих групп к созданию единой политической платформы и координирующего центра движения. Готовым основанием для новой компромиссной программы послужили идеи украинофилов, сочетавшие в себе революционные тактические установки на возможность подпольной деятельности с базовыми общедемократическими требованиями

гарантии личных свобод и народного представительства. Более детальную разработку этой программы представил лидер черниговских «левых» земцев И.И. Петрункевич в статье «Ближайшие задачи земства». В своей работе он дополнил указанные принципы формулированием общих целей политической борьбы объединенной оппозиции: свобода слова и печати, гарантия прав личности, созыв Учредительного собрания. Кроме того, И.И. Петрункевич полагал целесообразным тактическую консолидацию всех сил, сочувствующих данной программе, что подразумевало создание единого фланга оппозиции, союза для борьбы за «вырывание» конституции. Многие современники, в особенности полиция, были уверены в существовании организационного центра движения, который именовали вариативно – «Земский союз», «Либеральная лига» и т.п. Однако, несмотря на попытки достигнуть тактической договоренности, структурного оформления этот союз в конце 1870-х гг. так и не получил в силу внутренней антиномичности как революционного, так и земско-либерального движений, их опасений перед полным слиянием и потерей идеологической идентичности.

ГЛАВА 2. ЛИБЕРАЛЬНЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ «СВЯТОЙ ДРУЖИНЫ» (1881 – 1882 гг.)

§ 1. Принципы формальные: «тайное общество борьбы с крамолой»

Одним из проявлений политического кризиса конца 1870-х гг. стала волна народовольческого террора, достигшая своего апогея к весне 1881 г. 1 марта 1881 г. бомба поразила Александра II. Обстановку в стране накануне убийства императора характеризуют воспоминания и дневниковые записи государственных служащих и лиц, вращавшихся в придворной среде. Служивший в Министерстве государственных имуществ А.Н. Куломзин писал, что зима 1880/1881 гг. была «кошмарной», а царившая «общая

политическая атмосфера» – «ужасной»¹. С.Д. Шереметев, близкий к новому императору, также характеризовал настроения в правящих верхах как «мрачные»². Политические убийства и не прекращавшиеся покушения на представителей власти поставили правительство перед фактом неспособности полиции противостоять революционному террору. Критические замечания относительно малоэффективности способов работы политической полиции звучали давно,³ однако только убийство Александра II, ставшее кульминацией политического кризиса, в полной мере выявило масштаб проблемы. Оно же спровоцировало распространение в окружении наследника престола идей о необходимости создания особого неофициального охранительного корпуса для защиты жизни нового императора и членов его семьи. Вскоре в общем русле этих настроений и возникло тайное общество «Святая дружина»⁴.

Нельзя сказать, что появление подобного рода организации было внезапным. Революционный подъем конца 1870-х гг. и многочисленные неудачные покушения на Александра II вынуждали его ближайшее окружение искать способ обезопасить жизнь монарха. Вопрос о необходимости защиты императора впервые встал после покушения Д.В. Каракозова 4 апреля 1866 г. Тогда в III отделении под руководством шефа жандармов П.А. Шувалова была составлена записка, предлагавшая создать неофициальную «охранительную полицию», которая специализировалась бы на выявлении угроз жизни императора и их устранении. Работа этой полиции, по мысли составителей проекта, должна была протекать повсеместно и беспрестанно, но при этом оставаться незаметной для общества⁵. Существуют сведения, что попытки создать аналогичную по замыслу «тайную антисоциалистическую лигу»

¹ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 189. ЛЛ. 37 об. – 38.

² Цит. по: Мясников А.Л. Александр III. М., 2016. С. 320.

³ Прайсман Л.Г. Указ. соч. С. 76.

⁴ Казанцев П.А. Обеспечение безопасности императора, членов императорской фамилии и высших должностных лиц Российской империи в 1881 – 1917 гг.: институциональный аспект. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к. и. н. М., 2006. С. 19.

⁵ Оржеховский И.В. Указ. соч. С. 135.

предпринимались и в 1879 г.¹, однако документальных свидетельств об этом проекте нет. Как бы то ни было, к весне 1881 г. подобных тайных обществ не существовало, и гибель Александра II от рук террористов на набережной Екатерининского канала вновь подняла вопрос о личной безопасности монарха и монаршей семьи.

В придворных и общественных кругах, не сочувствовавших террору, широкое хождение в этот период приобрела идея, что первой и насущной задачей общественной жизни России является общественное успокоение и водворение политического порядка. Ввиду этого вновь обрела популярность мысль о необходимости учредить на добровольческих началах тайную организацию, которая бы состояла из представителей самого общества и несла охранительные функции. Такие соображения исходили не только от представителей придворной среды, но от людей из прочих сфер, не связанных прямо друг с другом. Например, сохранилась записка бывшего профессора Харьковского университета И.В. Платонова к М.Т. Лорис-Меликову от 20 марта 1881 г., в которой в качестве меры борьбы с террором предлагалось создать общественно-полицейскую сеть из городских домохозяев. Они, по замыслу автора проекта, взяли бы на себя обязательства наблюдать за жильцами и при возникновении подозрений в политической неблагонадежности оповещать полицию. Как средство «мотивации» предлагалось использовать страх обвинения в пособничестве злоумышленникам, если домовладелец «просмотрит» революционера или не доложит о нем². Похожую мысль находим и в мемуарах известного хирурга и педагога Н.И. Пирогова, написанных сразу после 1 марта 1881 г. и опубликованных со значительными цензурными изъятиями в журнале

¹ Давыдов Ю. «Никто и никогда не узнает наших имен» // Прометей. 1977. Т. 11. С. 340; Россия в революционной ситуации на рубеже 1870 – 1880-х годов. Коллективная монография. М., 1983. С. 121.

² Из записки бывшего профессора Харьковского университета И.В. Платонова министру внутренних дел М.Т. Лорис-Меликову о мерах борьбы с революционным движением // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. М., 2001. С. 108 – 109.

«Русская старина» спустя четыре года после смерти автора. В одном из вырезанных цензурой мест мемуаров, где Н.И. Пирогов рассуждал о пользе представительства, в контексте этих прогрессистских пассажей, следовали заявления такого рода: «Я твердо уверен, что искусному государственному человеку в нынешнем положении можно бы было,.. без шума и огласки, образовать тайное общество партизанов для подпольной борьбы с антисоциальной и антигосударственной крамолой»; «Принцип современных анархистов: всякое средство позволено для достижения предположенной цели – должен быть обращен против них самих. Борьба с крамолой сделалась бы, таким образом, не столько правительственной, сколько общественной. Правительство только наблюдало бы, покровительствовало бы своим партизанам и снабжало их средствами для успешного ведения борьбы»¹. Н.И. Пирогов выражал уверенность, что все противники террора, независимо от политических убеждений, придерживаются такого же взгляда на проблему, и потому его предложения получают поддержку в обществе². Похожие размышления находим также в дневнике консерватора В.П. Мещерского, записавшего 11 апреля 1881 г., что в целях антитеррористической деятельности «хорошо бы устроить нечто вроде того, что делают анархисты: главный комитет из нескольких лиц и затем целую сеть маленьких кружков для добрых дел»³.

О том, что такого рода идеи носились в воздухе, говорит и затруднение, возникающее при попытке точно установить первоисточник импульса к созданию «Святой дружины». С.Ю. Витте в своих воспоминаниях утверждал, что первым предложил проект «Дружины», однако приводимые им самим факты говорят о другом. С.Ю. Витте вспоминал, что, получив известие об убийстве народовольцами Александра II, он написал своему дяде генералу

¹ [Пирогов Н.И.] Неизданные страницы из мемуаров Н.И. Пирогова. С предисл. Малис Ю.Г. // О минувшем. СПб., 1909. С. 41.

² Там же. С. 42.

³ Цит. по: Лемке М.К. Указ. соч. С. 38 – 39.

Р.А. Фадееву письмо, в котором изложил ту же популярную идею об учреждении антитеррористического общества¹. Вскоре от Р.А. Фадеева, состоявшего в приятельских отношениях с близким другом Александра III И.И. Воронцовым-Дашковым, пришел следующий ответ: «Сегодня письмо твое будет в руках Государя. Вероятно, проект твой осуществится самым тайным образом, средства будут даны и организация, если до ней дойдет, свяжется с верховною властью в лице Воронцова-Дашкова»². Затем действительно последовало создание организационной структуры «Святой дружины», однако ошибочным было бы считать, что начало ей дало именно письмо С.Ю. Витте. Последний, скорее, не предложил ничего нового, а выразил и без того расхожую мысль, что было воспринято Р.А. Фадеевым как желание племянника присоединиться к формирующемуся обществу. В самом окружении нового императора в это время уже разрабатывались аналогичные проекты, о чем прямо говорит следующий фрагмент ответного письма Р.А. Фадеева: «Ты понимаешь, что я говорю тебе не о решении каком-либо, до которого не успели еще дойти, а о предложении нас двух, Воронцова и меня. Но уговорить пуще денег»³. Другими словами, Р.А. Фадеев писал С.Ю. Витте, что «решение» о создании тайной охраны уже было принято в ближайшем окружении Александра III и ко времени их переписки, т. е., почти к середине марта 1881 г., стояла задача получить одобрение верховной власти на функционирование такой организации.

Немаловажную роль при принятии данного решения сыграла атмосфера страха и ожидания очередных терактов, которая намеренно подогревалась некоторыми приближенными Александра III. Так, в марте 1881 г. в качестве креатуры К.П. Победоносцева пост петербургского градоначальника занял Н.М. Баранов, принявшийся распространять амбициозные слухи о грандиозных планах террористов, якобы раскрытых им в первые же дни

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Л., 1924. Т. 3. С. 103 – 104.

² РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 389. Л. 1.

³ Там же.

пребывания в должности¹. Спекулировал тревогой и сам ближайший советник нового императора К.П. Победоносцев, расписывавший в своих частых письмах к нему ужасы революционного заговора, поджидающие Александра III едва ли ни на каждом шагу. Последний, в итоге, досадуя, что вынужден прятаться в собственной стране от революционного подполья, решил «спасаться» в построенном в духе средневековой крепости Гатчинском дворце². К.П. Победоносцев, тем не менее, и там продолжал поддерживать атмосферу тревоги, то убеждая Александра III проводить ежевечернюю проверку всех помещений дворца, то уверяя его, что взрывчатка может быть спрятана даже внутри мебели в спальне³. В подобной обстановке мысль об учреждении конспиративного общества для охраны монарха казалась разумной, и 12 марта 1881 г. Александр III одобрил создание «Святой Дружины»⁴. Обеспечение безопасности императора и устройство общества взял на себя его друг, будущий министр государственного двора и уделов И.И. Воронцов-Дашков.

Организационные принципы «Дружины» нашли отражение во множестве документов весны 1881 – конца 1882 гг. Среди них наибольший интерес представляют документы, касающиеся структуры общества, его членского состава, принципов функционирования, а также связей с официальными государственными органами. Цели «Дружины» сформулированы в учредительных документах, составленных руководством организации. Так, в записке одного из лидеров «Дружины» П.П. Шувалова,

¹ См.: РГИА. Ф. 1561. Оп. 1. Д. 27; Богданович А.В. Три последних самодержца: [Дневник]. М., 1990. С. 67 – 68; Первые недели царствования императора Александра III (письма К.П. Победоносцева к Е.Ф. Тютчевой) // Русский архив. 1907. № 5. С. 95 – 96; Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 80-х годах // Русская мысль. 1911. № 1. С. 2 – 5; Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 305; Данилов А.Г. Глава государства и его окружение в России: исторический опыт // Вопросы истории. 2010. № 7. С. 89.

² Ерошкин Н.П. Самодержавие накануне краха // Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. М., 2006. С. 293; Рыженко И.Э. Александр III в Гатчине. СПб., 2011. С. 13.

³ Письма К.П. Победоносцева... С. 318 – 319.

⁴ Лурье Ф. Полицейские и провокаторы: политический сыск в России. 1649 – 1917. М., 1998. С. 183.

относящейся к весне-лету 1881 г., подчеркивалась двойкость задач общества. Они подразумевали, во-первых, непосредственную «охрану государя» и, во-вторых, «раскрытие заговора и тому подобных революционных предприятий»¹. Более развернутое объяснение дано в отчетной записке, составленной, вероятно, И.И. Воронцовым-Дашковым. Говоря, что «злодейство 1-го марта глубоко потрясло все слои русского народа», он пояснял, что «благоразумная часть русского общества» не могла оставаться в стороне и решила создать «организацию для... твердого и решительного отпора всяким покушениям на государственный строй и его исторические основы»². Таким образом, целями «Святой дружины» объявлялись охрана императора и деятельное противостояние революционному натиску.

Структурное оформление организации подробно исследовано М.К. Лемке на основании обширного делопроизводственного материала в работе «Святая Дружина Александра III. Тайное общество борьбы с крамолой. 1881 – 1882 годы». По замыслу организаторов, общество должно было строиться по принципу разветвленной сети революционных кружков с внутренней иерархией. Члены общества именовались «братьями» и образовывали пятерки, в которых «младшие братья», завербованные «старшим братом» в свою пятерку, должны были выполнять его распоряжения. Подразумевалось, что «братья» разных пятерок не будут знать друг друга, за исключением, когда одна пятерка является дочерним ответвлением другой. Всем «дружинникам» присваивались степени и номера, а в некоторых случаях – особые наименования подразделений: «Ура», «Успех», «Попытка», «Помощь», «Фаланга» и проч. Во главе «Святой дружины» стоял Совет первых старейшин, руководивший делами общества, но персонально никому не известный³. Судя по документам, братья из Совета первых старейшин носили номера с первого по пятый включительно. Однако до сих пор не установлено

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 1574. Л. 216.

² РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 221. ЛЛ. 1 – 1 об.

³ Лемке М.К. Указ. соч. С. 56 – 58.

ни одного члена «Дружины», имевшего один из пяти первых номеров. Непосредственные же организаторы и руководители общества получали номера, начиная с шестого¹, что позволяет предполагать, что Совет первых старейшин был ни то пародией на полумифический Исполнительный комитет «Народной воли», ни то средством конспирации, ни то тем и другим одновременно. В функциональном отношении «Дружина» состояла из двух отделов. Первый, назначение которого в документах не раскрывалось, находился в непосредственной связи с Советом первых старейших. Второй – состоял «из последовательного ряда разветвляющихся пятерок» и имел целью «собирать сведения о революционной партии, исследовать... подробности этих сведений и сообщать их вверх по линии»². Кроме того в структуре «Святой дружины» выделялись Центральный, Организационный и Исполнительный комитеты, подчинявшиеся непосредственно Совету первых старейшин и, видимо, принадлежавшие к первому отделу организации³. Центральный комитет назначался Советом первых старейшин и управлял работой общества. Исполнительной деятельностью ведали Организационный и Исполнительный комитеты, отчитывавшиеся перед вышестоящим Центральным комитетом⁴.

Часть общества, специализировавшаяся на обеспечении безопасности императора, именовалась «Добровольной охраной». В отчете по ее организации и деятельности, составленном в конце 1882 г., указывалось, что учредить «Добровольную охрану» решили в начале июня 1881 г. братья, стоявшие во главе «Святой дружины». Одной «Дружины» на тот момент будто бы было недостаточно, чтобы обеспечить безопасность Александра III, и потому было решено принимать в «Добровольную охрану» всех желающих,

¹ Федорова М.Е. Московский отдел «Священной дружины» // Голос минувшего. 1918. № 1 – 3. С. 146.

² Цит. по: Лемке М.К. Указ. соч. С. 57.

³ Там же. С. 65.

⁴ Общество «Священной дружины» («Отчетная записка за 1881 – 1882 гг.»). С предисловием П.А. Садикова // Красный архив. М., 1927. № 2. С. 205.

даже тех, кто не числился «дружинником». «Добровольцы» должны были сопровождать императора и вести работу там, где в тот или иной момент времени последний проживал¹. Например, в мае-октябре 1882 г. «Охрана» действовала преимущественно в Петергофе, где тогда находился Александр III². Работа «охранной» части также освещена в упомянутой записке П.П. Шувалова. «Добровольцы» должны были контролировать безопасность перемещений императора – предполагалось, например, селить их «во всех прилегающих домах по одному члену общества, ответственного за жителей и посетителей дома», а также назначать «ответственных за участки тротуара вдоль... маршрутов»³. Для железнодорожных поездок Александра III летом 1881 г. был создан отдельный «железнодорожный батальон» или «железнодорожная охрана»⁴. В отчете по работе этого подразделения «Дружины» говорилось, что в его задачи входили: «сбор сведений о политической неблагонадежности служащих на ж/д, сбор сведений о секретной перевозке товаров и корреспонденции», гарантирование «безопасности императорских поездов», выполнение обязанностей «секретной почты для агентурных организаций С.Д. [«Святой дружины»]» и изучение «всего железнодорожного мира, имеющего серьезное политическое значение»⁵. Руководство «Добровольной охраной» осуществлял Совет добровольной охраны с Главным начальником охраны во главе. В качестве дочернего отделения «Добровольной охраны» планировалось также создать общество «добровольной внутренней студенческой охраны», которое должно было быть организовано по образцу революционного кружка с центральным комитетом и кассой «самопомощи»⁶.

¹ Lowe Ch. Указ. соч. С. 270.

² РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 224. ЛЛ. 14 об. – 16 об.

³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 1574. Л. 216.

⁴ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 227. Л. 28 об.

⁵ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 224. ЛЛ. 10 – 10 об.

⁶ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 502. ЛЛ. 4 – 7.

Организационные документы «Дружины» показывают, что ее деятельность не ограничивалась пределами России. Для раскрытия революционного «заговора» предполагалось развернуть деятельность общества и за границей, в крупнейших центрах российской политической эмиграции. Осуществлением этой задачи должна была заниматься специально созданная заграничная агентура¹. В соответствии с отчетом заграничной агентуры, можно говорить о существовании пяти ее основных отделов в крупнейших европейских центрах, куда стекались «неблагонадежные» из России. К первому отделу заграничной агентуры относились Париж и Швейцария, за исключением Женевы, в которой вел работу второй отдел агентуры; полем деятельности третьего отдела были Константинополь, Филиппополь и Румыния, четвертый отдел находился в Италии, пятый – в Лондоне². В каждом конкретном случае агентурой заведовал «брат» «Дружины», специально селившийся за границей и пользовавшийся там поддержкой российского посольства и местной полиции³. Каждому «брату» разрешалось свободно прибегать к услугам агентов при условии сохранения тайны организации – распространяться о ее существовании и принципах было запрещено⁴.

Судя по сыскным сводкам, «Дружина» имела и разветвленную сеть агентов-информаторов⁵, для которых подобная работа была настоящей «золотой жилой»⁶. Тем не менее доставляемая агентами информация необходимой критической проверке не подвергалась⁷. Один из «братьев»

¹ Бодунова О.Г., Суровенко И.А. Политический сыск в России XIX века: исторические факты и комментарии // Журнал правовых и экономических исследований. 2008. № 2. С. 99.

² РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 224. Л. 1.

³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 1574. Л. 216; Перегудова З.И. Политический сыск России (1880 – 1917). М., 2013. С. 179 – 181.

⁴ Лемке М.К. Указ. соч. С. 58.

⁵ См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 7. ЛЛ. 13 – 14 об., 76, 98, 109, 172 – 172 об.; Д. 862. ЛЛ. 3 – 4; Д. 1574. ЛЛ. 64 – 64 об., 209; Ф. 1766. Оп. 1. Д. 4. ЛЛ. 28 – 31; РГИА. Ф. 1101. Оп. 2. Д. 505. ЛЛ. 16 – 19; Ф. 919. Оп. 2. Д. 222. ЛЛ. 40, 74 – 99 об.

⁶ Himmelstierna H.v.S. Ibid. P. 68 – 69.

⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 410. Л. 74 – 75.

«Дружины», изучавший архив организации, писал, что донесения больше походили на «собрание нигилистических сплетен»¹. Зачастую агенты делали сенсационные заявления о несуществующих революционных типографиях, динамитных мастерских, подкопах и т.п., за что получали щедрые гонорары². Сохранилась записка Н.П. Игнатьева на имя Александра III от 29 января 1882 г., в которой указывалось на недобросовестность одного из агентов «Дружины» Г. Франка, передававшего полностью вымышленные им самим сведения с целью заработка. Если верить записке Н.П. Игнатьева, Г. Франк зарабатывал посредством ложных доносов такие суммы, которые позволяли ему, проживая за границей, ни в чем себе не отказывать и «платить за один ужин по 150 франков»³. Несмотря на то, что у Н.П. Игнатьева к началу 1882 г. уже были причины питать не лучшие чувства к лидерам «Дружины», в которую, к слову, он сам поначалу вступил, его сведения можно считать достоверными. О том, что многие агенты просто пользовались «Дружиной» как возможностью легкого заработка, писал и публицист Б.Б. Глинский. Во времена студенчества он близко сошелся с сыном одного из таких агентов – К.А. Бороздина, вследствие чего завязалось знакомство и с последним. Описывая К.А. Бороздина, Б.Б. Глинский вспоминал, что он был страшным картежником, «отсиживал некоторое время в долговом отделении» и «вечно был на ходу поисков денег, не останавливаясь притом ни перед какими средствами». По словам Б.Б. Глинского, во время работы с «Дружиной» этот энергичный агент дурачил всех и вся «в целях выжимания... возможно большей для себя материальной выгоды»⁴. Услуги его оплачивались щедро: всего за один месяц, июль, 1882 г. К.А. Бороздин получил от князя А.П. Щербатова 450 рублей⁵.

¹ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 3246. Л. 2 об.

² Пищулин Ю.П. М.Е. Салтыков-Щедрин и «Священная дружина» (по новым материалам) // Русская литература. 1968. № 1. С. 176.

³ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1502. ЛЛ. 1 – 4.

⁴ Глинский Б.Б. Эпоха мира и успокоения (Исторические очерки) // Исторический вестник. 1911. № 9. С. 1050 – 1051.

⁵ Волк С.С. Указ. соч. С. 144.

Отчетная записка о деятельности «Святой дружины» за 1881 – 1882 гг. позволяет установить численность и социальный состав организации. По сведениям на декабрь 1881 г., когда было решено не увеличивать численность «братьев» и «добровольцев-охранников», в состав «Дружины» входило уже 729 человек, а в «Добровольной охране» числилось 14672 человека¹. На сегодняшний день точно установлены личности 708 «братьев». У истоков организации стояли представители ближайшего окружения императора, «высшие сановники империи», получавшие поддержку «августейших особ»² – великого князя Владимира Александровича и самого Александра III, который, по словам М.Т. Лорис-Меликова, предоставлял «Дружине» внушительные субсидии³. Во главе общества стоял И.И. Воронцов-Дашков, носивший среди «дружинников» прозвище «Набольший» и имевший номера 6 и 106 (двойная нумерация обозначала статус и полномочия «брата» на разных уровнях многоступенчатой иерархии «Дружины»). Другому представителю организационного ядра общества П.П. Шувалову принадлежали номера 8 и 108; бывшему управляющему III отделения Н.К. Шмидту – 11 и 111; князю А.П. Щербатову – 18 и 228; и т.д.⁴ Л.Т. Сенчакова, изучившая личный состав «Святой дружины», установила, что почти половина (316 человек) членов общества принадлежала к лицам военного звания, 156 человек из них – служили в гвардейских частях, т.е. были представителями родовой аристократии⁵. В «Дружину» входило 54 генерала и адмирала, 99 штаб-офицеров, 163 обер-офицера. Лиц, проходивших по гражданскому ведомству, среди «братьев» было гораздо меньше – 121 человек. 62 «брата» принадлежали к свите его величества. В составе «Дружины» обнаруживаем также офицеров Генерального штаба, жандармских офицеров, военных инженеров, отставных

¹ Общество «Священной дружины»... С. 206.

² РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 115. Л. 7 об.

³ Салтыков-Щедрин М.Е. Письма (1881 – 1884) // Собрание сочинений. М., 1977. Т. 19. Кн. 2. С. 17.

⁴ См.: Лемке М.К. Указ. соч. С. 816 – 823.

⁵ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника: 1907 – 1916. М., 1924. С. 73, прим.

офицеров, сенаторов, губернаторов, полицмейстеров, прокуроров, судебных следователей, редакторов и сотрудников печатных изданий, землевладельцев, домовладельцев и т.д.¹ Таким образом, «Святая дружина» была организацией преимущественно аристократической, хотя в ее составе можно обнаружить и купцов первой и второй гильдии, и представителей интеллигенции, и даже трех мещан и одного крестьянина. Для вступления в ряды «дружинников» принципиальное значение имела, по всей видимости, не сословная принадлежность, а способность платить крупные взносы в кассу организации. В.П. Мещерский, считавший «Дружину» предприятием авантюристов, указывал на эту ее особенность в феврале 1882 г., когда внес такую запись в свой дневник: «Этот яхт-клуб интересное явление... В него войти и очень трудно, и очень легко. Я знаю господина, забаллотированного в него за то, что он носит золотые пуговочки на жилете...»². Слова о «яхт-клубе» относятся именно к «Дружине» – наиболее известные ее представители были членами яхт-клуба на Большой Морской улице. В отчетной записке о деятельности общества указывалось, что в его состав принимались лица, «которые по своим знаниям и положению могли бы служить руководителями или сильными пособниками консервативного движения». К таковым, по мнению лидеров «Дружины», относились «служащие по выборным учреждениям, как городским, так и земским (предводители дворянства, представители земских управ, влиятельные гласные и т.п.)», «литераторы», «богатые собственники, пользующиеся влиянием в своей местности», а также «выдающиеся лица торгового, промышленного и финансового мира, серьезно занимающиеся политическими и экономическими исследованиями»³.

В связи с решающим значением финансового фактора безосновательным представляется предположение некоторых авторов, будто

¹ Сенчакова Л.Т. «Священная Дружина» и ее состав // Вестник Московского университета. 1967. № 2. С. 72.

² Мещерский В.П. Дневник за 1882 год... С. 53.

³ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 221. ЛЛ. 8 об. – 9.

«Дружина» была прообразом право-монархического «Союза русского народа», образовывавшего, как и она, региональные отделения для борьбы с революционной угрозой¹. Этот формальный признак не может служить аргументом, поскольку известно, что среди «дружинников», помимо иностранцев-агентов, были даже евреи. Н.П. Игнатъев в одной из своих записок прямо указывал на это обстоятельство как на одну из причин, почему, по его мнению, «Дружина» является предприятием «сомнительным», с точки зрения нравственности². Публицист М.А. Алданов, обсуждавший в 50-х гг. XX в. с А.В. Давыдовым вопрос участия евреев в революционном движении, упоминал в одном из частных писем следующее: «Русские богатые евреи, как впрочем и некоторые православные миллионеры, действительно давали деньги революционерам... Как курьез (и малоизвестный), сообщу вам, что еврейские миллионеры давали деньги... и контрреволюционной «Священной дружине». Она получила немало денег от барона Г. Гинцбурга, от Полякова и от киевского сахарозаводчика (моего деда по матери) Зайцева... Кажется, финансировал «Священную Дружину» и еще один еврей: Малькиель...»³. К слову, в списке лиц, входящих в состав «Дружины», мы действительно обнаруживаем и барона Горация Гинцбурга, и купца А.Е. Зайцева, упомянутых М.А. Алдановым⁴. Фактическая сторона дела в этом вопросе противоречит официальному отчету по делам «Дружины», в котором указывалось на принципиальность «принадлежности доверенных членов общества к коренной национальности страны»⁵. По всей видимости, такой пункт в отчетности объяснялся стремлением представить «Дружину» в глазах императора в более выгодном свете. Тем более, что отчет составлялся уже после приказа расформировать общество, вызванного критикой «Дружины»

¹ Грузенберг О.О. Вчера: Воспоминания. Париж, 1938. С. 130 – 132; Иванов С. К характеристике общественных настроений в России в начале 80-х годов // Былое. 1907. № 9. С. 204 – 205

² ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1505. ЛЛ. 1 – 1 об.

³ Цит. по: Давыдов А.В. Воспоминания. 1881 – 1955. Париж, 1982. С. 227.

⁴ Сенчакова Л.Т. Указ. соч. С. 75, 76.

⁵ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 221. ЛЛ. 8 об. – 9.

со стороны противоборствующей придворной группировки. Надеюсь реабилитировать свое предприятие перед императором, И.И. Воронцов-Дашков и прибег, видимо, к давлению на национальное чувство, тогда как в действительной практике «Дружины» национальный принцип уступал место фактору экономическому.

Указания о порядке вступления в «братство» даны в параграфе восьмом инструкции «Святой дружины». Согласно ему, «брат», приглашающий в общество нового члена, обязан представить его кандидатуру на рассмотрение Совета первых старейшин, если кандидат проживает в Петербурге, или начальнику местного провинциального кружка. Если кандидатура была отклонена, «брат», выдвинувший этого человека, обязан взять с него слово хранить в тайне информацию о существовании общества. Если же запрос одобряли, следующим шагом становилось приведение нового «брата» к присяге¹. Обряд посвящения в «братство», видимо, неслучайно, напоминал церемониал масонских лож. 20 мая 1909 г. будущий военный министр А.А. Поливанов сделал запись об одной из своих бесед с С.Ю. Витте, в которой последний будто бы говорил ему, что «масоны», ответственные за деятельность «Святой дружины», до сих пор состоят в Государственном совете². Принесение присяги при вступлении в «Дружину» сопровождалось разнообразными обрядами. Приносилась она на кресте и евангелии³ при образе Александра Невского с переломленными ногами, что должно было отсылать к памяти Александра II, которому во время взрыва оторвало ноги. Официальный текст присяги приводит в своей книге М.К. Лемке⁴. Церемония сопровождалась крестными знаменами и символическими обрядами. М.К. Лемке обнаружил схему одного из таких обрядов, называвшегося «Тройственный знак». При его исполнении «братья» должны были с помощью

¹ См.: Лемке М.К. указ. соч. С. 57, 59.

² Поливанов А.А. Указ. соч. С. 73.

³ Витте С.Ю. Из архива С.Ю. Витте... С. 119.

⁴ Цит. по: Лемке М.К. Указ. соч. С. 66.

иносказаний и жестов изобразить обмен репликами: «Ноги его оторваны. – Да. Но высшая часть его духа крепка в его творениях. – Ты говоришь об Александре»¹. Каждому новому «дружиннику» выдавались некие вещественные знаки отличия, предназначенные для опознания друг друга в случае необходимости. Судя по воспоминаниям «брата» номер 27, М.М. Осоргина, одним из таких знаков был образ Александра Невского, на оборотной стороне которого обозначался номер «дружинника» и название подразделения, – оно же прозвище старшего в пятерке, – если таковое было. У М.М. Осоргина на обороте был указан номер 27 и написано слово «Ура»². В.П. Мещерский, вступивший поначалу в «Дружину», но вскоре разочаровавшийся в этом проекте, характеризовал ее напускную таинственность и «идиотские», по его словам, обряды как аристократическое увлечение, игру, ставшую в начале 1880-х гг. последним словом моды петербургских салонов³.

Еще один аспект функционирования «Дружины» касается ее взаимоотношений как «частной политической полиции»⁴ с существующими полицейскими институтами. Этот вопрос также был затронут в ряде документов периода расформирования организации – в записках, заметках и отчетах по проблеме разделения полномочий «дружинников» и полиции. В специальной инструкции «Святой дружины» о взаимоотношениях с Департаментом полиции указывалось, что полицейские служащие не могут быть приняты в «братство», то есть, между «Дружиной» и полицией проводилась четкая разграничительная черта⁵. Организаторы общества стремились занять максимально независимое положение и добивались такого статуса «Дружины», при котором бы она находилась вне иерархии государственных учреждений и не подчинялась бы никому, кроме верховной

¹ Цит. по: там же. С. 67.

² Осоргин М.М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни. 1861 – 1920. М., 2009. С. 239.

³ Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 649 – 650.

⁴ ИРЛИ. Р. I. Оп. 2. Д. 343. Л. 159; Naimark N. Ibid. P. 16.

⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 1574. Л. 8.

власти непосредственно. Эта цель прослеживается в записках И.И. Воронцова-Дашкова на имя Александра III. Говоря об организации «Охраны», лидер «Дружины» писал, что ее глава должен назначаться непосредственным конфиденциальным указом императора Сенату и быть «совершенно независимым от какого-либо министра» и иных властных структур, помимо монарха. В противном случае, по словам И.И. Воронцова-Дашкова, требования Главного начальника «могут остаться без исполнения», что, в свою очередь, не позволит должным образом обеспечить безопасность императора¹. Границы полномочий главы «Охраны», по проекту Набольшего, простирались очень широко: «Все ведомства и учреждения империи должны немедленно исполнять требования Главного начальника охраны... Военные, морские и полицейские силы... по требованию Главного начальника охраны командуются надлежащими управлениями»². И.И. Воронцов-Дашков предлагал сделать главу охраны вторым после императора человеком в государстве – без официального статуса в системе государственного аппарата, он наделялся чрезвычайными полномочиями, и все существующие органы военного и полицейского ведомств оказывались в его подчинении. Соответствующие алгоритмы сотрудничества руководства «Дружины» с полицией прописаны в инструкции «Святой дружины» о взаимоотношениях с Департаментом полиции, а также в инструкции и циркуляре Совета «Добровольной охраны» участковым попечителям. В частности, в инструкции указывалось, что «Дружина» может предоставлять сведения о противоправительственном движении и подозрительных лицах в Департамент полиции. Последний же обязывался заносить все сообщения «Дружины» в особую книгу и – что было очевидным признаком подчиненности – по первому приказу руководителей «братства» представлять ежемесячный отчет о проделанной по их указаниям работе³. Документы «Добровольной охраны»

¹ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 227. ЛЛ. 22 – 22 об., 29.

² Там же. ЛЛ. 29 об. – 30.

³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 1574. Л. 8.

отражают тот же принцип иерархии. В соответствии с инструкцией для участковых попечителей, «добровольцам» разрешалось как принимать участие в полицейских мероприятиях по наблюдению и слежке, так и проводить таковые самостоятельно, независимо от полиции. Добытые сведения «добровольцы» должны были передавать в Совет «Добровольной охраны» и, если обстоятельства требовали скорейшего действия, информация направлялась в органы полиции. Не имея официально полицейских полномочий, «добровольцы» не располагали правом проводить обыски, однако любой осмотр полицией жилых помещений должен был производиться только в присутствии представителей «Охраны», которых полицейские обязаны были приглашать в качестве понятых¹. Более развернутую картину отношений с Департаментом полиции дает «Циркуляр № 1 СДО² участковым попечителям». Он был выпущен позже для разъяснения «Инструкции» и, судя по содержанию, спровоцирован либо нежеланием служащих полиции выполнять правила, прописанные в инструкции «Охраны», либо непониманием ими статуса участковых попечителей и оснований их деятельности. Так, в циркуляре подробно прописывались обязанности обер-полицмейстера и прояснялся ряд других моментов. Указывалось, что обер-полицмейстер должен был «прикрывать» «добровольцев», деятельность которых, по-видимому, у многих вызывала вопросы. В документе значилось: «Для отвода общественного внимания... решено поставить [общество] Д.О. [Добровольной охраны] во внешней зависимости [от] господина Санкт-петербургского обер-полицмейстера, и как бы создано по его почину»³. Это решало проблему недоверия к «добровольцам» за счет их фиктивной подотчетности полиции. На самом же деле сама полиция оказывалась в зависимом положении – циркуляр обязывал обер-полицмейстера и полицейских служащих, контактировавших с «добровольцами» при сыскных

¹ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 502. Л. 1 об.

² Совет «Добровольной охраны».

³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 1574. 2 – 2 об.

мероприятиях, отчитываться о своей работе перед Советом «Добровольной охраны»¹. Наиболее явно зависимость официальной полиции от «Дружины» демонстрировал второй параграф циркуляра. В нем говорилось, что обер-полицмейстер обязан выдать представителям «Добровольной охраны» особые опознавательные карточки: участковым попечителям – «исполнительные», прочим «добровольцам» – «предупредительные». Предъявление карточки первого типа обязывало «всякого чина полиции, за исключением нижнего чина., исполнить все требования участкового попечителя в границах, установленных законом “о правах и обязанностях полиции”»². «Предупредительная» карточка не обязывала полицейского подчиняться указанию «охранника», но выступала рекомендацией с особым вниманием отнестись к заявлениям последнего³.

Рассмотренные документы показывают, что «Дружина» и ее ответвления занимали чрезвычайное положение в структуре государственных учреждений. Не будучи встроенной в их систему, «Дружина» в качестве «частной полиции» императора находилась, тем не менее, наверху иерархии государственных институтов, подчинялась только верховной власти и имела право вторгаться в сферу компетенций официальных органов. Недовольство столь широкими неформальными полномочиями «дружинников» и «добровольцев» выражал в одной из своих записок Н.П. Игнатьев, писавший о необходимости умерить могущество «Дружины», например, сделав ее подотчетной министру внутренних дел⁴. Однако конфликт интересов был решен не в его пользу – полицейские чины ставились в зависимость от руководства «братства», тогда как работа самой «Дружины» оставалась по существу бесконтрольной. Формальные принципы этой организации, нашедшие отражение в соответствующих документах периода ее создания и

¹ Там же. Л. 2 об.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 3 об.

⁴ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1504. Л. 1.

структурного оформления, характеризовали «Святую дружину» как тайное общество борьбы с революционной угрозой, созданное для обеспечения безопасности особы императора и противостояния противоправительственным силам.

§ 2. Принципы неформальные: «оппозиция его величеству»

Вскоре после возникновения «Святой дружины» выяснилось, что не все окружение нового императора симпатизирует такому воплощению идеи добровольческой полиции. Почти сразу «Дружина» настроила против себя многих представителей высшего петербургского общества. Известные консерваторы относились к ней крайне негативно и подозревали в «конституционных вождедениях»¹. Так, В.П. Мещерский, вступивший поначалу в «Дружину», но быстро разобравшийся в намерениях ее лидеров, говорил об их неподлинном, «гнилом консерватизме»². А.С. Суворин также считал, что «Дружиной» руководят люди, по-настоящему не преданные престолу³. О том же писал Александру III и К.П. Победоносцев, по словам которого, «Дружина» претендовала на роль «тайного правительства, грозящего стать сильнее явного» и представляла еще большую опасность для императора, чем террористы⁴. А Д.А. Толстой, сменивший Н.П. Игнатьева на посту министра внутренних дел, и вовсе заявлял, что вожакам «Дружины» – «гр. Вобу Шувалову и К^о», – «место в колонии малолетних преступников»⁵.

Причину того, что от «Дружины» отвернулись даже многие из тех, кто первоначально вступил в ее ряды, следует искать в несоответствии учредительных принципов общества его реальной деятельности. В этом отношении история «Дружины» не заладилась с самого начала. Общество,

¹ Заславский Д.И. Михаил Петрович Драгоманов. Критико-биографический очерк. Киев, 1924. С. 143.

² Мещерский В.П. Дневник. 1881 г... С. 184.

³ Суворин А.С. Указ. соч. С. 101.

⁴ Письма К.П. Победоносцева... С. 394 – 396.

⁵ Валуев П.А. Указ. соч. С. 212.

задуманное как конспиративное, почти сразу сделалось притчей во языцех в аристократических салонах Петербурга. В.П. Мещерский вспоминал, что уже весной 1881 г. о «Дружине» говорили везде: люди повсеместно приглашали друг друга вступить в тайное «братство», – словом, это была «модная идея», которая «гуляла по гостиным Петербурга»¹. Тайна организации, которую обязывались блюсти «дружинники», в реальности постоянно нарушалась, в результате чего напускная секретность общества выглядела комичной. В одном из личных писем, адресованных П.П. Шувалову, его корреспондент сообщал, что об обществе «вообще весь город знает и вся пресса», а придворные дамы в шутку даже просят у царя разрешения «создать тайное дамское общ[ест]во с “антисоциальными целями”»². Воспоминания современников показывают, что слухи о «Дружине» распространялись самым активным образом³. Так, М.Э. Клейнмихель узнала о тайном «братстве» от знакомого, Николича-Сербоградского, который рассказывал, что «Дружина» строится по образцу сети карбонариев, имеет целью поиск, арест и даже казнь нигилистов, а сам он, Николич, состоит начальником одного из отделов. Все светское и около светское общество обсуждало слухи о тайном председателе «Дружины» «Боби» Шувалове, о «тайном министре иностранных дел» Константине Белосельском, «тайном министре внутренних дел» П.П. Демидове Сан-Донато и т.д. М.Э. Клейнмихель описывала забавный случай, свидетельствующий о степени «конспиративности» «братства»: однажды она отправила записку князю Фердинанду Витгенштейну, но ее посыльный вернулся и заявил, что «князю передать письмо невозможно», поскольку «у него сидят тайные агенты»⁴. Ю.С. Карцов вспоминал, что ему о «Дружине» поведала жена Н.П. Игнатьева, утверждавшая, что ее муж выполняет в ней

¹ Мещерский В.П. Мои воспоминания... С. 649.

² РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 1342. Л. 1 об.

³ Propper S.M. Was nicht in die zeitung kam. Erinnerungen des chefredakteurs der «Birschewuja wedomosti» S.M. v. Propper. Frankfurt am Main, 1929. P. 114.

⁴ Клейнмихель М.Э. Указ. соч. С. 450 – 451.

самые секретные и серьезные поручения¹. Все эти разговоры дополнялись небеспочвенными обвинениями в том, что деятельность добровольческого сыска ведется неумело и только мешает официальной полиции, а сама «Дружина» в действительности преследует цели, отличные от заявленных ею. «Дружинник» В.Н. Смельский писал в дневнике осенью 1881 г., что некоторые обедневшие аристократы используют членство в обществе для вытягивания больших сумм на поездки за границу, «дела охраны ведутся неумело, трата денег непомерная, а проку от этого нет»². Другой «брат», М.М. Осоргин, описывая свою деятельность в «Дружине», отмечал, что, как и другие, вступал в нее с целью борьбы с революционерами, но поработать на этом поприще ему не довелось. Единственными указаниями, которые он получил за все время существования «Дружины», была доставка «какого-то пакета» Павлу (Боби) Шувалову и посылки губернатору Калуги. Все остальное время он занимался бумагами: нумеровал страницы дел подозреваемых лиц, составлял справки по запросам агентов, перечитывал поступающую иностранную прессу и составлял еженедельные отчеты в литературной форме о проделанной работе³. М.М. Осоргин подчеркивал, что эта деятельность, явно не столь серьезная, на какую он рассчитывал, была обставлена атрибутами псевдосекретности, такими, как, например, заряженный револьвер, который держали при себе во время разбора бумаг. Иллюзию чрезвычайной важности подкрепляли и уверения главного архивариуса «Дружины» Панчулидзева, что, благодаря их работе, было предотвращено очередное покушение на того или иного министра или даже самого императора⁴.

Слухи о «Дружине» проникли даже за границу. С.Ю. Витте вспоминал, как в июне 1881 г. ездил по поручению руководства «Дружины» в Париж для встречи с неизвестным ему человеком и понял, что про их «конспирацию»

¹ Карцов Ю.С. Семь лет на Ближнем Востоке: Воспоминания политические и личные. 1879 – 1886. СПб., 1906. С. 47, 61, 201.

² Смельский В.Н. Указ. соч. № 1. С. 231 – 232.

³ Осоргин М.М. Указ. соч. С. 239, 251.

⁴ Там же. С. 251 – 254.

говорят повсюду. Свое наблюдение он изложил в донесении И.И. Воронцову-Дашкову, но изменить ситуацию было уже невозможно¹. Точно установлен один из путей, по которому слухи о «Дружине» попали за границу. М.Е. Салтыков-Щедрин в одном из писем доктору Н.А. Белоголовому от конца мая 1881 г. сообщал, что имел любопытную беседу с М.Т. Лорис-Меликовым – они оба с конца 1870-х гг. лечились у Н.А. Белоголового и состояли с доктором в приятельских отношениях², а через него, вероятно, сошлись и друг с другом. По словам писателя, бывший министр рассказал ему об обществе по борьбе с нигилизмом, которое пользуется покровительством великого князя Владимира Александровича и получает субсидию от Александра III и о том, что его агенты в поисках революционеров рассеялись по России и за границей. В одном из следующих писем М.Е. Салтыков сообщал Н.А. Белоголовому, что «Дружина» решила убить П.А. Кропоткина, для чего наняла специального агента³. Дальнейший маршрут этих сообщений таков: П.А. Кропоткина о якобы готовящемся покушении оповестил П.Л. Лавров, указавший в качестве первоисточника «одного известного литератора», получившего сведения от М.Т. Лориса-Меликова. После этого информация о «Дружине» появилась в заграничном издании «Общее дело», затем – в «Allgemeine zeitung», 1 октября 1881 г. – в женеvской газете «Révolté» с красочным дополнением: «Эти сведения... абсолютно верны... Группа убийц, назначенных в Женеву, уже прибыла сюда, и на днях они ждали прибытия в наш город одной дамы, из высшего общества, представляющей душу заговора, – богатой особы... Таким образом, мы надеемся вскоре очутиться в эпохе Борджиа». Эстафету приняла «Daily News», разнообразившая рассказ о тайном «братстве» анекдотом из сыскного быта, «как два офицера из этого общества, едуци по железной дороге в Павловск, вызывали друг друга на противоположительственный разговор и,

¹ Витте С.Ю. Из архива С.Ю. Витте... С. 915.

² Белоголовый Н.А. Воспоминания и другие статьи. СПб., 1901. С. 156, 194.

³ Салтыков-Щедрин М.Е. Указ. соч. С. 17, 26.

приехав в Павловск, хотели арестовать друг друга»¹. Таким образом, в самое короткое время о «Святой дружине» знали не только в Петербурге, но и в заграничных центрах политической эмиграции. Причем сведения об обществе по мере распространения обрастали все более любопытными и зачастую откровенно комическими подробностями.

О «Дружине» ходили прямо противоположные слухи. С одной стороны, ее представляли вездесущим карательно-полицейским учреждением, что провоцировало в нелегальной среде шпиономанию и взаимное недоверие. А.А. Веницкая вспоминала: «У меня составилось очень смутное представление, из слухов, передаваемых таинственным полусшепотом и с оглядкой, о существовании этой Святой или Белой лиги,.. вербовавшей сочленов за большое денежное вознаграждение и под условием отпущения всех политических грехов... Повальный психоз, род трусливого нервничанья, делал из мухи слона. В интимных кружках вдруг умолкали откровенные беседы при появлении запоздавшего гостя, даже давно знакомого...»². С другой стороны, повсюду рассказывали курьезные истории о безыскусных приемах «дружинников». Та же А.А. Веницкая, описывая настроения революционеров в связи со слухами о «Белой лиге», отмечала, что эмигранты шутили, будто распознать шпиона «Дружины» можно по крайней расточительности – бессчетному «прокручиванию» огромных сумм, и по нелепым попыткам заводить с соотечественниками «провокационные» и развязные разговоры, которые только отпугивали людей³. То же впечатление произвело «братство» и в светском обществе. К.Ф. Головин, близкий к правительственным сферам, вспоминал, что работа «тайного общества борьбы с крамолой» постоянно оборачивалась «комическими инцидентами» и только

¹ Цит. по: ИРЛИ РАН. Р. I. Оп. 2. Д. 343. Л. 164; Розенберг В.А. Журналисты безвременья. М., 1917. С. 61 – 66.

² Веницкая А.А. Из приключений в Париже (Памяти П.Л. Лаврова) // Исторический вестник. 1912. № 1. С. 126.

³ Там же. С. 126.

путала дело официальной полиции¹. Наконец, следы неурядицы обнаруживают и документы самой «Дружины», вернее, их черновые варианты, проходившие серьезную переработку. Например, в черновике докладной записки о деятельности «Дружины», составленной летом 1882 г., редактору пришлось вычеркнуть почти все указания на конкретные достижения «братства» и заменить их общей фразой о том, что за время работы обществу «удалось собрать весьма обширный и ценный материал». Причиной этого был целый ряд несообразностей в содержании документа, вроде отнесения «дружинника» П.И. Рачковского в стан подозрительных личностей, за которыми агентам удалось устроить наблюдение². Все эти истории показывали, что дело «Дружины» было гладко только на бумаге. Практическая же его сторона не могла не вызывать недовольство у тех, кто поначалу поверил в основательность предприятия и возлагал на него надежды о водворении порядка. Тут-то и пошли разговоры о неподлинном консерватизме лидеров «Дружины» и что в результате ее работы «ни одному из... скрывшихся от правосудия... политических преступников не было причинено ни малейшего ущерба»³. Прояснить вопрос о подлинных задачах общества позволяет исследование политического облика его лидеров, что также прольет свет на многочисленные нестыковки между официальными принципами «братства» и тем, как они реализовывались.

Предысторию «Святой дружины» следует вести не с весны 1881 г., а с конца 1870-х гг. Именно в это время одновременно с ростом социально-политической напряженности некоторые представители аппарата государственного управления и окружения Александра II стали приходить к мысли о невозможности продолжения курса последних полутора десятилетий царствования. Именно в это время возникает феномен так называемого

¹ Головин К.Ф. Мои воспоминания. СПб., 1910. Т. 2. С. 34.

² РГИА. Ф. 1101. Оп. 2. Д. 506. ЛЛ. 2 об., 11 об.

³ Дронов И.Е. Сильный, державный... Жизнь и царствование императора Александра III. М., 2012. С. 385.

правительственного «конституционализма», и в среде высшего чиновничества начинают создаваться и циркулировать разнообразные проекты переустройства. Мысль о необходимости некоторых либеральных уступок в этот период поддерживали великий князь Константин Николаевич, П.А. Валуев, А.В. Головнин, В.А. Арцимович, Д.А. Милютин, А.А. Абаза, М.Т. Лорис-Меликов, А.А. Половцов и мн. др.¹ Однако согласия по вопросам необходимых реформ в верхах не было, и на протяжении конца 1870-х – начала 1880-х гг. внутри политической элиты велась постоянная борьба за влияние на Александра II, а затем и на его преемника². Одним из масштабных проектов преобразований, созданных в это время, был проект Р.А. Фадеева и И.И. Воронцова-Дашкова, вставших вскоре у истоков «Святой дружины». Разработанная ими в соавторстве программа была опубликована под заглавием «Письма о современном состоянии России».

Первый план реформ Р.А. Фадеев представил несколькими годами ранее в работе «Русское общество в настоящем и будущем», или коротко: «Чем нам быть», которая вызвала шквал критики со стороны славянофилов. Р.А. Фадеев выступал вроде бы с близких им позиций: говорил о вредности насаждения заимствованных форм общественного быта, доказывал пользу широкого земского самоуправления, свободы слова, совести и проч., – однако связывал будущие реформы с прогрессивной ролью цензового дворянства как «нравственной силы» России³. Ю.Ф. Самарин называл программу Р.А.

¹ Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX века. М., 1978. С. 118 – 122; Воронин В.Е. 1) Великий князь Константин Николаевич и попытка создания «опозиции его величества» в первые годы царствования Александра III // Отечественная история. 2008. № 5. С. 131; 2) Русская самодержавная власть... С. 161 – 173; Бертолисси С., Сахаров А.Н. От редакции // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX вв. М., 2000. С. 5; Lieven D. Ibid. P. 153.

² Глинский Б.Б. Эпоха мира и успокоения (Исторические очерки) // Исторический вестник. 1911. № 1. С. 267 – 268; Чернуха В.Г. Борьба в верхах... С. 161 – 186; Готье Ю.В. К.П. Победоносцев и наследник Александр Александрович. 1865 – 1881 // Тайный правитель России: К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866 – 1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 2001. С. 522 – 523; Гросул В.Я. Указ. соч. С. 345.

³ РГИА. Ф. 851. Оп. 1. Д. 17. ЛЛ. 4, 6, 11 об. – 13, 53 об. – 57; Лукоянов И.В. Указ. соч. С. 24 – 25.

Фадеева «программой исподволь подготовляемой революции», «революционным консерватизмом»¹, поскольку она предполагала два варианта реализации: либо восстановление ресурсов дворянства за счет низших сословий, что перечеркивало бы ее прогрессивные принципы, либо ограничение самодержавия конституционно-аристократическими «кондициями»². Ю.Ф. Самарин, как и другие критики этой программы, акцентировал внимание на ее сословности, полагая конституционный посыл размышлений Р.А. Фадеева второстепенным³. Исследователи также воспринимали его программу как в первую очередь программу «барского кружка» или «партии яхт-клуба», не придавая большого значения ее прогрессивной ориентации и последующей эволюции именно в конституционном направлении⁴. О затухании «аристократического» мотива и ставке на конституционные принципы свидетельствуют «Письма о современном состоянии России», изданные в 1880 г., и докладная записка Р.А. Фадеева, составленная им на имя Александра II годом ранее. К слову, Р.А. Фадееву в то время было высочайше позволено критически комментировать правительственный курс – он сам «по секрету» сообщал М.Т. Лорис-Меликову, что тайно «пользуется уже несколько лет... правом подавать в высочайшие руки мнения о таких предметах, обсуждение которых едва ли кто-либо взял на себя»⁵. Докладная записка 1879 г., посвященная проблеме причин революционного движения, проясняет план реформ Р.А. Фадеева. В первых же строках записки он заявлял, что «современная русская болезнь» исходит из «недоразумений», которые по воле правительства могут быть легко

¹ Нольде Б.Э. Юрий Самарин и его время. М., 2003. С. 246 – 247, 251.

² ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1199. ЛЛ. 2 – 3, 8 об. – 9 об.

³ Нольде Б.Э. Указ. соч. С. 249 – 250, 254.

⁴ См.: Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Р.А. Фадеев, С.Ю. Витте и идеологические искания «охранителей» в 1881 – 1883 гг. // Исследования по социально-политической истории России. Сб. ст. памяти Б.А. Романова. Л., 1971. С. 299 – 326; Чернуха В.Г. Борьба в верхах... С. 161 – 186. В.Г. Чернуха в указанной статье упоминает, что Р.А. Фадеев в последние годы жизни, подкорректировал свои взгляды, сойдясь во многом с А.И. Кошелевым, но подробного анализа обновленной программы не дает.

⁵ РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 147. Л. 1.

устранены. Причем средством оздоровления, по словам Р.А. Фадеева, может стать только свобода слова и мысли. «Правительственная среда, – объяснял он, – принимает созревающее народное сознание за революционное брожение, отказывает ему в праве развиваться даже в области чистой мысли, и этим... разрушает веру в возможность лучшего будущего,.. насильно толкает к мысли о несправимости существующего порядка... Нет никакого сомнения в необходимости дать русской мысли высказаться, иначе с нами случится, как с братьями в сказке, перерезавшимися в потемках, желая защищать друг друга»¹. Ближайшей задачей правительства, по мысли Р.А. Фадеева, должно стать обращение к обществу с вопросом, что думает оно о современном положении и каким видит свое будущее – в противном случае, между народом и властью продолжит расти пропасть взаимного недоверия². В завершение всего Р.А. Фадеев спрашивал у императора позволения опубликовать «Письма о современном состоянии России» как символ возвращения к свободной дискуссии, по итогам которой власть сможет приступить к «довершению великих преобразований царствования»³. Отсюда хорошо видно, что ход мыслей Р.А. Фадеева не типичен для охранителя, а имеет критическое содержание и ориентирован на дальнейшую модернизацию страны в духе Великих реформ⁴.

Согласие Александра III на печатание «Писем о современном состоянии России» зачастую объясняют его симпатиями к программе Р.А. Фадеева середины 1870-х гг.⁵ Вероятно, правильнее было бы говорить о симпатиях императора к собственному пониманию фадеевской программы, поскольку, во-первых, нужно учитывать, что многочисленные преобразовательные проекты, – и «Письма» не были исключением, – дабы иметь шанс быть воспринятыми верховной властью, необходимо преподносились в

¹ РГИА. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 70. ЛЛ. 1 – 2.

² Там же. ЛЛ. 1 – 3.

³ Там же. ЛЛ. 3 – 3 об.

⁴ Жукова Л.А. Указ. соч. С. 38 – 40.

⁵ См.: Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 306.

верноподданническом облачении и с соответствующей риторикой. Во-вторых, существенным фактором служило и общее настроение идеологической неопределенности, царившее в правительственных сферах с конца 1870-х гг. и пережившее отнюдь не в одночасье со вступлением на трон нового императора. В первые годы правления, совпадающие со временем существования «Святой дружины», Александр III находился в постоянных колебаниях по вопросу дальнейшего политического курса. Д.С. Арсеньев вспоминал, что новый монарх не был категорическим противником реформ, но кризис и гибель Александра II, наряду с осознанием необходимости перемен, порождали и мысль несвоевременности перемен в условиях смуты¹. Подтверждением этого служит тот факт, что в первое время правления Александра III ему продолжали поступать различные политические записки, был одобрен проект «конституции» М.Т. Лорис-Меликова², отставку которого император не принял, а также произошел ряд «либеральных» назначений на правительственные посты. На то, что ставки «либеральной» придворной группировки были поначалу высоки, указывал в своем дневнике государственный секретарь Е.А. Перетц³. Ее представители даже успели отпраздновать «начало конституционного правления» в России⁴. Запись Е.А. Перетца от 24 апреля 1881 г. отражает уверенность в скором возвращении к либеральным реформам: «В городе только и разговоров, что о полном поражении Победоносцева. Все в неопisanном восторге...»⁵. Однако уже 29 апреля все изменилось – был обнародован победоносцевский манифест о

¹ РГИА. Ф. 839. Оп. 1. Д. 19. ЛЛ. 120 об. – 121; См.: Лукоянов И.В. Конец царствования Александра III: была ли альтернатива «контрреформам»? // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX – XX веков. Сб. ст. памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. СПб., 1999. С. 254.

² Проект М.Т. Лорис-Меликова поддержали А.А. Абаза, Д.А. Милютин, П.А. Валуев, Д.М. Сольский. См.: [Перетц Е.А.] Из дневника одного государственного деятеля. Заседание Государственного совета 8 марта 1881 года // Былое. 1906. № 1. С. 189 – 194.

³ Перетц Е.А. Дневник Е.А. Перетца, государственного секретаря (1880 – 1883). М., 1927. С. 51, 61 – 65.

⁴ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 189. Л. 116.

⁵ Перетц Е.А. Дневник... С. 66.

незыблемости самодержавия, вслед за которым последовали отставки М.Т. Лорис-Меликова, А.А. Абазы и Д.А. Милютина. Этот политический маятник демонстрировал состояние идейной неустойчивости и нерешительности верхов, а также происходящую на этом фоне борьбу за влияние на трон. 13 марта 1881 г. А.Н. Куломзин писал в дневнике: «Разные тревожные слухи продолжают ходить. Еще неприятнее – это совершенная неизвестность насчет того, какой политики... будет держаться его величество... Интриги в большом ходу... Ежедневные панихиды в соборе сделались местом, где передают друг другу сплетни... Циркулируют всякие записки, которыми предлагают разные формы вызова лучших людей для помощи государю...»¹.

Одним из таких проектов и были «Письма о современном состоянии России», созданные Р.А. Фадеевым совместно с личным другом Александра III И.И. Воронцовым-Дашковым и развивавшие идеи докладной записки Р.А. Фадеева 1879 г. Авторы «Писем» сразу же обозначили критическое русло своих размышлений и в первой же части программы предложили заменить государственный бюрократизм новым порядком, основанным на принципах земского самоуправления. «На место существующей администрации, – писали они, – необходимо поставить администрацию, соразмерную по составу и стоимости с своей задачей, набираемую из общественных деятелей уже выказавших себя». Предвидя контраргумент о несоответствии предлагаемой системы принципам самодержавия, Р.А. Фадеев и И.И. Воронцов-Дашков ссылались, как и славянофилы, на взаимную любовь народа и монарха, единственным источником раздора между которыми выступала, по их мнению, бюрократия. На место бюрократическому режиму, согласно программе основателей «Дружины», должен прийти союз власти и земли, который посредством «постепенного развития земства» станет для России «родной», «не подражательной» «конституцией»². Первым шагом из кризиса,

¹ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 189. ЛЛ. 40 – 40 об.

² Фадеев Р.А., Воронцов-Дашков И.И. Указ. соч. С. 10 – 12.

по мысли авторов «Писем», должно стать установление диалога между властью и обществом, прекращение карательной политики и возвращение к курсу реформ 1860-х гг.¹ Р.А. Фадеев в личном письме к С.Ю. Витте указывал, что гибель Александра II дает шанс прервать реакционный правительственный курс и в этом смысле имеет даже положительное значение для страны, добавляя, что «об этом, – правда, – не нужно говорить, чтобы не ослабить сокрушающего впечатления, которое может в текущее время объединить... нравственно Россию»².

В последующих письмах Р.А. Фадеев и И.И. Воронцов-Дашков представляют свое видение нового политического курса. Они выступали за упразднение цензуры и введение свободы слова, призывая правительство допустить свободное обсуждение обществом любых государственных и религиозных вопросов³. Добрая воля монарха в установлении диалога с народом, по мнению авторов проекта, не является ограничением самодержавия, а, напротив, укрепляет его. Для подтверждения своих слов, они отсылали к опыту «Земских соборов», возвращение к практике которых полагали наиболее разумным способом управления: «Самодержавие, неприкосновенное у нас как источник власти, не может... удерживать долее свойство провидения... Наши государи допетровской эпохи были вполне самодержавными, но вели Россию не иначе как с ее ведома, освещая общими силами каждый важный вопрос»⁴. Образец соборности, эффективно адаптированный к современным реалиям, Р.А. Фадеев и И.И. Воронцов-Дашков находили, как и многие либералы, в английской конституционной монархии⁵. Английская конституция, по их мнению, является не

¹ Там же. С. 28.

² РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 389. ЛЛ. 1 – 1 об.

³ Фадеев Р.А., Воронцов-Дашков И.И. Указ. соч. С. 37 – 45.

⁴ Там же. С. 68.

⁵ См.: Кавелин К.Д. Краткий взгляд на русскую историю // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989; Аммон А. Влияние революции 1688 – 89 гг. на государственный строй Англии // Юридический вестник. 1889. № 6/7. С. 196 – 218; Дерюжинский В. Гарантии личной свободы в Англии //

искусственным образованием, а порождением естественного исторического развития народа¹, поскольку венчает «самоуправление каждой общественной ячейки высшим государственным самоуправлением», т.е. воплощает возведенный в государственный масштаб принцип независимости общества. Сходным образом высказывались об английской модели управления близкие к земским кругам либералы «Юридического вестника» и В.П. Безобразов, писавший, что она единственная среди европейских систем не оставляет общество «за дверьми государства» и не вынуждает его врываться туда силой². Подобное англофильство в вопросе реформирования политических институтов сближало прогрессистски ориентированных консерваторов с либералами западно-европейского толка и, таким образом, с либеральным движением вообще³. Авторы «Писем» полагали возможным создание на российской почве системы, сходной с английской: основной ее элемент в виде земств уже существует, – необходимо лишь дать ему развиваться в подлинное, небюрократическое, самоуправление, и распространить этот принцип на весь государственный аппарат. Местное благоустройство следует «передать в руки исключительно земства» и «преобразовать волости во всеобщее учреждение», чтобы среда сама выделила из себя людей, способных к управлению⁴. Далее идеологи «Дружины» предлагали подключить этих избранных земель к участию в государственной политике: «Все властные люди... должны... поставляться у нас землею, выбираться правительством из людей, заявивших себя в общественной деятельности и облеченных общественным доверием»⁵.

Юридический вестник. 1884. № 9. С. 19 – 57; Безобразов В.П. Земские учреждения и самоуправление. М., 1874; и др.

¹ Фадеев Р.А., Воронцов-Дашков И.И. Указ. соч. С. 73.

² Ср.: Фадеев Р.А., Воронцов-Дашков И.И. Указ. соч. С. 75 – 76; Дерюжинский В. Указ. соч. С. 19; Безобразов В.П. Указ. соч. С. 51.

³ Лукоянов И.В. Российские консерваторы... С. 4 – 6.

⁴ Фадеев Р.А., Воронцов-Дашков И.И. Указ. соч. С. 111 – 113.

⁵ Там же. С. 91 – 92.

Взгляды Р.А. Фадеева и И.И. Воронцова-Дашкова были хорошо известны при дворе и самому императору. С.Ю. Витте писал, что «граф Воронцов-Дашков был... человеком довольно либерального направления», что «не вполне нравилось императору»¹. На фоне консерваторов-охранителей из окружения Александра III И.И. Воронцов-Дашков выглядел «белой вороной». Он не только не скрывал своих реформаторских взглядов и близости с «неисправимыми фрондерами» от аристократии Шуваловыми², но вообще держался крайне независимо, а по отношению к некоторым «ортодоксам» даже с явным презрением³. В последующие годы он выступал противником земской «контрреформы»⁴, был автором нашумевшей записки, в которой призывал правительство к уничтожению сословных различий и превращению крестьянства в класс личных собственников⁵, а во время революции 1905 – 1907 гг. советовал Николаю II строго соблюдать манифест 17 октября и уповать на Государственную думу⁶. В.С. Кривенко, говоря о службе И.И. Воронцова-Дашкова с 1881 г. министром императорского двора и уделов, вспоминал, что он внушал чиновникам-старожилам страх своим откровенно безгловым отношением к устоявшемуся укладу бюрократического быта и в то же время близостью к императору. Начав реформы внутри министерства, – пополнение его молодыми и неродовитыми служащими, упорядочение хозяйственной части, – И.И. Воронцов-Дашков «привел в удрученное состояние местный бюрократический мирок», а «поседевшие в делопроизводстве мастера» были вынуждены перестраиваться под непривычный, деловой, порядок работы⁷. В связи со всем этим

¹ Витте С.Ю. Из архива С.Ю. Витте... С. 255.

² Исмаил-Заде Д.И. Указ. соч. С. 13 – 14.

³ Лукоянов И.В. Конец царствования Александра III... С. 248 – 249.

⁴ Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970. С. 388 – 389.

⁵ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 4210. ЛЛ. 1 – 6.

⁶ Письма И.И. Воронцова-Дашкова Николаю Романову (1905 – 1915 гг.) // Красный архив. 1928. № 1. С. 97.

⁷ Кривенко В.С. Памяти графа И.И. Воронцова-Дашкова. Пг., 1916. С. 12.

безосновательным кажется утверждение немецкого автора Самсона фон Гиммельштерна, что И.И. Воронцов-Дашков вообще не имел политических амбиций и желания участвовать в политической деятельности¹. В действительности, И.И. Воронцов-Дашков вел чрезвычайно активную деятельность, был отзывчив к разного рода новым идеям и умел найти подход к императору, благодаря чему, несмотря на разность воззрений, пользовался его уважением². В своих неофициальных записках Александру III он выступал с критикой правительства, которое, по его мнению, не имеет положительной программы и только имитирует общественную работу – созыв «сведущих людей» М.Т. Лорис-Меликова, как и «Земский собор» Н.П. Игнатьева представлялись И.И. Воронцову-Дашкову фикциями³. Н.П. Игнатьев, по словам Р.А. Фадеева, перевернул «ход дела» с ног на голову и хотел «вместо собора, венчающего здание самостоятельного земства, начать его венчанием на царство при соборе, которому были бы объявлены виды власти»⁴. Министр внутренних дел, действительно, высказывался против реального расширения полномочий земств, видя в этом угрозу самодержавию, и считал «Земский собор» лишь символическим актом единения власти с землей⁵. Лидеры «Дружины» сравнивали собор Н.П. Игнатьева с театральной бутафорией, способной лишить самодержавие «последних шатких опор», и противопоставляли ей подлинный, «деловой», собор⁶.

Программа Р.А. Фадеева и И.И. Воронцова-Дашкова, таким образом, оказывалась по существу либеральнее программы славянофилов, с которыми был связан проект Н.П. Игнатьева⁷. И.С. Аксаков обвинял авторов «Писем» в

¹ Himmelstierna H.v.S. Ibid. P. 37 – 38.

² Рыженко И.Э. Указ. соч. С. 24 – 25.

³ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 227. ЛЛ. 46 об. – 47.

⁴ ИРЛИ РАН. Ф. 3. Оп. 4. Д. 639. ЛЛ. 6 – 6 об.

⁵ Г.Б. Несостоявшийся Земский собор (Исторические воспоминания) // Море. 1906. № 21 – 22. С. 752 – 756; Дополнительные сведения о несостоявшемся Земском соборе // Море. 1906. № 23 – 24. С. 843 – 845.

⁶ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 3353. ЛЛ. 6 – 8; РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 227. ЛЛ. 43 – 44.

⁷ См.: Граф П.А. Валуев в 1881–1884 годах (Дневник Валуева) // О минувшем. СПб., 1909. С. 417 – 480; Мякотин В.А. Идея земского собора в русском прошлом и настоящем.

том, что их земский проект – «великая ошибка», открывающая путь крамоле¹, на что получил ответ Р.А. Фадеева: «Когда люди задыхаются в угарной комнате, то дело в том, чтобы высадить раму, не заботясь о последствиях сквозного ветра и других неудобствах... Потому, признаюсь, вопреки вашему мнению, я полагаю, что нам есть куда торопиться»². И.С. Аксаков, полагавший, что его учение соответствует базовым прогрессистским чаяниям³, связывал программу И.И. Воронцова и Р.А. Фадеева с подъемом революционно-либерального движения и ожидал их сплочения в единую «конституционную партию». В одном из писем Н.П. Игнатьеву он писал: «Едва ли уже не произошло сближение между аристократической партией и так называемой либеральной (буржуазной или демократической)... Все сходятся на требования конституции и решились пока не ослаблять себя взаимно, предоставляя будущему вершить спор о преобладании аристократии или демократии»⁴.

Исследование политического облика других видных деятелей «Святой дружины» также способно многое прояснить в истории организации. Так, «Боби» Шувалов, родственник и друг И.И. Воронцова-Дашкова, происходил из семьи с давними конституционными традициями. Его дядя и отец, опекуном и воспитателем которых был сам М.М. Сперанский⁵, стояли у истоков дворянской конституционной фронды, выступившей в 1860-х гг. с трибуны земских учреждений⁶. Отец П.П. Шувалова в конце 1850-х гг. составил проект «Об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян», в котором предлагал более мягкие условия освобождения крестьян, нежели те,

СПб., 1906; Глинский Б.Б. Константин Петрович Победоносцев (Материалы для биографии) // Исторический вестник. 1911. № 4. С. 247 – 274; Сватиков С.Г. Проекты народного представительства... С. 242 – 248.

¹ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 77. ЛЛ. 1 об. – 2.

² ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 639. Л. 11 об.

³ ИРЛИ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 27. Л. 33.

⁴ ИРЛИ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 78. Л. 2.

⁵ Исмаил-Заде Д.И. Указ. соч. С. 14.

⁶ Корнилов А.А. К истории конституционного движения... С. 43.

на основании которых позже была проведена реформа¹. Дядя П.П. Шувалова А.П. Шувалов был в контрах с правительством аж с 1830-х гг. Он был близок с М.Ю. Лермонтовым, – и даже стал прототипом Печорина, – посещал вместе с поэтом салон Карамзиных и входил в оппозиционный «кружок шестнадцати». В 1860-х годах он активно выступал с земской трибуны, и в конце концов в 1867 г. после одного из таких выступлений в Петербургском губернском земском собрании, за «дух мятежа и своеволия» был выслан на три года за границу². Сам Павел Петрович – «Боби» – Шувалов дважды предлагал Александру III проект реформ³, в котором, как и авторы «Писем», обосновывал необходимость введения народного представительства по образцу английского парламентаризма⁴. Император пометил записку П.П. Шувалова словами: «великая чепуха русского аристократа»⁵. Санкций за открытый конституционализм для него также сразу не последовало. «Боби» Шувалов слыл в придворных кругах одаренным, но легкомысленным молодым человеком⁶, да к тому же был родственником и другом близкого к императору И.И. Воронцова-Дашкова, из-за чего ему многое сходило с рук. Так, А.А. Бобринский вспоминал, как однажды «Боби» довел до «белого каления» Александра II, устроив вечер с танцами в годовщину смерти императора Николая, но и эта выходка была обставлена как ненамеренная рассеянность и осталась безнаказанной⁷.

Однако тот факт, что именно одиозного П.П. Шувалова И.И. Воронцов-Дашков предпочел в соратники по «Святой дружине», а также его

¹ См.: ОР РНБ. Ф. 876. Оп. 1. Д. 1.

² Александрова Е. Шуваловский парк // Наше наследие. 2007. № 83 – 84. URL: <http://nasledie-rus.ru/podshivka/8319.php> (дата обращения: 20.12.2022).

³ Шишманов И.Д. Конституционная записка графа П.П. Шувалова (К истории русского освободительного движения в 80-х годах XIX столетия) // Вестник Европы. 1913. № 8. С. 140.

⁴ Конституционные проекты начала 80-х годов XIX века // Красный архив. 1928. Т. 6. С. 119 – 120.

⁵ Цит. по: Дронов И.Е. Указ. соч. С. 384.

⁶ Клейнмихель М.Э. Указ. соч. С. 456.

⁷ Мурзанова М. Воспоминания А.А. Бобринского (1880 – 1881 годы) // Каторга и ссылка. 1931. № 3. С. 93 – 94.

многочисленные записки и заметки говорят не о поверхностном увлечении либеральными идеями, а об осмысленном убеждении, можно сказать семейном идеале и программе Шуваловых, дополняющей проект авторов «Писем о современном состоянии России». Личные материалы П.П. Шувалова отражают его интерес к вопросам права, истории и философии¹. П.П. Шувалову импонирует гегелевское понимание понятия права не как абстракции, а как «осуществления», становления свободы, являющейся подлинной основой всех социальных структур². В соответствии с этим, по его мнению, должно определяться и направление политики. Она должна быть направлена к достижению «идеального» состояния человека и общества, то есть свободного состояния, а значит – по необходимости быть прогрессивно реформистской³. История развития общества представляется П.П. Шувалову «развитием благих [и] дурных учреждений (напр. пытки)»⁴, которые, исходя из природы права и задач политики, необходимо изменяются по мере осознания их несоответствия идеалам справедливости. В России, по словам П.П. Шувалова, «чувствуется нужда в прогрессе»⁵ и индивидуальной политической свободе, которая выражалась бы в «праве граждан участвовать в законодат[ельстве] и законоохран[ительстве]»⁶. В одной из своих работ, П.П. Шувалов утверждал, что даже революция – есть историческое право народа «выступить против нестерпимых практических зол». Таковыми ему виделись, например, восстание в Риме в 63 году до н.э. и Французская революция. Он писал: «У меня нет ни охоты, ни надобности парадоксальными софизмами восстанавливать доброе имя Катилины; я желаю только оправдать его как

¹ Подробнее об этом см.: Спицина Е.В. 1) К вопросу об общественно-политических взглядах П.П. Шувалова // Вестник студенческого научного общества РГПУ им. Герцена. СПб., 2014. Вып. 15. С. 225 – 228; 2) Из недр «Святой дружины»: П.П. Шувалов об облике истинного «охранителя» // Герценовские чтения 2014. Актуальные проблемы русской истории. СПб., 2015. С. 80 – 87.

² РГИА. Ф.1092. Оп. 1. Д. 275. ЛЛ. 18, 43, 51.

³ Там же. Л. 43.

⁴ Там же. Л. 46 об.

⁵ Там же. Л. 48.

⁶ РГИА. Ф.1092. Оп. 1. Д. 278. Л. 21.

представителя революции, которую старались очернить, очерняя его; подобно тому, как пытались очернить Французскую революцию, искажая деятельность Дантона и Робеспьера»¹. К слову, похожие мысли можно встретить, например, в работах «классического» либерала А.Д. Градовского об исторической необходимости, воплотившейся в революции как средстве освобождения общества от отживших учреждений. Образцом такой революции либерал А.Д. Градовский также видел Великую Французскую революцию, которая в той мере, в какой она выражала идею революции вообще, имела целью не пересоздание общества, а обновление его институтов – семьи, государства, собственности и т.д.² Помимо этих историко-правовых эссе, интересны и исследовательские наработки П.П. Шувалова, посвященные проблеме экономического состояния крестьянства и еврейскому вопросу. В них также налицо критическая оценка существующего государственного порядка. П.П. Шувалов писал о «хищническом» поведении помещиков³ и вредной националистической политике правительства, способной в перспективе спровоцировать взрыв народного гнева, когда станет понятно, что вместо решения насущных вопросов свободы и земли, власть манипулировала национальными чувствами⁴. Кризис в России, по его мнению, закончится «либо преобразованием, либо переворотом»⁵.

Показательно, что оба, и П.П. Шувалов, и И.И. Воронцов-Дашков, искали прикладной способ реализации своих идей, экспериментально проверяя их экономическую эффективность. Оба преобразовали свои аграрные и промышленные владения по образцам самых развитых и технологичных «буржуазных» хозяйств. Оба были на российской почве экономическими новаторами. Так, И.И. Воронцов-Дашков «подолгу

¹ Там же. Л. 2 об.

² Градовский А.Д. Социализм на западе Европы и в России (1879) // Градовский А. Собрание сочинений. СПб., 1899. Т. III. С. 420.

³ РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 311. ЛЛ. 16 – 18.

⁴ Там же. ЛЛ. 10 об. – 11; Ф. 1092. Оп. 1. Д. 316. Л. 9 об.

⁵ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 3231. Л. 30 об.

“носился” со всякими изобретателями»¹, а эксцентричный П.П. Шувалов и вовсе модернизировал свои семейные уральские заводы в духе английского промышленника-экспериментатора Р. Оуэна. В «социалистическом» опыте Р. Оуэна в основу производственных отношений был положен принцип зависимости плодотворности труда от уровня экономического и нравственного благосостояния рабочего. Следуя этому принципу, П.П. Шувалов строил школы, церкви и дороги в одном из самых захудалых уральских округов, Лысьве. Крупные суммы он вкладывал в модернизацию производства, на льготных условиях раздавал мастерам и крестьянам земли в собственность, а из выкупных платежей организовал фонд для выплат пособий старикам, вдовам и сиротам. Такую же деятельность П.П. Шувалов развернул и в киевском имении Тальном, где велись масштабные работы по строительству дорог, мощению улиц, очистке лесов, устройству школ и училищ, в том числе и для еврейского населения, больниц, столовых для бедных, раздаче пособий нуждающимся и т.д.² Об интересе П.П. Шувалова к либеральным проектам писал С.Ф. Либрович, вспоминая, что тот часто доставал через книгоиздателя М.О. Вольфа литературу по вопросам конституционализма³. На полках П.П. Шувалова стояли труды Ф. Гизо, Ж. Мишле, А. Тьера, И. Тэна, а также В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Г. Спенсера, П. Прудона, Б.Н. Чичерина, М.М. Стасюлевича, позднего А.И. Кошелева, Н.К. Михайловского, В.Ю. Скалона, марксиста Н.И. Зиберы, М.П. Драгоманова⁴. Интересовался П.П. Шувалов и политэкономией – работами Т. Мальтуса, А. Смита, Д. Рикардо и даже «Капиталом» К. Маркса⁵.

Конституционалистом, по отзывам современников, был и родственник П.П. Шувалова шеф жандармов П.А. Шувалов⁶. К.П. Победоносцев, протестуя

¹ Рыженко И.Э. Указ. соч. С. 25; Исмаил-Заде Д.И. Указ. соч. С. 18, 47.

² РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 272. ЛЛ. 5 – 9.

³ Либрович С.Ф. На книжном посту. Воспоминания. Записки. Документы. М., 2005. С. 244.

⁴ См.: ОР РНБ. Ф. 876. Оп. 1. Д. 4.

⁵ РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 283. ЛЛ. 4, 5 об.

⁶ См.: Перетц Е.А. Дневник... С. 53; Мещерский В.П. Мои воспоминания... С. 364.

против назначения последнего, писал, что в его доме собирается кружок политических авантюристов во главе с «Боби», «который всюду трубит, что конституция – единственное спасение для России»¹.

В опасности «для государства и лично для государя»² подозревались и другие «братья» «Святой дружины». О П.П. Демидове Сан-Дonato, например, помимо резких высказываний в его адрес В.П. Мещерского³, известно, что в 1883 г. он составил записку по еврейскому вопросу, в которой, как и П.П. Шувалов, утверждал, что правительство культивирует социальную дезинтеграцию, тогда как в интересах страны было бы установление «сис[т]емы... гражданской свободы и равенства прав и обязанностей каждого»⁴. Схожие обвинения в адрес правительства высказывали также «дружинники» А.А. Бобринский⁵ и А. Дьяков, размышлявший в одном из писем к П.П. Шувалову о том, что, кроме «конституционного начала», «другого выхода нету»⁶.

Воззрения лидеров «Дружины» представляли собой, таким образом, консервативно-либеральный симбиоз государственных установок с идеями естественного права и свободы личности. В создании «Дружины» играли роль оба этих мотива, тогда как лозунг борьбы с крамолой был скорее формальным допуском в «большую» политику⁷. К.Ф. Головин, друживший с П.П. Шуваловым, писал, что «братство» открывало широчайшее поле для реализации политических амбиций, и «Боби», обладавший, по его словам, «недюжинными способностями», «все собирался перехитрить всех»⁸. Лозунг

¹ Письма К.П. Победоносцева... С. 387 – 388.

² Цит. по: Воронин В.Е. Великий князь Константин Николаевич... С. 133.

³ См.: Мещерский В.П. Дневник за 1882 год... С. 19, 43.

⁴ РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 316. Л. 15.

⁵ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 3354. ЛЛ. 1 – 5 об.; Д. 3356. ЛЛ. 1 – 3 об.

⁶ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 1298. ЛЛ. 3 – 4 об.

⁷ Глинский Б.Б. Период твердой власти (Исторические очерки) // Исторический вестник. 1912. № 2. С. 667 – 668.

⁸ Головин К.Ф. Мои воспоминания... Т. 2. С. 35.

Уничтожение «Дружины» в конце 1882 г. перечеркнуло карьеру П.П. Шувалова. Он был удален из высшего света и объявлен сумасшедшим, а к сорока годам имел лишь невысокий статус командира полка.

борьбы с революционной угрозой не противоречил реформистским планам «дружинников», полагавшим, что устранение террора водворит спокойствие в правительственных сферах и создаст благоприятную почву для продвижения реформаторских проектов. Это подтверждают и предварительные наброски И.И. Воронцова-Дашкова и П.П. Шувалова по устройству «охранительного» общества, которые, в отличие от окончательных вариантов учредительных документов «Дружины», отражают личное понимание авторами подлинных задач «братства». И.И. Воронцов-Дашков, например, подчеркивал, что «анонимное общество» должно выполнять роль полиции нравов и заполнять тем самым пробелы в законодательстве. Наряду с искоренением противоправительственных угроз, среди его функций лидер «Дружины» указывал воспитание любви к отечеству, науке, искусству, охранение правил чести, разрешение конфликтов и т.п. посредством нравственного воздействия, мер, предусмотренных законом, а также личных пожертвований членов общества¹. Первостепенную задачу «Дружины» и «Добровольной охраны» он видел не в борьбе против революционеров, а в исследовании социально-экономических проблем, что способствовало бы правительству в выработке разумного курса². Не соответствует официальным основаниям «Дружины» и проект «охранительного союза» П.П. Шувалова³, в понимании которого истинный «охранитель» – это прогрессист, верный принципам Великих реформ, идеалу законопорядка и верховенства прав личности. По вопросу формы правления П.П. Шувалов, ориентируясь также, как и авторы «Писем», на английский опыт, выступал за нерушимость монархии, но с привлечением «выборного элемента» – «совещательное народопредставительство», т.е., по существу, за перераспределение властных отношений⁴. Именно о таком переделе функций в конституционных монархиях, имеющих тенденцию к

¹ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 226. ЛЛ. 1 – 3.

² РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 221. ЛЛ. 9 – 9 об.

³ Подробнее см.: Спицина Е.В. Из недр «Святой дружины»... С. 80 – 87.

⁴ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 3319. ЛЛ. 1 – 2; РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 246. ЛЛ. 1 – 7.

формализации роли монарха, пусть даже речь о Земском соборе, К.П. Победоносцев писал как о «пагубе России»¹. Цель «охранительного союза», по мысли П.П. Шувалова, состоит в «прекращении произвола, – в том числе административного, – и обеспечении за всеми подданными безусловного покровительства закона», в соблюдении «неприкосновенности» и «святости» права².

Содержание документов «Святой дружины» показывает, что черновые формулировки И.И. Воронцова-Дашкова и П.П. Шувалова были значительно переработаны. Причиной этого следует считать то, что в контексте кризисной ситуации начала 1880-х гг. создание придворной организации на иных принципах, подобных тем, что формулировались в черновых проектах глав «Дружины», было бы просто невозможно. Как писал Р.А. Фадеев в одном из писем И.С. Аксакову, «слишком понятно, что министр двора не может печатать программы государственного переустройства, не получившей окончательного соизволения свыше»³. У «Святой дружины» не было бы шанса появиться, имея в качестве официальной платформы программу конституционных реформ. Но, даже возникнув под знаменем борьбы с революцией, организация не могла не иметь того внутреннего содержания, которое вложили в нее ее лидеры и идейные вдохновители. А их замыслы, как свидетельствуют рассмотренные документы, были обращены не к сохранению существующего порядка, а к его модернизации в духе английской конституционно-монархической модели.

§ 3. «Вольное слово», М.П. Драгоманов и земская идея.

Отчетные документы «Святой дружины» и воспоминания М.М. Осоргина указывают, что лидеры «братства» уделяли особенное внимание

¹ См.: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия... С. 465 – 466.

² РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 246. ЛЛ. 5 – 7.

³ ИРЛИ РАН. Ф. 3. Оп. 4. Д. 639. Фадеев Р.А. Письма к И.С. Аксакову. 1874 – 1882 и б.д. Л. 6.

исследованию периодической печати. Заведовал работой «Дружины» в области печати П.П. Шувалов¹. В своей отчетной записке по деятельности «газетной агентуры» он отмечал, что ее назначение сводилось к «сбору материалов для исследования... противогосударственного движения», а также составлению статей для публикации за границей. К обсуждению последних планировалось привлечь и революционеров, чтобы лучше выяснить их программу². Деятельность «Дружины» в этом направлении освещают несколько отчетов периода расформирования общества, содержание которых требует критической интерпретации, поскольку их предназначением было реанимировать «Дружину» в глазах верховной власти, для чего их составители стремились подчеркнуть успешное выполнение обществом своих официальных задач. В одном из отчетов указывалось, что в целях воздействия на революционеров в Женеве были открыты «подпольные» издания «Вольное слово» и «Правда». Ультратеррористическая «Правда» должна была посеять раздор среди эмигрантов³, которые, впрочем, почти сразу распознали в ней предприятие полицейского толка⁴. Умеренное же «Вольное слово» – «путем анализа и критики... обездомить беспочвенных народовольцев» и «дать нужную аргументацию всем колеблющимся... для естественного их отделения от партии»⁵. Обращает на себя внимание, что сведения о «газетной агентуре» часто содержательно не стыкуются. В некоторых из них «Вольное слово» вообще не значится частью «печатной провокации» «Дружины», а представлено самостоятельным изданием, на редакцию которого «братство» пыталось распространить свое влияние⁶. Для понимания причин таких противоречий следует обратиться к истории этой газеты.

¹ Громова Л.П. Становление системы русской политической прессы XIX века в эмиграции. URL: <http://evartist.narod.ru/text5/18.htm> (дата обращения: 20.12.2022).

² РГИА. Ф. 1101. Оп. 2. Д. 506. ЛЛ. 13 – 14.

³ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 224. ЛЛ. 5 – 6.

⁴ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 222. ЛЛ. 97 – 97 об.

⁵ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 221. ЛЛ. 7 об. – 8.

⁶ Там же; РГИА. Ф. 1101. Оп. 2. Д. 506. ЛЛ. 3 – 3 об.; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 7. ЛЛ. 33 об., 173 об. – 174.

«Вольное слово» было основано в Женеве летом 1881 г. агентом «Святой дружины» А.П. Мальшинским. Сотрудников для газеты он искал среди видных политических эмигрантов: обращался к П.Л. Лаврову, который порекомендовал ему также П.Б. Аксельрода как специалиста по рабочему движению, к лидеру украинофильства М.П. Драгоманову. Последний вскоре стал негласным редактором издания, а со второго года существования газеты возглавил ее официально. П.Л. Лавров писал, что при знакомстве А.П. Мальшинский назвал себя социалистом и противником террора, желающим объединения всех оппозиционных сил ради общей борьбы, и что при желании его газета могла бы сослужить хорошую службу социалистам¹. Однако уже в конце 1881 г. через Я.В. Стефановича в Женеву начали поступать сведения, будто А.П. Мальшинский – сотрудник III Отделения и даже выполнял по его заказу работу по исследованию революционного движения². С этого момента о «Вольном слове» и его первом редакторе стали распространяться самые колоритные слухи. Например, глава «Общего дела» М.К. Элпидин, в редакции которого также состоял агент «Дружины»³, ссылаясь на анонимных работников типографии, утверждал, что А.П. Мальшинский располагает громадными средствами, платит своим сотрудникам «от 500 до 800 и больше франков в месяц», а также устраивает для них рауты и кутежи⁴. Абсурдность заявлений М.К. Элпидина легко обнаруживает переписка А.П. Мальшинского с П.Б. Аксельродом, из которой ясно, что корреспондент, ведущий постоянную большую рубрику, зарабатывал не 500 и не 800, а 125 франков⁵. Сведения же, распространяемые редактором «Общего дела», легко

¹ Из архива П.Б. Аксельрода... С. 25.

² Засулич В.И. «Вольное слово» и эмиграция // Современник. СПб., 1913. № 6. С. 180.

³ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 224. Л. 5; Ф. 1101. Оп. 2. Д. 506. Л. 3 об.

⁴ Элпидин М.К. Библиографический каталог. Профили редакторов и сотрудников. Carouge (Женева), 1906. С. 15.

⁵ Из архива П.Б. Аксельрода... С. 51.

объясняются воспоминаниями Л.А. Тихомирова, в которых М.К. Элпидин представлен как личность параноидальная и склонная к шпиономании¹.

Народоволец И.И. Присецкий, приехавший в Женеву и неожиданно для себя оказавшийся в «области ее специфических дрызг», указывал, что «травля» А.П. Мальшинского вызвала у него недоумение, поскольку обвинения его в шпионстве были бездоказательными². Против обвинителей был и тот факт, что в «Вольном слове» на передовых позициях находился всеми уважаемый М.П. Драгоманов, которого негласно почитали главой женевской политической эмиграции. Его союз с А.П. Мальшинским у многих вызывал недоумение. Самого М.П. Драгоманова лично никто не подозревал³, однако считалось, что он мог стать жертвой провокаторских происков. В.И. Засулич вспоминала, как рассказала М.П. Драгоманову об этих подозрениях, в ответ на что он сказал, что за «Вольным словом» стоит вовсе не А.П. Мальшинский, а некое тайное земское сообщество. На замечание В.И. Засулич, что ничего «земского» в газете нет, М.П. Драгоманов отшутился⁴. Сведения о «Дружине» и связи с ней А.П. Мальшинского передавала М.П. Драгоманову и его знакомая Ольга Павелко, ссылавшаяся на общего с учредителем «Вольного слова» знакомого⁵. Тем не менее, сплетни о газете опальный профессор называл нелепыми⁶, а они, продолжая распространяться, вскоре приняли вид кампании против «Вольного слова» и самого М.П. Драгоманова.

Обвинителями в борьбе с «Вольным словом» выступила упомянутая редакция «Общего дела» и близкие к ней публицисты П.Ф. Алисов и В.Н. Черкезов. Не последнюю роль сыграла и провокаторская «Правда», которая,

¹ Тихомиров Л.А. Неизданные записки Л. Тихомирова... С. 147.

Л.А. Тихомиров рассказывал, как однажды М.К. Элпидин объявил шпионом некоего незнакомца и без намека на иронию объяснил свое заключение тем, что этот человек был обут в калоши.

² ОР РГБ. Ф. 383. Оп. 1. Д. 122. ЛЛ. 1 – 2.

³ Аксельрод П.Б. Указ. соч. С. 415.

⁴ Засулич В.И. Указ. соч. С. 181.

⁵ ОР РГБ. Ф. 383. Оп. 1. Д. 121. ЛЛ. 1 – 2.

⁶ Из архива П.Б. Аксельрода... С. 58.

как верно подметил А.В. Руманов, уж очень «настойчиво травила» «Вольное слово», обвиняя его в связях с правительством¹. Свою лепту в «травлю» внесли также народовольцы и народники², хотя В.И. Засулич позже и утверждала, что революционеры считали нападки на издание М.П. Драгоманова курьезными и не участвовали в них³. Опубликована переписка Л.А. Тихомирова с М.Н. Ошаниной, в которой он прямо говорил, что было бы «полезным натравить на “Вольное Слово” Элпидина» и перепечатать в «Календаре “Народной воли”» обвинения «Общего дела» и П.Ф. Алисова, поскольку газета М.П. Драгоманова – «орган – вредный»⁴. Любопытно, что одновременно с началом нападков на «Вольное слово», в том числе со стороны созданной «Дружиной» «Правды», П.П. Шувалов уверял «братьев», что в «Вольном слове» сотрудничают многие революционеры, и вообще весь замысел с этой газетой оказался очень удачным⁵. Последнее, как можно видеть, полностью противоречило действительности, поскольку получать сведения о революционном движении от издания, против которого ополчилась вся революционная эмиграция, вряд ли возможно.

На изначальную несостоятельность «Вольного слова» в качестве полицейского предприятия указывали еще А.А. Корнилов и Д.И. Заславский. А.А. Корнилов, рассматривая запутанную историю связи «Вольного слова» со «Святой дружиной», рассуждал, что если у основателей газеты и были какие-то полицейские цели, то «они несомненно провалились», т.к. в идеологическом отношении издание в течение всего времени своего существования было проводником земско-конституционной программы⁶. В том же духе высказывался и Д.И. Заславский, говоря, что «Вольное слово»

¹ См.: Алисов П. «Вольное слово». Лондон; Женева, 1881; Черкезов В. Драгоманов из Гадяча в борьбе с русскими социалистами. Женева, 1882.

² См.: Календарь «Народной воли»... С. 171; Спицина Е.В. «Идеологическая» война в Женеве... С. 79 – 85.

³ Засулич В.И. Указ. соч. С. 181 – 184.

⁴ Цит. по: Лавров – годы эмиграции... Т. 2. С. 99 – 102.

⁵ Смельский В.Н. Указ. соч. № 2. С. 157.

⁶ Корнилов А.А. К истории конституционного движения... С. 25 – 26.

«менее всего могло служить... шпионским целям наблюдения за революционерами», потому что «для этого оно должно было бы привлекать к себе, а не отталкивать от себя террористов»¹. В.К. Дебогорий-Мокриевич, участвовавший в полемике вокруг «Вольного слова», иронизировал, что, создание с полицейскими целями в Женеве органа, который последовательно проводил конституционную программу – это уж очень «дальновидная» провокация. «Еще дальновиднее оказалось бы наше правительство, – писал он, – если бы вместо конституционного органа – оно просто напросто провело... конституционную реформу; ... Тут что-то так, да не так»².

При ближайшем рассмотрении версия о провокационном предназначении «Вольного слова» действительно представляется не выдерживающей собственных противоречий. А.П. Мальшинский, объясняя свою связь с III Отделением, писал, что никогда там не служил, а только работал в архиве Отделения, выполняя по его заказу исследование о революционном движении³. Его «Обзор социально-революционного движения» носил официальный характер и печатался с грифом «по распоряжению III Отделения Собственной его величества канцелярии» без предварительной цензуры, однако после выхода первых экземпляров в 1880 г. книга была запрещена и, по распоряжению того же III Отделения и Главного управления по делам печати, изъята из типографии⁴. Л.К. Ильинский в обзоре трудов Департамента полиции по изучению революционного движения указывал, что работа А.П. Мальшинского не получила одобрения, поскольку автор «очень смело» критиковал «отдельные действия правительства» и заявлял, что революционное брожение заглохнет только тогда, когда власть искоренит объективные проблемы, его породившие⁵. Кроме того, труд А.П.

¹ Заславский Д.И. Михаил Петрович Драгоманов... С. 130.

² Цит. по: ИРЛИ РАН. Р. I. Оп. 2. Д. 343. Л. 86, прим.

³ Мальшинский А.П. Не знаю к кому. Открытое письмо бывшего редактора «Вольного слова». Женева, 1883. С. 7.

⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 213. ЛЛ. 1 – 2.

⁵ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 84. ЛЛ. 14 – 16.

Мальшинского сочетал декларирование монархических взглядов с искренним пиететом к таким демократическим героям, как А.И. Герцен, Н.П. Огарев, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.А. Некрасов, А.С. Грибоедов, Н.В. Гоголь, А.Н. Островский и Н.А. Добролюбов, которые, по его словам, «спасали грамотное молодое поколение от застарелой рутины» и обнаруживали «органические элементы будущего развития»¹. При таком общем критическом настрое А.П. Мальшинского неприятие им террора не могло быть аргументом в пользу версии о его шпионстве. Отвечая на обвинения, А.П. Мальшинский указывал на безнравственность самих обвинителей, которые, кинувшись травить «Вольное слово», не видят различия между борцами за свободу, – к каковым он относил декабристов, А.И. Герцена, М.А. Бакунина и Н.Г. Чернышевского, – и аферистами из своих же рядов вроде «чигиринца» Стефановича и Нечаева². Подобная критика, хоть и направленная резко против террористов, характеризовала А.П. Мальшинского не как реакционера, а как человека, разделявшего принципы лидеров «Дружины». К слову, похожую отсылку к нравственному авторитету Н.Г. Чернышевского, можно обнаружить и в одной из ранних записок П.П. Шувалова³. Подтверждает их идейную близость и внимание к вопросам права, с позиций которого А.П. Мальшинский оценивал насилие в качестве средства политической борьбы, безотносительно того, является ли его источником революционная партия или правительство.

Содержание «Вольного слова» также не вызывает подозрений в плане последовательного проведения заявленной земско-конституционной программы. Идейно «лоскутным» выглядит разве что первый номер газеты⁴, что выдает искусственность предприятия и недостаточность умений редактора. А.П. Мальшинский, со слов М.П. Драгоманова, был

¹ Мальшинский А.П. Обзор социально-революционного движения. СПб., 1880. С. 149.

² Мальшинский А.П. Не знаю к кому... С. 9, 12, 16.

³ РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 273. Л. 2 а.

⁴ См.: Вольное слово. Женева, 1881. № 1.

«малоталантлив, неглубок и неопытен в своей специальности»¹, что отчасти и определило переход «Вольного слова» под начало М.П. Драгоманова. В то же время публикуемые газетой материалы свидетельствовали о связи издания с кругами, близкими к правительственным сферам. В редакцию исправно поступали сведения о дворцовых интригах и перипетиях борьбы придворных группировок за влияние на императора². Показательны, например, заметки «Вольного слова» о Н.П. Игнатъеве. Пока лидеры «Дружины» рассчитывали на компромисс с министром, последний был представлен в газете как освободитель болгарского народа. Когда же стало ясно, что Н.П. Игнатъев не собирается поступаться политическими амбициями, «Вольное слово» от имени редакции заявило, что единственные «заслуги» Н.П. Игнатъева – это «узаконение административного произвола» и «насилие над свободой слова»³. Кроме того, уже во втором номере газеты появился обширный обзор «Писем о современном состоянии России» Р.А. Фадеева и И.И. Воронцова-Дашкова, в котором указывалось на либеральный тон этой программы и ее нелегальный статус в России⁴.

Иллюстрацией прямой связи «Вольного слова» с программой Фадеева-Воронцова служит содержание самой газеты, а также роль, которую в развитии этой программы играл федералист М.П. Драгоманов. Точкой соприкосновения программы «аристократической» оппозиции и социалистов-украинофилов была идея земства. Украинфильская конституционная программа оказалась мостом не только между земским движением и революционерами-конституционалистами, но и связала через «Вольное слово» левые силы оппозиции с праволиберальным флангом. С первого же номера редакция озвучила давно назревавшую в оппозиционной среде мысль

¹ Цит. по: Лемке М.К. Указ. соч. С. 470.

² См.: Вольное слово. Женева, 1881. № 1. С. 3 – 4; Известия и заметки // Вольное слово. Женева, 1881. № 2. С. 7.

³ Ср.: Русские искатели иностранных тронов // Вольное слово. Женева, 1881. № 3. С. 6 – 7; Болгарин из Пловдива. Письмо в редакцию // Там же. № 5. С. 6; По поводу поклонения генералу Игнатъеву на Балканском полуострове // Там же. № 9. С. 2 – 3.

⁴ Корреспонденции // Вольное слово. Женева, 1881. № 2. С. 6.

о необходимости преодолеть внутреннюю рознь российской прогрессивной общественности¹. Публицист А.С. Изгоев верно подмечал в одной из своих статей: «Драгоманов еще в 70-х гг., когда политическая мысль наших революционеров переживала младенческий период, предсказал, что единственными силами, способными водворить у нас конституционный строй, являются деятели земских учреждений. Умный, честолюбивый, конституционалист английского типа гр. П.П. Шувалов не мог не оценить драгомановской идеи»². Лидеры «аристократической партии», некоторые из которых были связаны с земскими учреждениями, параллельно с М.П. Драгомановым разработали в «Письмах о современном состоянии России» свою программу, в которой роли земства также отводилось центральное место в модернизации государственной системы. Р.А. Фадеев соглашался в своих умопостроениях с А.И. Кошелевым, который к началу 1880-х гг. стал сторонником демократизации государственного аппарата и либерализации общественно-политической жизни³. Предложенный в «Письмах» принцип широкого земского самоуправления и привлечения представителей земств к государственному управлению вполне согласовывался с идеями украинофилов. Публицистическая работа М.П. Драгоманова была тесно связана с земско-украинофильскими контактами на юге России и служила выработке программных положений этого союза. Он знал о попытках земцев и украинофилов конца 1878 – начала 1879 гг. достигнуть тактической договоренности с радикалами юга, как знал и то, что это предприятие успехом не увенчалось⁴. Появление в Женеве А.П. Мальшинского с программой, совпадающей с насущными земскими чаяниями, а также большие возможности пославшей его стороны не могли не натолкнуть М.П.

¹ От редакции // Вольное слово. Женева, 1881. № 1. С. 1 – 2.

² Цит. по: ИРЛИ РАН. Р. I. Оп. 2. Д. 343. Л. 172.

³ См.: Кошелев А.И. 1) О некоторых изменениях в устройстве земских учреждений. М., 1881. С. 26; 2) Где мы? Куда и как идти? Берлин, 1881. С. 30 – 31; 3) О сословиях и состояниях в России. М., 1881. С. 7; 4) Записки. М., 2002. С. 178 – 179.

⁴ См.: Архів Михайла Драгоманова... С. 302.

Драгоманова на мысль, которую высказал после знакомства с А.П. Мальшинским и П.Л. Лавров, – что при верном подходе «Вольное слово» – это подарок судьбы. Тем более, как указывал П.Б. Аксельрод, редакция предоставляла своим сотрудникам идеологическую свободу и не ставила тематических рамок, что с точки зрения версии о провокации объяснения не находит. В письме В.Я. Богучарскому по поводу своего сотрудничества в «Вольном слова» он писал, что оно давало ему не только «средства к жизни», но и «неограниченную свободу... группировать и освещать факты и события с... социально-революционной точки зрения»¹.

На тех же основаниях строилась работа и других сотрудников, в том числе М.П. Драгоманова, который спустя некоторое время стал неофициально выполнять функции редактора газеты. С обязанностями публициста, проводящего генеральную мысль издания, он справлялся куда лучше А.П. Мальшинского. Последний же с конца 1881 г. не мог отбиться от слухов и подозрений вокруг своей персоны, дискредитирующих и газету. Сам М.П. Драгоманов в конце 1883 г. в письме к своему другу М. Павлику так описывал историю своей работы в «Вольном слове»: «Я сперва был приглашен как “сотрудник по малороссийскому вопросу”. Поняв, что тут “конспирация” и при том на добрую долю случайная, с темноватыми мыслями кое у кого, – я положил себе не лезть к людям, не набиваться, – а убедиться только, что тут дело чисто и что в нашу сторону оно везет, – делать свое дело,.. положившись на то, что честность – притянет доверие, а труды продвинут вперед то в конспирации, что наиболее близко к нашим целям, и атрофирует то, что от них дальше. Этот простой и наиболее беспретенционный расчет, как всегда, удался»². Уже к 1882 г. А.П. Мальшинский исполнял функции лишь номинального директора издания³. Вся редакция газеты, как писал С.М.

¹ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 264. Л. 2 об.

² Драгоманов М.П. Переписка. Чернівці, 1910. Т. IV. С. 224 – 225.

³ Бен-Ами [Рабинович М.Я.]. Мои сношения с Драгомановым и работа в «Вольном Слове» // Еврейская старина. 1915. Вып. III – IV. С. 358 – 359.

Степняк-Кравчинский в письме к брату Л.Г. Дейча, «состояла... из Драгоманова – Драгоманова и Драгоманова», в связи с чем он не советовал распространять слухи о ее связях с шпионами. «Выходило бы, – рассуждал он, – что правительство дает ему субсидию для издания своих произведений. Да и это ли одно! А их поведение! Разве так себя держат agents provocateurs? Помилуйте, они начали с того, что изругали террористов и привлекли к себе невиннейших людей, которые... понадобиться никак не могут»¹. С первых же номеров в газете публиковались статьи и заметки против тактики террора, а с третьего номера начала выходить большая работа М.П. Драгоманова «Историческая Польша и великорусская демократия», критикующая догматический централизм программ русских революционеров, их стремление к единомыслию и пренебрежение национальным вопросом². С точки зрения полицейских выгод, позиция М.П. Драгоманова могла вести только к крушению официального плана создателей «Вольного слова» собрать вокруг газеты революционеров для получения сведений о движении и борьбы с ним. В реальности отношения М.П. Драгоманов с революционной эмиграцией становились все более натянутыми³, и ни о каком сборе сведений речи быть не могло. Об этом свидетельствует и масса донесений А.П. Мальшинского руководству «Дружины»: главным мотивом его писем выступает полемика с террористами, в отношении же сбора данных они неинформативны⁴. К тому же, несмотря на очевидный провал «провокационной» миссии, «Вольное слово» просуществовало еще два года, получая финансирование от начальства «Святой дружины». По словам М.П. Драгоманова, под его руководством газета имела единственную задачу – задачу распространения идей «политически либерального и федерального

¹ Цит. по: Дейч Л.Г. Кравчинский С.М. Пг., 1919. С. 59.

² Драгоманов М.П. Историческая Польша и великорусская демократия // Вольное слово. Женева, 1881. № 3. С. 2 – 4.

³ Заславский Д.И. М.П. Драгоманов и «Вольное слово»... С. 90.

⁴ См.: РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 3292.

характера»¹. Если верить воспоминаниям В.Л. Бурцева, которому об истории «Вольного слова» рассказывал сам М.П. Драгоманов, все вопросы, связанные с изданием газеты, после устранения А.П. Мальшинского он решал, связываясь с П.П. Шуваловым непосредственно, при этом вел «Вольное слово» самостоятельно и никаких заказов от графа не получал².

В этот период, т.е. с конца 1881 г., в «Вольном слове» печатается ряд программных статей с общедемократическими и конституционными требованиями: административная децентрализация, расширение прав земского самоуправления, отказ от террора как средства политической борьбы, гарантия гражданских прав и свобод (неприкосновенности личности, свободы слова, печати и т.д.), политическая амнистия, отмена чрезвычайных мер по политическим делам, создание народного представительства для непосредственного участия избранных от земли в государственном управлении (Земский собор или Учредительное собрание), обновление за счет них государственного аппарата³. Все эти требования в тех или иных комбинациях обнаруживаются в это время во всех рассматриваемых оппозиционных программах: в революционных программах конца 1870-х – начала 1880-х гг., в заявлениях оппозиционных земств, в проектах представителей «аристократической» оппозиции, и в обобщенном виде – в политической публицистике М.П. Драгоманова⁴.

¹ Драгоманов М.П. Автобиография // Былое. 1906. № 6. С. 203.

² Бурцев В.Л. Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания. СПб., 2012. С. 40.

³ Амнистия или терроризм // Вольное слово. Женева, 1881. № 3. С. 1 – 2; Наш взгляд на революцию и на задачу публицистики // Там же. № 6. С. 1 – 3; Партия террора и организация общественных сил // Там же. № 10. С. 1 – 2; И.П. [Присецкий И.П.] Заметка о взаимном отношении нарождающихся и действующих в России партий // Там же. С. 6 – 8; Новое заявление о необходимости общего земского собора в России // Там же. № 21. С. 1 – 2; Политики «Народной воли» // Вольное слово. Женева, 1882. № 25. С. 4; Драгоманов М.П. 1) Нечто о чистоте средств. По поводу нового заявления Исполнительного комитета // Там же. № 21. С. 3 – 4; 2) Обаятельность энергии // Там же. № 34. С. 1 – 3; 3) «Народная воля» о централизации революционной борьбы в России. // Там же. № 37. С. 8 – 9; и др.

⁴ См.: Драгоманов М.П. 1) Турки внутренние и внешние...; 2) Внутреннее рабство и война за освобождение. Geneve; Vale; Lyon, 1877; 3) Выигрыши последней войны... 1878; 4) Соловья баснями не кормят...; 5) Терроризм и свобода... 1880; 6) Было бы болото...; и др.

В этом контексте понятным становится отношение к «Вольному слову» «Правды». Эта «ультратеррористическая» газета была создана летом 1882 г. А.П. Щербатовым, возглавившим заграничную агентуру вместо П.П. Шувалова, который в то время находился на лечении и ничего о новом предприятии не знал. А.П. Щербатов не был посвящен в запутанные дела своего предшественника и решил действовать по-своему. В итоге выход в августе 1882 г. первого номера «Правды» и травля ею «Вольного слова» для П.П. Шувалова стали совершенной неожиданностью. Пытаясь разобраться, кто от его имени инициировал создание «Правды», П.П. Шувалов слал запросы П.П. Демидову Сан-Донато и А.М. Безобразову, говоря, что «не понимает этой комбинации» и что вся она как агентурное предприятие «шита белыми нитками»¹. Но оказалось, что и они не имеют информации о том, кто из «братьев» ответственен за «Правду»². Появление этой газеты и ее настойчивые обвинения «Вольного слова» привели М.К. Лемке к заключению, что деятельность «Правды» была выгодна самому П.П. Шувалову, т.к. способствовала устранению «Вольного слова», агентурные задачи которого «Правда» выполняла более успешно³. Однако, ни одно из этих суждений не является верным. Во-первых, как видно из писем П.П. Шувалова, он негативно воспринял появление «Правды», поскольку она явно вставляла палки в колеса его собственным замыслам. Во-вторых, П.П. Шувалов не прекратил субсидирование «Вольного слова» и, судя по его письмам М.П. Драгоманову, искренне надеялся, что «Вольное слово» сможет стать базой объединения прогрессивных конституционных сил. В личной переписке П.П. Шувалов стремился прояснить М.П. Драгоманову свои воззрения. В 1883 г. он высылал ему свою записку «О совещательном народопредставительстве»⁴, а в одном из писем выражал готовность сообщать информацию о положении дел в России.

¹ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 3262. Лл. 3 – 3 об.; Д. 3288. Л. 38.

² РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 1259. Л. 4; Лемке М.К. Указ. соч. С. 499.

³ Лемке М.К. Указ. соч. С. 512.

⁴ См.: Шишманов И.Д. Конституционная записка... С. 136 – 166.

При этом П.П. Шувалов подчеркивал, что «во многом, даже существеннейшем» с М.П. Драгомановым, «конечно», расходится, но признает его политическую проницательность и справедливость курса «Вольного слова» и, как и М.П. Драгоманов, считает единственно верной тактикой – объединение сил вокруг земской программы для «противодействия правительственному произволу»¹. Из писем М.П. Драгоманова ясно, что от П.П. Шувалова через А.П. Мальшинского поступали средства и для украинофильских предприятий. В письме к украинофилу И. Франку М.П. Драгоманов указывал, что от А.П. Мальшинского было получено «на галицкие дела» 1000 франков². Речь шла, вероятно, о спонсировании издательской работы украинофилов, т.к. в переписке М.П. Драгоманова с «громадянами» часто упоминалось, что им необходимы средства для печатания и распространения своих трудов³. Устанавливается также и факт растраты значительной части этих денег, из-за чего М.П. Драгоманов упрекал своих товарищей в «скандальной бесцеремонности» и обращении с российскими спонсорами «как с дойной коровой»⁴. Как бы то ни было, финансовая поддержка южных кружков со стороны «дружинника» П.П. Шувалова не вписывается даже в самую хитроумную провокаторскую махинацию – для официальных целей «Дружины» культурно-просветительская работа украинофилов выгод не несла.

Одновременно с переходом «Вольного слова» под руководство М.П. Драгоманова газета объявила себя органом некоего «Общества Земского союза и самоуправления», которое, как доказали В.Я. Богучарский и М.К. Лемке, существовало лишь на бумаге⁵. Тем не менее, компрометирование земских конституционалистов не являлось целью этой фикции, как полагал

¹ РГАЛИ. Ф. 1065. Оп. 4. Д. 5. ЛЛ. 136 – 137 об.

² Листування Івана Франка... С. 60.

³ Там же. С. 43 – 44, 69 – 71.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ Богучарский В.Я. 1) Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг... С. 396 – 423; 2) Земский союз конца 70-х и начала 80-х гг. XIX века // Юбилейный земский сборник. 1864 – 1914. СПб., 1914. С. 233 – 259; Лемке М.К. Указ. соч. С. 629.

М.К. Лемке. Состоявший в переписке с революционерами и некоторыми земскими деятелями, в том числе с И.И. Петрункевичем¹, В.Я. Богучарский писал, что земец лично сообщал ему о том, что В.А. Гольцев, искушенный в деле добывания средств на нужды оппозиционного движения, имел знакомство с графом П.П. Шуваловым, который финансировал «Вольное слово»². Это было как раз в то время, когда «Святая дружина» стремительно теряла позиции и против нее развернулась кампания консервативной придворной клики. Кроме того, И.И. Петрункевич вспоминал, что зимой 1882/1883 гг., уже после разгрома «Дружины» и как раз накануне своей «опалы», П.П. Шувалов, имевший салонное знакомство с женой И.И. Петрункевича графиней А.С. Паниной, помог освободить ее «от назойливой слежки шпионов». Земец так описывал свое впечатление от общения с П.П. Шуваловым: «Гр. Шувалов выразил желание познакомиться со мною и побеседовать о положении России. Я знал, что он вел какие-то переговоры с Гольцевым в Москве и выдавал субсидии заграничной прессе, поддерживавшей идею конституционной монархии в России... Для меня было ясно, что конституцию он мыслит в аристократической форме, с палатой лордов. Вместе с тем он придавал большое значение местному самоуправлению с усилением влияния не дворянства вообще, а аристократии... Он прислал мне свою записку по этому вопросу, недостаточно разработанную, чтобы можно было составить ясное представление, каким образом он полагал возможным на русской почве строить подобие английского порядка... Граф П.П. Шувалов был хорошо образованный и живой молодой человек, но, переоценивая свою среду, он считал ее способной принять конституционный порядок»³. По-видимому, начав с создания «Вольного слова» в целях борьбы с терроризмом и подключив к нему М.П. Драгоманова, П.П. Шувалов, вероятно, под влиянием последнего, все более

¹ АДП РНБ. Ф. 753. Оп. 1. Д. 20. Л. 1 об.

² Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг... С. 403.

³ Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля... С. 164.

приобщался к идее консолидации конституционной оппозиции. Следствием этого и было его стремление наладить контакт с земскими либералами. Полицейских выгод связь с И.И. Петрункевичем в этот период иметь не могла – земец был в ссылке и не участвовал в политической жизни, находясь под постоянным надзором¹. Кроме того, есть основания считать, что в процессе общения П.П. Шувалов частично раскрыл М.П. Драгоманову историю «Дружины». Рассказывая в письме о соглашении своей группы с редакцией «Московского телеграфа», П.П. Шувалов называл себя и «братьев» по «Дружине» «консерваторами-западниками» и добавлял, что М.П. Драгоманов без труда узнает влияние, оказанное своей «публицистической деятельностью на людей чужого и даже враждебного... лагеря»². О том, что М.П. Драгоманов был посвящен П.П. Шуваловым в некоторые тайны говорит и его переписка с писательницей А.В. Гольштейн. По ее словам, М.П. Драгоманов поведал ей, что в «Дружине» есть два течения: одно – «холуйско-шпионское», соответствующее провокаторским целям организации, другое – «либерально-конституционное», представителям которого «стало стыдно быть холопами в то время как английские лорды страной управляют»³.

Эти обстоятельства проясняют историю «Общества Земского союза и самоуправления». Менее чем за полугодовой отрезок времени между упразднением «Дружины» и самопровозглашением «Вольного слова» органом «Земского союза» о роли в газете П.П. Шувалова уже знали и В.А. Гольцев, и И.И. Петрункевич – следовательно, раскрытие этой «провокации», будь она таковой, для земцев не составило бы труда. «Рождение» такого общества было скорее попыткой объединить вокруг общей конституционной программы прогрессистов из ядра «Дружины» и земско-украинофильскую оппозицию. В то же время «Общество Земского союза и самоуправления» было хорошим

¹ См.: Кеннан Дж. Указ. соч. С. 19, прим.

² Цит. по: Лемке М.К. Указ. соч. С. 651.

³ Цит. по: Науменко В. Александр Федорович Кистяковский и украинство. (К 30-летию со дня его смерти) // Украинская жизнь. 1915. № 1. С. 86 – 87.

прикрытием для «дружинников», поскольку могло быть представлено как очередная разыскная уловка. Письма М.П. Драгоманова показывают, что создатели «Общества», зная о неудавшемся соглашении конца 1870-х гг., рассчитывали представить «Земский союз» все-таки сложившейся организацией, органом которой будто бы и стало конституционное «Вольное слово» с авторитетным украинофилом-социалистом во главе. Расчет был на то, чтобы сплотить вокруг несуществующего общества оппозиционные группы, разделяющие программу «Вольного слова» – и земские, и украинофильские, и революционные, – и тем самым превратить «Земский союз» из фикции в действительную политическую силу, способную противопоставить политике правительства программу конституционных преобразований. В одном из писем А.П. Мальшинскому М.П. Драгоманов писал: «Главное в нашем положении не столько бороться с соседями (тем более ругаться), сколько устраивать свой лагерь и выводить его на бой с общим врагом... Теперь самое главное – выяснить отношение “Вольного слова”... к “Земскому союзу” как политическому обществу и установить отношения к другим подобным обществам»¹.

Расчет оказался верным: на юге России и в Петербурге начало разворачиваться «вольнословское» движение. Его связь с женевакской редакцией осуществлял студент С.И. Эрастов, организовававший из украинофильской и революционной молодежи кружки почитателей М.П. Драгоманова и пропагандировавший программу «Вольного слова»². Связать «Вольное слово» с московскими либералами должен был присяжный поверенный Н.И. Волков, который весной 1882 г. вел переговоры с издателем «Русского курьера»³. Н.И. Волков и С.И. Эрастов сообщались также и с П.П. Шуваловым⁴, а в редакцию «Русского курьера» входил В.А. Гольцев,

¹ Цит. по: Заславский Д.И. М.П. Драгоманов и «Вольное слово»... С. 110.

² РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 222. ЛЛ. 77 – 80, об.

³ Заславский Д.И. М.П. Драгоманов и «Вольное слово»... С. 115.

⁴ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 3292. ЛЛ. 15 – 16.

сотрудничавший и в «Московском телеграфе» – издании, редакция которого в октябре 1882 г. заключила соглашение с «консерваторами-западниками» из «Дружины»¹. Миссия Н.И. Волкова в качестве агента П.П. Шувалова имела результатом налаживание контактов между изданием М.П. Драгоманова и московскими земцами, которые со второй половины 1882 г. начали отправлять в «Вольное слово» публицистические материалы². К движению присоединились народник Н.А. Жебунев и Д.Н. Овсяннико-Куликовский³, а также умеренные либералы «Вестника Европы» – в «Вольное слово» в этот период дал статью даже М.М. Стасюлевич⁴. Одновременно интерес к «Земскому союзу» стали проявлять и революционеры, разделявшие мысль о пользе объединения прогрессивных сил. Так, близкий к лидерам «Черного передела» С.М. Степняк-Кравчинский после того, как «Вольное слово» объявило себя органом «Общества Земского союза и самоуправления» писал М.П. Драгоманову: «Мне очень приятно было узнать относительно формирующегося в России “Общества Земского союза и самоуправления”... Было бы очень желательно, если бы... “Общество” поставило теоретическую программу,.. которая не лишила бы революционеров возможности принимать участие»⁵. А в одном из личных писем М.П. Драгоманова за 1883 г. его собеседник, принадлежавший, судя по контексту, к земской или украинофильской среде, говорил, что «они» в курсе, что П.П. Шувалов приезжал к М.П. Драгоманову и что было бы «очень важно для дела» «Земского союза» «побольше спропагандировать» графа⁶.

¹ Об этих переговорах В.А. Гольцев и рассказывал И.И. Петрункевичу, когда упомянул о финансировании П.П. Шуваловым «Вольного слова». Следовательно, личное знакомство П.П. Шувалова с В.А. Гольцевым состоялось именно в этот период, в промежутке между апрельскими переговорами и соглашением октября 1882 г.

² Драгоманов М.П. Либерализм и земство... С. 40.

³ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 996. Л. 10.

⁴ Пелевин Ю.А. Указ. соч. С. 604 – 634.

⁵ Цит. по: Шишманов И.Д. К вопросу о роли графа П.П. Шувалова в конституционном движении 80-х годов // Вестник Европы. СПб., 1914. № 1. С. 203.

⁶ Цит. по: там же. С. 209.

Неслучайно в своих работах о земском либерализме М.П. Драгоманов пытался показать преемственность между земско-украинофильскими переговорами конца 1870-х гг. и возникшим, якобы, в 1880 – 1881 гг. «Обществом Земского союза и самоуправления»¹. Если не принимать во внимание детали, касающиеся закулисья «Общества Земского союза и самоуправления», картина, изображенная М.П. Драгомановым, даже с фактической стороны оказывается вполне складной. Ряд своих умолчаний он объяснял тем, что «не наступило время, когда бы можно было опубликовать все подробности этого дела»². Обнародование таких подробностей действительно не несло бы пользы делу сплочения оппозиции на «вольнословской» платформе. Именно поэтому в ответ на подозрения некоторых своих корреспондентов о связи «Земского союза» с полицией М.П. Драгоманов писал, что «вся мальшинскиада не существенное дело в истории вольнословия» и просил «не трогать ее,.. а остановиться на одних принципах Земского союза», которые можно узнать из Вольного слова и представленной программы. Прочую информацию, по словам М.П. Драгоманова, он поручился не разглашать³, тем более что это положило бы конец и сотрудничеству с «аристократической партией», и «Вольному слову», и политическим чаяниям самого М.П. Драгоманова. «Если начать укорять белый магазин, почему в нем нет товара для черной публики, – писал он в одном из писем, – то можно укорять и черный магазин, почему он не белый?.. Опять-таки самый практичный выход – взять вещь, как она есть, – белый магазин, – и его развивать, – и если кто хочет и черного, то никто не мешает открывать черные отделения... Такой же заколдованный круг получается и из подозрительности. “Серьезные силы” будут подозревать нас, – мы будем подозревать “серьезные

¹ См.: Драгоманов М.П. 1) Либерализм и земство... 1889; 2) Земский либерализм в России (1858 – 1883) // Собрание политических сочинений М.П. Драгоманова. Париж, 1906. Т. 2. С. 787 – 837.

² Драгоманов М.П. Воспоминания о переговорах... С. 34.

³ Драгоманов М.П. Переписка... Т. IV. С. 224.

силы”, – и никто ни с места. Мы желаем сближения с серьезными силами не для нашей же выгоды, – а для общей...»¹.

Продолжая свой рассказ, М.П. Драгоманов писал: «Понемногу я стал хозяином в Вольном слове, а земско-союзники стали открываться мне сами и обращаться ко мне непосредственно. Далее то же самое началось с компаниями, однородными с Земским союзом, с параллельными и такими, что только соприкасались между собой. Сеть создавалась – и далее создавалась сама, и еще далее при моем участии создается, – довольно сложная, в которой собственно Вольное слово только частица и не слишком-то великая. Про эту сеть в ее целостности я не имею права говорить»². Этот отрывок представляет верную хронологически историю кампании «Вольного слова». Под «земско-союзниками» подразумевался П.П. Шувалов с соратниками, знакомство с которым у М.П. Драгоманова состоялось после устранения от дел А.П. Мальшинского и который вскоре рассказал ему о «Дружине» и о программе «аристократического» кружка. «Компании, однородные с Земским союзом» – разрозненные оппозиционные силы, разделяющие программу земского конституционализма. «Сеть» – это та паутина «вольнословских» кружков, над созданием которой трудился С.И. Эрастов и другие пропагандисты и которая должна была объединить оппозицию. Легенда о «Земском союзе», таким образом, усилиями редакции «Вольного слова» и «консерваторов-западников» претворяла в жизнь неосуществившиеся надежды земских «левых» и революционеров-конституционалистов конца 1870-х гг. – надежды на достижение тактического соглашения.

§ 4. «Программа Общества Земского союза и самоуправления».

Легенда об «Обществе Земского союза и самоуправления» требовала для своей правдоподобности формулирования программных принципов, вокруг

¹ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 3293. Л. 4 об.

² Драгоманов М.П. Переписка... Т. IV. С. 225.

которых должно было возникнуть реальное объединение оппозиционных сил. И в декабре 1882 г. в Женеве вышла брошюра с названием «Политическая программа общества “Земский союз”». Одновременно с этим в 51 номере «Вольного слова» была помещена заметка, в которой говорилось, что программа является библиографической редкостью и «Вольное слово» обязуется в одном из первых номеров будущего года опубликовать ее на своих страницах. Указывалось также, что в самом обществе «Земского союза» программа не была принята единодушно и, следовательно, ряд вопросов остаются спорными – к их активному обсуждению «Вольное слово» и приглашало читателей¹.

Во время дискуссии 1910-х гг. исследователи высказывали разные мнения по поводу происхождения этого документа. С.Г. Сватиков, например, полагал, что программа была компромиссом между П.П. Шуваловым и В.А. Гольцевым, а А.А. Кизеветтер, напротив, не верил в причастность к ее созданию П.П. Шувалова и считал, что составить его могли только земцы-конституционалисты². На сегодняшний день этот вопрос разрешен. В 1967 г. Ленинградской Научно-исследовательской лабораторией судебной экспертизы и Лабораторией консервации и реставрации документов было проведено исследование чернового варианта программы с рукописными правками на предмет установления авторства. Заключение экспертов, хранящееся в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН, показывает, что программа состоит из трех текстовых блоков: автором основного текста был А.П. Мальшинский, редактировал его П.П. Шувалов, а последняя часть – «важные дополнения» к программе, – была написана рукой М.П. Драгоманова³. Используя материалы экспертизы, об авторстве программы «Земского союза» писали Р.Ш. Ганелин и Б.В. Ананьич. Исследователи полагали, что экспертное заключение подтвердило концепцию

¹ Лемке М.К. Указ. соч. С. 636.

² ИРЛИ РАН. Р. I. Оп. 2. Д. 343. ЛЛ. 138 об., 171.

³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 276. Оп. 2. Д. 146. ЛЛ. 1 – 8.

М.К. Лемке о «Вольном слове» как о полицейской провокации «Дружины», хотя и допускали наличие в среде «дружинников» сторонников «расширения социальной базы самодержавия»¹. Но, как именно конституционно-федералистская программа, повторявшая идеи «Вольного слова», дискредитировала своих авторов, остается неясным. Факт связи «Вольного слова», «Дружины» и земско-украинофильской оппозиции делает более логичным другое предположение – что программа была необходимым шагом в череде попыток придать организационную составляющую формирующимся связям либеральных земств и южных кружков с «аристократической партией», сформулировать принципы для объединения оппозиционных групп. Этим объясняется и настойчивая просьба М.П. Драгоманова к малороссийским деятелям популяризировать именно программные основы «Земского Союза» и не заострять внимание на его организационных началах². В пользу этого говорит и содержание самой программы, отражающее стремление составителей обозначить самые общие, универсальные начала, которые удовлетворили бы как основные требования земско-украинофильских конституционалистов, так и «аристократов». Даже выявленная экспертизой структура программы говорит о ней как о компромиссе, задача которого – сплотить оппозиционные силы на общих принципах гарантии личных прав, расширения сферы самоуправления и народного представительства.

Программа «Общества Земского союза и самоуправления» представляет собой не что иное как проект государственного переустройства. С первых же строк авторы документа заявили, что целью общества является достижение «свободы народов». Далее пояснялось, что «свобода» подразумевает всю полноту прав личности и принцип общественно-политического самоуправления, которые должны лечь в основу будущей государственной

¹ См.: Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. 1) Об авторстве «Политической программы общества “Земский Союз”»... С. 270 – 276; 2) С.Ю. Витте, М.П. Драгоманов и «Вольное слово»... С. 163 – 178.

² Драгоманов М.П. Переписка... Т. IV. С. 224.

системы¹. Содержание основной части программы отсылает к «Письмам о современном положении России» Р.А. Фадеева и И.И. Воронцова-Дашкова, суть которых сводилась к обоснованию необходимости модернизации общественно-политической системы посредством возведения в государственный масштаб принципа земского самоуправления. Авторы «Писем» предлагали сделать волость всесословной единицей и привлечь наиболее способных представителей земли к участию в государственном управлении. Параллель с этой программой составляет и проект «Земского союза». Основной текст проекта разделен на две части, которые даже своими заглавиями вторят «Письмам» Фадеева-Воронцова: первая часть посвящена рассмотрению устройства всесословной волости и так и называется – «Всесословная волость», во второй, называющейся «Общегосударственное самоуправление» – разрабатывается способ сделать принцип всесословной волости моделью государственной системы. В то же время содержание программы «Общества Земского союза и самоуправления» радикальнее проекта «Писем» и отражает непосредственное влияние на него идей М.П. Драгоманова, что позволяет говорить об этом документе как о результате соглашения между представителями разных политических групп. Так, раскрывая понятие самоуправления, составители программы «Земского союза» подчеркивали, что оно включает три ключевых компонента. Первый – это всесословная волость как основа местного и государственного управления; второй – устранение произвола посредством передачи законодательной и контролирующей власти в руки народных представителей; и, наконец, третий компонент, который прямо свидетельствует об участии М.П. Драгоманова в составлении проекта, – это право народов, входящих в состав Российской империи, на создание хозяйственных, культурных, национальных и любых

¹ Политическая программа общества «Земский союз»... С. 1.

иных союзов на основе их общих интересов или мировоззренческой и культурной идентичности¹.

В разделе «Всесословная волость» разрабатывался вопрос устройства государственного быта, в основе которого лежал бы принцип самоуправляющихся сообществ, начиная с волости, и затем на уровне уезда и области. Основой «всесословной волости» должно было стать участие в волостном самоуправлении всех взрослых дееспособных граждан, однако, в какой конкретно форме это участие может осуществляться, в проекте не указывалось. Программы «аристократов» и земских конституционалистов, хотя и сходились в общем направлении мысли, предполагали разные пути практической реализации принципа народного представительства. Из соображений компромисса этот момент программы «Земского союза» получил лишь общее освещение, оставшись дискуссионным: взрослые граждане должны были участвовать в самоуправлении, «если не непосредственно, то путем наиболее широкого представительства». Следующим принципом волостного самоуправления должно было стать уничтожение натуральных повинностей, за исключением военной, и переход всех административных функций в руки представительных органов всесословной волости. Соборания гласных, волостным сходам и громадам предполагалось передать права и обязанности по взиманию налогов, расчету и распределению местного бюджета, заведывание образовательными учреждениями, содержащимися на общественный счет (кроме церковных, т.к., по замыслу авторов программы, церковь отделялась от государства), право создания вместо органов правительственной опеки собственных учреждений для контроля избирателями работы выборных, право местных судов с выборными мировыми судьями решать дела, связанные с преступлениями должностных лиц, при этом полиция также переводилась под управление местного мирового суда. Кроме того, органы всесословной волости, по

¹ Там же. С. 2–3.

программе «Земского союза», получали право издавать обязательные постановления по вопросам местного благоустройства и общественной безопасности. Весь этот раздел «Программы» о построении подлинного самоуправления представляет собой развернутое изложение той части X письма «Писем о современном состоянии России», в которой И.И. Воронцов-Дашков писал о необходимости «все наблюдение за благоустройством деревни передать в руки исключительно земства, ограничив деятельность органов полиции функциями чисто исполнительными»¹. Аналогичным должно было быть и устройство следующей административной единицы – уезда с его главным органом самоуправления в виде собрания уездных гласных, составленных из выбранных всеобщим голосованием представителей волостей, входящих в уезд. Составители программы «Земского союза» подчеркивали, что при схожих полномочиях волостных и уездных органов, последние – «не начальство над волостью», а существуют, чтобы наилучшим образом согласовывать работу волостных сходов, управ и т.д., например, разрешать возможные конфликты между волостями посредством съезда мировых судей уезда, а также вопросы, касающиеся ведения государственными имуществами². Следующим административным уровнем самоуправления в «Программе» А.П. Мальшинского, П.П. Шувалова и М.П. Драгоманова выступала «область». Авторы отмечали, что сущность области, как они ее мыслят, во многом противоположна тому, что представляли собой современные им губернии. В основе существующего губернского устройства был положен принцип бюрократический и формальный. «Область» же должна была стать «живым» образованием, возникшим в результате стремления более мелких единиц к образованию союзов через осознание общих интересов, взаимных выгод или культурной и национальной идентичности. На уровне области также предполагалось

¹ Ср.: Приложение № VI. Политическая программа общества «Земский союз» // Лемке М.К. Указ. соч. С. 837 – 838; Фадеев Р.А., Воронцов-Дашков И.И. Указ. соч. С. 111.

² Приложение № VI... С. 838 – 840.

устройство представительных органов (сейма, рады и т.п.). Такое устройство областного самоуправления соответствовало требованиям культурной и национальной автономии, выдвигаемым украинофилами, которые, как можно видеть на примере лидера движения М.П. Драгоманова, в конце 1870-х – начале 1880-х гг. отождествляли федерализм с административной децентрализацией и широким самоуправлением, основанным на принципах культурно-исторического самоопределения народов, входящих в состав Российского государства¹. Таким образом, базовые положения программы «Общества Земского союза и самоуправления» представляли собой очевидный симбиоз земско-украинофильских взглядов с проектом реформ, сторонниками которого были лидеры «Святой дружины». Отсюда следует, что «провокационным» замысел с несуществующим «Земским союзом» мог быть только при условии, что Р.А. Фадеев и И.И. Воронцов-Дашков при создании «Писем о современном состоянии России» уже имели фантастически «дальновидные» полицейские расчеты. Но такое предположение совершенно лишено смысла.

Следующая часть политической программы «Земского союза» посвящена разработке принципов общегосударственного самоуправления. Примечательно, что вторая часть проекта затрагивала исключительно проблему создания верховных органов народного представительства и прямо не касалась острого вопроса об объеме полномочий главы государства, что также подтверждает компромиссный характер программы. Формальный принцип государственного управления в программе определен не был, как не было и указаний на тип будущего устройства. В этом случае также допускалась вариативность: от конституционной монархии (которая

¹ См.: Драгоманов М.П. 1) Проект оснований Устава украинского общества «Вольный Союз» – «Вільна Спілка», 1884 г. URL: <https://constituanta.blogspot.com/2011/08/1884.html> (дата обращения: 20.12.2022); 2) Автобиография...; Водовозов В. Предисловие // Степняк-Кравчинский С.М. Собрание сочинений. СПб., 1908. Ч. 2. С. VII–XVI; Кочетков Е.Е. Федерализм в Российской империи: идея и практика // Вестник российской нации. 2009. № 2. С. 215 – 236.

«аристократами» упорно именовалась «самодержавной» даже при практическом ограничении власти монарха конституцией) – до, теоретически, президентской республики. Согласно проекту, в России должно было появиться два общегосударственных органа народного представительства: Государственная дума и Союзная дума. Государственная дума должна была состоять из представителей всего населения империи, которые избирались бы всеобщим голосованием. Союзная дума, связанная с культурно-национальными областями, – из представителей областных собраний, которые сами избирали бы из своей среды наиболее достойных представителей. Оба этих органа, по мысли авторов проекта, наделялись бы законодательными функциями. Последнее вполне вписывалось в планы «аристократов», которые говорили о необходимости настоящего, «делового» Земского собора и отрицали как вредоносную фикцию идею игнатьевского совещательного собрания, не обладающего реальными политическими рычагами¹. Государственная и Союзная думы должны были стать органами законодательной власти и противостоять возможному произволу правительства, контролировать его деятельность и направлять в русло законопорядка. Оба органа должны были собираться не по созыву главы государства или других органов власти, а в установленные сроки и работать одновременно. Законы, принятые обеими думами, согласно проекту, получали обязательную силу, наравне с законами, изданными правительством. Кроме того, обе думы, как и любой депутат из их состава, могли делать запросы правительству, а также выражать ему и отдельным его членам недоверие (или, напротив, доверие). Важнейшие государственные вопросы, – планирование бюджета, вопросы войны и мира, международных кредитов и договоренностей и т.д., – предполагалось решать по согласованию с обеими думами. Полномочия Государственной и Союзной дум не были идентичны. Так, в ведение Союзной думы отводился высший надзор за государственными

¹ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 227. ЛЛ. 43 – 44.

имуществами, а ее депутаты, во избежание давления на них, не могли занимать иные государственные должности, получать титулы, ордена и «подарки», способные повлиять на беспристрастность народного избранника. Членам же Государственной думы разрешалось занимать места в Совете министров. По совместному решению главы государства и Союзной думы Государственная дума могла быть распущена при условии, что сразу будет назначена дата новых выборов и осуществлен внеочередной созыв Союзной думы. Если два этих условия не выполнялись, решение главы государства признавалось нелегитимным. В целом содержание программы предполагало серьезные ограничения полномочий главы государства, что делало невозможным сохранение самодержавной модели управления, однако прямо об этом в документе не говорилось. Тем не менее, предложенные правила взаимодействия властных институтов подразумевали именно отказ от самодержавия. Депутаты обеих дум получали даже право на внеочередные заседания, если сочтут, что нечто извне или изнутри угрожает государственной целостности и благосостоянию. Для роспуска таких собраний у главы государства полномочий не было. Верховный руководитель также оказывался зависим от представительных органов и при решении вопроса об изменении основных конституционных законов. Сама возможность их пересмотра открывалась бы только тогда, когда две трети депутатов каждой думы выступят за изменение закона – в таком случае глава государства был бы обязан созвать Собор из всех депутатов обеих дум и представителей областных собраний, на котором и решилась бы судьба предназначенного к пересмотру закона.¹ Таким образом, проект реформы государственного управления, предложенный в программе «Земского союза», подразумевал неизбежное перераспределение субъектно-объектных отношений по вопросу власти. В действительности в отношении самодержавия, такое перераспределение подразумевалось бы любым

¹ Политическая программа общества «Земский союз»... С. 29.

проектом представительства, в том числе самым «консервативным», в виде двухпалатной системы английского образца с превалирующим значением цензового дворянства. В программе «Земского союза» это перераспределение обозначено как переход ряда управленческих полномочий в руки представителей культурно-исторических и хозяйственных областей – Союзной думы – которая задумывалась как независимое властное учреждение. Без ее согласия любой закон, принятый верховной властью единолично, тут же бы аннулировался как неконституционный. Акцент составителей проекта на расширении полномочий именно Союзной думы заметен и в связи с тем, что ее, помимо законодательных функций, планировалось частично наделить и судебными. Совместно с сенаторами Уголовного департамента Союзная дума составляла бы, таким образом, высшую судебную инстанцию государства – Верховный суд, Сенат же сохранял бы полномочия только высшего Кассационного суда. Т.е. любой законопроект, по замыслу авторов программы, должен был бы пройти путь от Союзной и Государственной думы через Сенат и, в случае, если Сенат не найдет его антиконституционным, принимал бы силу закона. Роль главы государства в этой схеме сводилась исключительно к обнародованию нового закона или же запрета Сената на него¹. Как и в английской конституционной системе, которую представители «аристократической партии» считали наиболее рациональной с точки зрения потенциала мирного прогресса, в проекте А.П. Мальшинского, П.П. Шувалова и М.П. Драгоманова глава государства оказывался скорее номинальной фигурой, не самостоятельной и не полновластной, зависимой в своих компетенциях от других инстанций. Хотя вопрос о полномочиях главы государства подробной разработки в программе «Земского союза» не получил, пределы этих полномочий по сравнению с объемом власти самодержавного монарха были значительно сокращены. И, что особенно важно, они были сокращены именно в области законодательства и суда.

¹ Там же. С. 29 – 31.

Сами авторы проекта не были в полной мере удовлетворены достигнутым в «Программе» компромиссом. В 51 номере «Вольного слова» М.П. Драгоманов, приглашая читателей к обсуждению, писал, что члены «Земского союза», т.е. составители проекта, разошлись во мнениях относительно целесообразности ограничения воли главы государства в вопросе роспуска Государственной думы и в некоторых других практических моментах¹. Стремясь найти общие формулировки, на которых могли бы сойтись оппозиционеры разных взглядов, авторы программы были вынуждены оставлять в ней пробелы, что не могло остаться незамеченным. Один из корреспондентов М.П. Драгоманова писал ему, что программа «Земского союза» представляет собой «не политическую программу, не программу действий, а начертание будущего устройства» и оставляет ряд неясностей, самая большая из которых – то, что она совершенно не отвечает на вопрос, какими средствами следует добиваться ее осуществления². Сам М.П. Драгоманов в личной переписке также признавался относительно разработанного проекта, что ему «он нравится меньше, чем многим»³.

Общий смысл программы «Земского союза» верно передан в записке «О ходе секретного дознания по делу о противоправительственных сообществах, не столь вредных», происхождение которой до сих пор однозначно не установлено. М.К. Лемке считал, что записка создана П.П. Шуваловым с целью «смешать все карты» и вызвать скандал разоблачением «Вольного слова»⁴. Но в таком случае неясно, зачем автор документа дискредитирует в глазах власти и саму «Дружину», называя ее создателей (в случае П.П. Шувалова – самого себя) – сторонниками «федеративного конституционализма». Более убедительна другая версия – что записка «о противоправительственных сообществах, не столь вредных» являлась

¹ См.: Лемке М.К. Указ. соч. С. 636.

² Цит. по: Шишманов И.Д. К вопросу о роли графа П.П. Шувалова... С. 204.

³ Цит. по: там же.

⁴ Лемке М.К. Указ. соч. С. 646 – 648.

провокацией официальной полиции, Г.П. Судейкина, добивавшегося вместе с К.П. Победоносцевым и другими противниками И.И. Воронцова и П.П. Шувалова уничтожения «Дружины»¹. Как бы то ни было, составители записки указывали на содержательную связь программы «Общества Земского союза и самоуправления» с проектом П.П. Шувалова, поданным императору в конце мая 1882 г., в котором также проводилась мысль о необходимости создания народного представительства. М.К. Лемке, полагавший, что записка создана самим П.П. Шуваловым с целью скомпрометировать земских конституционалистов и «Вольное слово», проигнорировал противоречие своей версии этой части записки. Автор документа, судя по всему, действительно стремился дискредитировать земское движение, но в тот же стан противоправительственных сил относил и сторонников «федеративного конституционализма» из «Святой дружины». Для П.П. Шувалова не имело никакого смысла рассказывать о своих связях с земско-украинофильской оппозицией и тем самым ставить крест на своих амбициях государственного деятеля. Связь между проектом «Земского союза», запиской П.П. Шувалова и проектом Фадеева-Воронцова при сравнительном анализе этих текстов представляется очевидной. Записка П.П. Шувалова «О совещательном народопредставительстве» и «Письма о современном состоянии России» – документы содержательно родственные, кроме того, первый явно создан на основе второго, о чем свидетельствуют некоторые места шуваловской записки, дословно повторяющие отрывки из работы Р.А. Фадеева и И.И. Воронцова-Дашкова². Характерно и резкое выступление П.П. Шувалова против театрально-зрелищного Земского собора, рядом с которым в тексте даже была пометка о необходимости «смягчить» остроту фразы: «Нельзя шутки шутить с многомиллионным русским народом... Зрелищем никого

¹ Из полицейских расследований... С. 304.

² Ср.: Шишманов И.Д. Конституционная записка... С. 152; Фадеев Р.А., Воронцов-Дашков И.И. Указ. соч. С. 12.

обмануть не удастся»¹. Эти пункты проекта П.П. Шувалова, дополненные федералистскими идеями украинофилов, и получили развитие в «Политической программе общества “Земский союз”», провозгласившей необходимость создания постоянно действующего народного представительства с законодательными функциями².

Несмотря на пробелы в программе «Земского союза», основные политические требования его создателей в документе сформулированы предельно конкретно: политические права, свободы слова, вероисповедания, передвижения, сходок и товариществ, право на независимый и честный суд, неприкосновенность домашнего очага, гарантия всех вышеперечисленных прав и т.д. – вплоть до права сопротивления незаконным действиям представителей власти³. Еще одним требованием программы была демократизация государственного аппарата и административная децентрализация. В этом отношении программа «Земского союза» предусматривала больше, чем требовали в этот период даже народовольцы. Последние были готовы передать рассмотрение вопроса о форме правления Учредительному собранию и согласиться с его решением, тогда как программа А.П. Мальшинского, П.П. Шувалова и М.П. Драгоманова изначально предполагала конституционное ограничение полномочий верховной власти и отказ от принципа единоличного правления. Программа «Народной воли», как и письмо Исполнительного комитета к Александру III, выдвигала на первый план лишь потребность в конституционных гарантиях и созыве народного представительства, но допускала и сохранение существующей формы правления при поддержке ее большинством населения – т.е. в политическом отношении была по факту умереннее программы «Земского союза». Иначе обстояло дело в вопросе тактики борьбы. Революционную «дезорганизацию правительства», иными словами террор, авторы проекта «Земского союза»

¹ Цит. по: Шишманов И.Д. Конституционная записка... С. 152.

² Там же. С. 152–153.

³ Политическая программа общества «Земский союз»... С. 3.

считали недопустимым, поскольку насильственные средства борьбы противоречили самой центральной идее о верховенстве закона и гарантиях прав личности. Программа предлагала добиваться перестройки системы государственного управления строго мирными способами.

Анализ совокупности программных и тактических положений проекта позволяет говорить, что он был планом «революции без террора» и преследовал двоякую цель. С одной стороны, представить общественности формально не существовавшую организацию «Земский союз», а с другой – посредством максимально общих, компромиссных формулировок стать платформой для сплочения конституционной оппозиции.

Историю общества «Святая дружина» необходимо рассматривать в связи с тенденцией к консолидации антиправительственных сил, обозначившей себя на рубеже 1870-х – 1880-х гг. и имевшей своим выражением стремление леволиберальных и революционных групп к заключению тактического союза на основе принципов земского конституционализма. «Дружина», официально возникшая как полицейско-охранительный союз, была учреждена сразу после гибели Александра II в условиях усиления в правительственных и придворных кругах реакционных настроений и страха перед революционной угрозой. Хотя общество и возникло под знаменем борьбы с терроризмом, исследование личных общественно-политических воззрений его идейных лидеров выявляет наличие у глав «Дружины» иных, отличных от официальных, целей. Помимо формальных охранительных задач, деятельность руководства «Дружины» имела в своей основе программу обширных преобразований конституционного толка. Официальные уставные документы «Дружины» отражали, таким образом, не сущность самого предприятия, а скорее условия, на которых весной 1881 г. могло быть допущено существование подобной

организации, активно вовлеченной в придворную борьбу за влияние на политический курс нового императора.

Анализ биографий и личных воззрений лидеров «Святой дружины» отсылает к истории «аристократической» оппозиции 1860-х гг., концентрировавшейся в земских учреждениях. К концу 1870-х – началу 1880-х гг. в политическом отношении «аристократическая партия» находилась на правом фланге либерального движения, соприкасаясь в своих чаяниях с земскими «левыми» конституционалистами. Политической платформой оппозиционных «аристократов» была система, изложенная Р.А. Фадеевым и И.И. Воронцовым-Дашковым в работе «Письма о современном состоянии России», изданной в 1881 г. за границей, и развитая П.П. Шуваловым в своих записках и заметках. Проект «аристократической партии» может быть characterized как либерально-консервативный, а ее политические принципы сведены к требованиям конституционной реформы и модернизации аппарата управления. Центральным принципом этого проекта являлось признание ценности прав и свобод личности, которые в свою очередь служат залогом благосостояния и прогрессивного развития государства. «Аристократическая» оппозиция преследовала цель демократизации государственного управления путем привлечения к нему представителей общества. Непосредственное участие земли в деле государственного управления, по мысли «консерваторов-западников», как они сами именовали себя, должно было осуществляться путем создания специальных органов народного представительства, функционирующих на постоянной основе и наделенных законодательными полномочиями. В целом программа Р.А. Фадеева, И.И. Воронцова-Дашкова и П.П. Шувалова носила конституционно-монархический характер. Однако особое внимание, уделенное в ней вопросам земского самоуправления и убежденность в необходимости перестроить по земскому образцу весь государственный аппарат, открывало возможность программного сближения «аристократов» с представителями более радикального крыла земско-украинофильской оппозиции.

Площадкой для этого сближения стало созданное и финансируемое «Дружиной» женевское издание «Вольное слово». Редакция газеты объявляла своей целью консолидацию сил оппозиции на общей земско-конституционной платформе, которая должна была оформиться в результате свободной дискуссии на страницах издания. К участию в газете были привлечены представители разных оппозиционных групп: украинофил-федералист М.П. Драгоманов, «чернопеределец» П.Б. Аксельрод, народоволец И.П. Присецкий и др. В силу начавшейся кампании по дискредитации «Вольного слова» и его первого редактора, издание возглавил М.П. Драгоманов, и газета стала последовательно проводить линию на создание общепозиционной, но принципиально не террористической программы. Анализ содержания «Вольного слова» показывает, что на его страницах действительно шла выработка демократического проекта, синтезировавшего основные требования земско-украинофильского движения с конституционно-монархическими принципами основателей издания. Версия о провокаторском характере «Вольного слова» и полицейской деятельности П.П. Шувалова при исследовании обширного пласта источников подтверждения не находит.

Результатом идейного симбиоза программы «аристократической» оппозиции и земско-украинофильских принципов стало провозглашение «Вольного слова» изданием «Общества Земского союза и самоуправления». Само «Общество» реального существования на тот момент не имело, а выступление М.П. Драгоманова от его имени имело целью привлечь к нему лиц, поддерживающих направление газеты, и тем самым сделать организацию действительно существующей. С этими целями А.П. Мальшинским, П.П. Шуваловым и М.П. Драгомановым была разработана и опубликована «Политическая программа общества “Земский союз”», которая соединяла требования административной децентрализации, законодательных гарантий прав и свобод личности и народного представительства. Легенда о «Земском союзе» и компромиссная конституционная программа должны были завершить неудавшиеся попытки южнороссийских земцев создать

объединенный фланг оппозиции и способствовать консолидации разнородных сил в борьбе за конституционные преобразования. В пользу данной концепции говорит и анализ деятельности руководителей «Дружины» в контексте общественно-политической обстановки периода. После гибели Александра II и в течение первых лет правления Александра III определенности относительно нового политического курса не было, в связи с чем в придворных сферах все большее значение приобретали неофициальные отношения. Царствование Александра III зачастую связывается с именами таких консерваторов, как К.П. Победоносцев и Д.А. Толстой, однако этому лагерю в ближайшем окружении императора противостояли сторонники возвращения на путь Великих реформ, к числу которых и принадлежали лидеры «Святой дружины». История «Вольного слова» и «Земского союза» связана с борьбой этих двух тенденций конца 1870-х – начала 1880-х гг., когда охранительному традиционализму противопоставлялась «западническая» прогрессистская программа. Последнюю разделяли представители разных оппозиционных направлений: и либералы-консерваторы «аристократической партии», и земские «левые», и украинофилы, и революционные конституционалисты. Таким образом, идея «Земского союза» как признание необходимости консолидации антиправительственного лагеря оказывалась универсальной формулой, которую искали сторонники продолжения либеральных реформ, а его программа – попыткой выработки компромиссной политической платформы.

ГЛАВА 3. В ПОИСКАХ СОЮЗА: РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЖЕНЕВА

§ 1. М.П. Драгоманов и революционная эмиграция.

Попытка создания «Земского союза» в России в конце 1870-х гг. завершилась неудачей – достигнуть договоренности удалось только земско-украинофильским группам, присоединению же к ним революционеров

препятствовала полемика по вопросу террора. В начале 1880-х гг. попытку сплочения конституционной оппозиции предприняла редакция женевской газеты «Вольное слово», финансируемая «Святой дружиной». Газета почти сразу возбудила против себя подозрения, поскольку из России от Я.В. Стефановича поступили сведения, будто учредитель «Вольного слова» состоит на службе в Департаменте полиции. Кампанию против «Вольного слова» разжигала провокаторская газета «Правда», однако поддержали ее в этом и народники-эмигранты. Последнее кажется труднообъяснимым. Революционеры быстро «раскусили» реальный облик издания но тем не менее, дабы отдать «“Вольное слово” на распятие “Правде”», продолжали высказываться в духе этой дискредитировавшей себя газеты¹. Для прояснения этого вопроса необходимо более детально рассмотреть жизнь «подпольной» Женевы конца 1870-х – начала 1880-х гг. и понять, какими были взаимоотношения внутри самой эмигрантской среды.

В этот период Женева являлась одним из главных центров политической эмиграции. В конце 1870-х – начале 1880-х гг. здесь проживали и польские революционеры, и анархисты, и украинофилы, и российские народники, и представители других опальных групп. Несмотря на пестроту состава, политическая эмиграция была сообществом – эмигранты контактировали друг с другом, часто устраивали общие собрания, обсуждали политические новости, вопросы политической борьбы, кооперировались для решения бытовых проблем². Известно, например, что русские эмигранты столовались у вдовы французского коммунара мадам Грессо, кафе которой стало своеобразным политическим клубом и центром культурной жизни эмигрантов³. Признанным лидером этого сообщества со второй половины 1870-х гг. был популярный среди оппозиционной молодежи опальный

¹ Заславский Д.И. Взволнованные лоботрясы. М., 1931. С. 88.

² Спицина Е. В. «Идеологическая» война в Женеве в конце 1870-х – начале 1880-х гг.: «Черный передел» против М.П. Драгоманова // Клио. 2016. № 3. С. 79.

³ Итенберг Б.С. Указ. соч. С. 176.

киевский профессор М.П. Драгоманов. Он проживал в Женеве с 1876 г., после увольнения «по третьему пункту» из Киевского университета (по причине политической неблагонадежности, с запрещением в дальнейшем занимать государственные должности)¹. Увольнение последовало после того, как М.П. Драгоманов 7 сентября 1875 г. ответил отказом на повторное – первое было летом того же года – предложение Киевского попечителя подать в отставку. В Киев собирался приехать император, и потому было решено «очистить» университетские круги от «неблагонадежных» представителей преподавательского состава².

Многие эмигранты вспоминали, что М.П. Драгоманов имел в их среде авторитет непререкаемый и оказывал серьезное влияние на образ мысли молодежи вне зависимости от принадлежности к политическому лагерю. П.Б. Аксельрод, состоявший группе «Черный передел», писал, что М.П. Драгоманов «пользовался... большим уважением, несмотря на свое расхождение с господствовавшими в нашей среде взглядами... Это был человек с большими знаниями, несомненно, талантливый, глубоко преданный своей идее. В России... он занимал профессорскую кафедру, имел довольно видное, независимое положение в обществе, но бросил все и добровольно стал эмигрантом, чтоб отдаться всецело пропаганде против правительства»³. В.И. Засулич отзывалась о М.П. Драгоманове как о человеке, обладающем «политической честностью», «умом, практичностью, наблюдательностью»⁴. Несмотря на подчеркнута уважительные более поздние отзывы лично о М.П. Драгоманове, в рассматриваемый период товарищи В.И. Засулич и П.Б. Аксельрода по «Черному переделу» принимали активное участие в кампании против «Вольного слова». Уже упомянутое письмо С.М. Кравчинского брату

¹ Спицина Е.В. «Идеологическая» война в Женеве в конце 1870-х – начале 1880-х гг.: «Черный передел» против М.П. Драгоманова // Клио. 2016. № 3. С. 79 – 80.

² См.: Драгоманов М.П. Автобиография. Киев, 1917. С. 35 – 36; Сватиков С.Г. Опальная профессура... С. 31 – 33.

³ Аксельрод П.Б. Указ. соч. С. 184.

⁴ Засулич В.И. Указ. соч. С. 181.

другого видного чернопередельца Л.Г. Дейча свидетельствовало, что последние способствуют распространению слухов о провокаторской деятельности редакции «Вольного слова»¹. Ряд обстоятельств указывают на то, что лидер «Черного передела» Г.В. Плеханов и его ближайшие соратники Л.Г. Дейч и Я.В. Стефанович питали к М.П. Драгоманову личную неприязнь, которую П.Б. Аксельрод и В.И. Засулич попытались в своих воспоминаниях сгладить. «Хронический» конфликт чернопередельцев с М.П. Драгомановым разгорелся сразу с момента их приезда в начале 1880 г. в Женеву. Итогом конфликта стал раскол эмигрантской среды и образование антидрагомановского лагеря во главе с Г.В. Плехановым, что не могло не подрывать работу «Вольного слова» по популяризации земско-конституционных и объединительных идей.

Воспоминания участников и свидетелей конфликта позволяют установить хронологию этой вражды. Известно, что летом 1880 г. отношения между профессором и лидерами «Черного передела» уже были напряженными и к 1882 г. испортились настолько, что, как писала В.И. Засулич, «при встречах на улице мы едва кланялись, а чаще старались не замечать друг друга»². Общих с М.П. Драгомановым товарищей чернопередельцы ставили перед необходимостью выбора, требуя прекратить отношения с одной из сторон конфликта. Так, П.Б. Аксельрод, который сотрудничал в «Вольном слове» и относился к М.П. Драгоманову с большой симпатией, весной 1882 г. под давлением товарищей был вынужден уйти из газеты и отказаться таким образом от единственного заработка, позволявшего содержать семью³. П.Б. Аксельрод в своих воспоминаниях объяснял, что причиной гнева плехановцев была несвоевременная, по их мнению, статья М.П. Драгоманова «Обаятельность энергии». Чернопередельцы в то время, несмотря на

¹ См.: Дейч Л.Г. Кравчинский... С. 59.

² Засулич В.И. Указ. соч. С. 189.

³ Спицина Е.В. «Идеологическая» война в Женеве в конце 1870-х – начале 1880-х гг.: «Черный передел» против М.П. Драгоманова // Клио. 2016. № 3. С. 80.

неприятие террора, активно стремились к воссоединению с «Народной волей», в статье же М.П. Драгоманова в свойственной ему манере, остро и язвительно критиковался авторитарный централизм народовольческой программы. Как раз на момент выхода этой статьи шли переговоры о присоединении чернопередельцев к партии «Народной воли» и о создании ими за границей совместного журнала. Также в ряду причин конфликта П.Б. Аксельрод неопределенно отмечал некие старые обиды своих товарищей на М.П. Драгоманова, которые списывал на его украинофильство¹. С.М. Степняку-Кравчинскому, который был близким другом М.П. Драгоманова, кружок Г.В. Плеханова также поставил ультиматум: либо разрыв с «Черным переделом», либо присоединение к открытому письму против М.П. Драгоманова. С.М. Степняк прекращать общение с профессором отказался. Л.Г. Дейч вспоминал позже, что они с товарищами поначалу негодовали по этому поводу, но вскоре смирились и стали подтрунивать над ним. Л.Г. Дейч писал: «Мы иронизировали, отпускали шутки, а Г.В. Плеханов сочинил даже пародию на лермонтовского «Демона», в какой Кравчинский фигурировал в роли Тамары, соблазненной демоном – Драгомановым»². Однако без последствий поступок С.М. Степняка не остался – его сняли с должности редактора планировавшегося к выпуску журнала «Вестник “Народной воли”»³.

Идеологическая риторика «войны» «Черного передела» против М.П. Драгоманова создает впечатление, что конфликт носил сугубо политический характер и был порожден неприятием чернопередельцами украинофильства редактора «Вольного слова». Однако анализ общественно-политических воззрений сторон свидетельствует об обратном. Программа чернопередельцев в ключевых вопросах вполне сообразовывалась с курсом «Вольного слова» и взглядами М.П. Драгоманова, изложенными им во множестве статей и программной работе «“Вольный союз” – “Вільна спілка”». Так, принципами

¹ Аксельрод П.Б. Указ. соч. С. 415.

² Дейч Л.Г. Кравчинский... С. 63 – 64.

³ Там же. С. 62; Вахрушев И.С. Указ. соч. С. 189.

последней были: политическая и гражданская свобода, децентрализация, федерализм, самоуправление, свободное развитие народностей, отказ от насилия как средства борьбы, народное представительство. Для сравнения – взгляды лидера «Черного передела» в одноименной газете: «Свободное общинное самоуправление и самоуправление; ... равное для всех право на участие в обсуждении общественных вопросов и свободное... соединение общин в более крупные единицы – “земли”»¹. Высказывания Г.В. Плеханова, вторящие мысли М.П. Драгоманова о пользе пропаганды на почве местных интересов, ясно говорят, что украинофильство не могло быть причиной конфликта. «Социалистическая литература не должна игнорировать местные, национальные, исторические или экономические особенности, – писал Г.В. Плеханов – а, напротив, совершенно приспособить к ним свою деятельность и, уже исходя из всем понятных, местных интересов, стараться сглаживать шероховатости, примирять существующий между различными народностями... антагонизм»². Еще один пункт рассуждений чернопередельцев, идентичный соответствующей позиции программы М.П. Драгоманова: «Лишь федеративный принцип в политической организации освободившегося народа, только полное устранение принудительного начала... и свободная организация снизу вверх – может гарантировать нормальный ход развития народной жизни... Малороссия, Белоруссия, Польша, Кавказ, Финляндия, Бессарабия – каждая из этих составных частей Российской Империи... требует самобытного, автономного развития»³. С идеей автономии «естественных» областей чернопередельцы, как и М.П. Драгоманов, связывали необходимость учреждения Земского собора⁴. Наконец, в вопросе тактики борьбы Г.В. Плеханов также сходил с М.П.

¹ [Плеханов Г.В.] Черный Передел («Черный Передел» № 1) // Плеханов Г.В. Сочинения. М.; Л., 1927. Т. 1. С. 111 – 112.

² [Плеханов Г.В.] Об издании Русской социально-революционной библиотеки (Женева, 1880 г.) // Там же. С. 142.

³ Цит. по: Аксельрод П.Б. Указ. соч. С. 344 – 345.

⁴ [Плеханов Г.В.] Заявление прежних издателей «Черного Передела»... С. 133 – 134.

Драгомановым. Оба не одобряли террор, однако глава «Черного передела», опасаясь срыва переговоров с «Народной волей», в определенный момент прекратил открыто высказываться об этом. Позже, объясняя свою «уступчивость» в таком принципиальном вопросе, Г.В. Плеханов писал, что «неуступчивость» была бы бесполезна, тогда как умолчание позволяло рассчитывать на уступки марксистского толка со стороны «Народной воли»¹.

На программную близость с М.П. Драгомановым и неправдоподобность аргументов о политической розни как корне конфликта косвенно указывал в одном из писем П.Л. Лаврову и сам Г.В. Плеханов. Он досадовал, что «Черный передел» оформился как «орган социалистов-федералистов» и тем самым оказался неизбежно связан с М.П. Драгомановым, с которым лидер народников лично готов воевать «не на жизнь, а на смерть»². В качестве средства этой борьбы в дело шла и «травля» «Правдой», и распространение ложных интерпретаций украинофильства как националистического движения³. Примечательно, что в трудах Г.В. Плеханова невозможно найти обстоятельной критики положений земско-украинофильской программы, однако регулярно встречается противопоставление принципа политического, которого, как и народовольцы, придерживался М.П. Драгоманов, – социальному, политической революции – социальной, размежевание которых присутствовало в это время лишь в риторике народников⁴. К слову, на такое абстрактное понимание народниками первого тома «Капитала» указывал и сам К. Маркс. Еще в ноябре 1880 г. в письме Ф.А. Зорге он писал: «Эти господа против всякой революционно-политической деятельности. Россия должна одним махом перескочить в анархо-коммунистически-атеистический рай. Пока же они готовят этот прыжок нудным доктринерством»⁵.

¹ [Плеханов Г.В.] Предисловие к первому тому первого издания Собрания сочинений // Там же. С. 26 – 27.

² Письма Г.В. Плеханова к П.Л. Лаврову... С. 78.

³ Там же. С. 78, 91.

⁴ Тун А. Указ. соч. С. 201 – 202.

⁵ Цит. по: Григорьева Е.А. К. Маркс и его ученики на родине ленинизма // Вопросы истории. 2007. № 1. С. 63 – 64.

Изложение Г.В. Плехановым своих идей К. Маркс называл «моей мнимой теорией», добавляя, что если «марксисты» таковы, тогда сам он – «не марксист»¹. К. Маркс даже обратился к Г.В. Плеханову лично, попытавшись в письме объяснить ему догматическую скудость такой трактовки «Капитала» и необходимость практической политики. Разделяя требования конституционалистов, К. Маркс писал, что только конституция и демократические свободы способны открыть возможность перестройки народного быта, поскольку общине грозит не некая «историческая неизбежность», а вполне конкретное обстоятельство – отсутствие «нормальных условий развития»².

В своих воспоминаниях чернопередельцы стремились представить конфликт с М.П. Драгомановым как вызванный сугубо идейными разногласиями, однако другие свидетели событий видели несоответствие таких рассказов действительности. Например, В.К. Дебогорий-Мокриевич писал, что размолвка между М.П. Драгомановым и «Черным переделом» началась задолго до появления статьи «Обаяние энергии» и никак не была связана с критикой народничества, тем более, что со многими народниками М.П. Драгоманов был в приятельских отношениях. Подлинной причиной полемики являлась личная неприязнь Г.В. Плеханова, Л.Г. Дейча и Я.В. Стефановича к редактору «Вольного слова», вызванная его едкими замечаниями об этическом диссонансе между программой и деятельностью последних, а также нравственном облике отдельных революционеров³. «Обаятельность энергии» вновь ударила в то же место. М.П. Драгоманов писал: «Как последствие... легкости отношения к принципам, видим... потерю ясности положительного политического сознания в... революционных кругах, – а затем неизбежное понижение требований от личности революционных деятелей, чем объясняется существование наряду с лицами

¹ Цит. по: Там же. С. 66.

² Там же. С. 64.

³ Дебогорий-Мокриевич В.К. По поводу статьи Дейча... С. 68 – 70.

высокой энергии... большого процента предателей во всех русских политических процессах... Разве не поучительно, что тот же самый Гольденберг, который по принципу убил харьковского губернатора, по принципу же, в качестве “социалиста-народника”, убивал и политиков-террористов откровениями перед Лорис-Меликовым? А сколько... примеров нетерпимости, мелочной грызни..., интриг, взаимного обмана, клевет... Что же увидели бы мы, если бы хотя какая-нибудь из... революционных фракций действительно приблизилась к власти? “Исполнительный Комитет” представил собою только отдаленное подобие власти, а уже и теперь... мы видим признаки своего рода придворных нравов, например: боязнь противоречить ему в чем-либо, даже указать ему... явные его ошибки, – безмолвное поддакивание его централистической государственности со стороны вчерашних федералистов и анархистов, стремление помазаться его славою...».¹ Последние слова были прямо адресованы чернопередельцам, которые, хотя и объявляли себя прежде противниками террора, с лета 1881 г. вели переговоры о присоединении к «Народной воле»² и ради этого были готовы отказаться от критики террора³.

Свое возмущение чернопередельцы выразили в открытом письме М.П. Драгоманову, в котором обвинили его в безосновательных оскорблениях, намеренном изображении революционеров «в непривлекательном свете» и подрыве их репутации. Однако, вместо опровержения фактов, приведенных М.П. Драгомановым, чернопередельцы изображали искреннее непонимание, о каких раздорах среди революционеров идет речь и кто такие эти «вчерашние федералисты», стремящиеся «помазаться славой» Исполнительного комитета⁴.

¹ Цит. по: АДП РНБ. Ф. 1098. Оп. 1. Д. 175. ЛЛ. 1 – 2.

² Аксельрод П.Б. Указ. соч. С. 415.

³ Дейч Л.Г. Г.В. Плеханов... С. 106 – 107.

⁴ АДП РНБ. Ф. 1098. Оп. 1. Д. 175. ЛЛ. 2 – 4.

Что настоящей причиной разлада была именно плохо скрываемая личная неприязнь, ясно прослеживается в работах Л.Г. Дейча, в которых преимущественное внимание уделяется не идейным вопросам полемики, а описанию неприглядных качеств М.П. Драгоманова: его мнимого национализма, самолюбия, требовательности, раздражительности, обидчивости и т.д.¹ Подобный подход не выдерживает критики. Так, например, национализм, который Л.Г. Дейч, повторяя Г.В. Плеханова, приписывал М.П. Драгоманову, опровергается известным фактом, что последний прямо называл это явление «грязным»² и не единожды подчеркивал, что украинский народ составляет часть «всеславянского содружества», за что украинские националисты даже объявили его «космополитом», «москвофилом» и «врагом национальной идеи»³. Позже на том, что украинофильство противоположно национализму, настаивал П.Б. Струве, считавший себя преемником идей М.П. Драгоманова⁴. Да и сам Л.Г. Дейч периодически путался в противоречиях. Так, обвиняя М.П. Драгоманова в заносчивости, он упоминал, что зимой 1883/1884 гг. последний пытался наладить отношения с его товарищами, придя на собрание, но коснулся в своей речи болезненной для Г.В. Плеханова темы Казанской демонстрации 1876 г., за что был изгнан⁵. Что касается «излишней требовательности», речь шла, очевидно, о вопросах нравственного характера. Языковед Д.Н. Овсяннико-Куликовский, лично знавший М.П. Драгоманова, именно в этом видел

¹ Дейч Л.Г. 1) Украинская и общерусская эмиграция // Вестник Европы. 1914. № 8. С. 221 – 223; 2) М.П. Драгоманов в изгнании // Вестник Европы. 1913. № 10. С. 211 – 217; 3) За рубежом // Вестник Европы. 1912. № 9. С. 181 – 182.

² Дебогорий-Мокриевич В.К. По поводу статьи Дейча... С. 70.

³ ОР РНБ. Ф. 621. Оп. 1. Д. 287. Л. 10 об.; Драгоманов М.П. Автобиография // Былое. 1906. № 6. С. 187, 197 – 203; Лукеренко В.Л. Указ. соч. С. 1; Иванова Р.П. Указ. соч. С. 6.

⁴ См.: Струве П.Б. Откуда и куда // Освобождение. Париж, 1904. Кн. 2. С. 15 – 29; В.М. [Мякотин В.А.] Украинство и русская интеллигенция // Русское богатство. 1912. № 4. С. 113 – 125; Василевский (Плохоцкий) Л. Социализм и национальная ассимиляция (Письмо из Австрии) // Русское богатство. 1912. № 6. С. 31 – 55.

⁵ Спицина Е. В. «Идеологическая» война в Женеве в конце 1870-х – начале 1880-х гг.: «Черный передел» против М.П. Драгоманова // Клио. 2016. № 3. С. 81.

причину вражды к нему, говоря, что его недоброжелатели в его присутствии «испытывали род нравственной болезни» и не могли ему этого простить¹.

Вражда «Черного передела» с М.П. Драгомановым действительно началась с истории Казанской демонстрации, которая, по мнению плехановцев, открыла новую веху в истории освободительного движения². Последовательность событий того дня точно установлена. Вместо планировавшихся организаторами 2-х – 3-х тысяч человек, на площади собралось не более 3-х сотен демонстрантов; рабочих почти не было – толпа состояла преимущественно из зевак и посетителей собора (6 декабря – день поминовения Николая Угодника)³. Свидетели событий вспоминали, что оратор, Г.В. Плеханов, обратился к присутствующим со словами: «“Мы всегда чтим этот день в память сосланных в каторжную работу...” и, произнеся затем несколько фамилий и невнятных слов, закончил... криком: “да здравствует свобода! ура!”»⁴, – после чего произошла массовая драка и побег лидеров демонстрации. Многие из пришедших на площадь были приглашены якобы на панихиду по Н.Г. Чернышевскому и не подозревали о реальных намерениях организаторов демонстрации. В итоге, введенные в заблуждение люди были схвачены и понесли наказания⁵. В революционных кругах событие было оценено как бессмысленное и отвращающее людей от «Земли и воли»⁶. Либеральная пресса издевательски называла демонстрацию «крестовым походом под предводительством козы и гуся»⁷, обывателям же она и вовсе

¹ Овсяннико-Куликовский Д.Н. Воспоминания. СПб., 1923. С. 135 – 139.

² Моисеенко П.А. Воспоминания старого революционера. М., 1966. С. 19.

³ Спицина Е. В. «Идеологическая» война в Женеве в конце 1870-х – начале 1880-х гг.: «Черный передел» против М.П. Драгоманова // Клио. 2016. № 3. С. 81.

⁴ Цит по: Прокламация о демонстрации на площади Казанского собора в Петербурге. 1876 // Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов. М., 1950. Т II. Ч. 2. С. 189.

⁵ Любатович О.С. Указ. соч. С. 28 – 29.

⁶ Пелевин Ю.А. Первая протестная демонстрация в России // Вопросы истории. 2012. № 8. С. 23.

⁷ Хроника. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1877. № 1. С. 379 – 380.

виделась кабацкой дракой¹. Сразу после демонстрации ее организаторы выпустили прокламацию, в которой пытались представить произошедшее первым революционным выступлением рабочих². Позже эта версия вошла и в советскую историографию³. В действительности, как вспоминали участники событий, в том числе сам Г.В. Плеханов, рабочие проявили к мероприятию почти полную безучастность, «цель и значение демонстрации им не были понятны», отреагировали на агитацию «Земли и воли» лишь единицы, да и те, придя на площадь, вскоре разбрелись по соседним трактирам⁴.

М.П. Драгоманов, как и многие революционеры, воспринял Казанскую демонстрацию отрицательно и выступил с открытой критикой организаторов акции, упрекая их в безответственности и позорном бегстве, обернувшимся трагедией для многих неповинных лиц. Он писал: «Мы не умеем выбрать себе, хотя бы и не широкую идею, не красное знамя, – да стать с ним твердо... Нет, мы в кармане носим знамена самые красные, да показать их не везде смеем, или же, если и на площадь вынесем... – то как только полиция подступит, побежим и присягнем, что и не думали носить, а на площади оставим только тех, кто не может сказать ничего другого, кроме: «знать не знаю»!.. Мы... умеем петь: “умрешь не даром! Дело прочно, когда под ним струится кровь”!.. Мы не знаем, или больше: – не чувствуем..., что такие слова не шутка... Сказал: “иди – умрешь”! так сам иди и умирай. Сказал: “кровь”! вышел на

¹ См.: Протокол допроса свидетеля С. Рябина (от 14 декабря 1876 г.) // Первая рабочая демонстрация в России. К пятидесятилетию демонстрации на Казанской площади в Петербурге 6/18 декабря 1876 г. Сборник воспоминаний и документов. М.; Л., 1926. С. 25; Корольчук Э.А. Предисловие // Там же. С. 16 – 17; Пелевин Ю.А. Первая протестная демонстрация... С. 19; Спицина Е.В. «Идеологическая» война в Женеве... С. 81.

² Прокламация о демонстрации... С. 187 – 188.

³ См.: Ленин В.И. Начало демонстраций // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1967. Т. 5. С. 369; Хейсин М.Л. Рабочее движение в России. Краткий исторический очерк. Пг., 1917. С. 16; Корольчук Э.А. Указ. соч. С. 3 – 18; Соколов О.Д. На заре рабочего движения в России. М., 1978. С. 232 – 234.

⁴ Плеханов Г.В. Русский рабочий в революционном движении (По личным воспоминаниям). М., 1940. С. 37; Бибиргаль А.Н. Воспоминания о демонстрации на Казанской площади // Каторга и ссылка. 1926. № 7 – 8. С. 24 – 25; Чернавский М.М. Демонстрация 6 декабря 1876 года. По воспоминаниям участника // Каторга и ссылка. 1926. № 7 – 8. С. 16.

улицу и на площадь, так раздумай, стоит ли идти, а если уже пошел из-за вещи, которая в самом деле стоит того, так бери револьвер, нож, хоть вилы, и не уходи, а стреляй, режься, если нужно! А боишься, – так лучше зови людей не к крови, а к “мирному прогрессу”...»¹. Столь резкая критика сильно ударяла по репутации Г.В. Плеханова и подрывала его лидерские амбиции, из-за чего он и испытывал вражду к М.П. Драгоманову. Отбиваясь от обвинений, он представлял демонстрацию 6 декабря событием исторического масштаба – как начало традиции политических демонстраций в России, а также отрицал наличие жертв, игнорируя тот факт, что 36 человек было схвачено и 21 осужден, причем некоторые – на каторжные работы до 15 лет².

Другие чернопеределцы – Я.В. Стефанович и Л.Г. Дейч – также имели давние счеты с М.П. Драгомановым за его резкую критику чигиринской авантюры. Так называемое «Чигиринское дело» имело место в 1875 – 1876 гг. Л.Г. Дейч и Я.В. Стефанович попытались организовать в Чигиринском уезде крестьянское восстание посредством «монархической мистификации». Полагая, что революционная цель оправдывает любые средства³, они обратились к крестьянам от имени царя и напечатали для правдоподобности «Золотую грамоту», в которой царь будто бы призывал крестьян к переделу помещичьей земли и разрешал расправляться с оказывающими сопротивление⁴. В 1876 г. почти тысячная крестьянская дружина Л.Г. Дейча и Я.В. Стефановича была раскрыта, а сама эта история вызвала в революционной среде шквал возмущения. Г.А. Лопатин писал П.Л. Лаврову, что методы «чигиринцев» не соотносятся с идеалами свободы⁵, то же имел в виду и Л.А. Тихомиров, когда говорил, что для подобных действий «нужно

¹ Драгоманов М.П. Украинская «Громада» в рецензии г. Стефановича // [Драгоманов М.П.] Собрание политических сочинений М.П. Драгоманова. Париж, 1906. Т. 2. С. 219.

² Пелевин Ю.А. Первая протестная демонстрация... С. 21 – 22.

³ Дейч Л.Г. 1) Шаг назад (По поводу книги В. Богучарского «Активное народничество в семидесятых годах») // Современный мир. 1913. № 6. С. 222; 2) От народничества к марксизму... С. 177 – 178; Терехова С.А. Указ. соч. С. 19 – 22.

⁴ Тихомиров Л.А. Заговорщики и полиция. М.; Л., 1928. С. 212.

⁵ Лавров – годы эмиграции... Т. 1. С. 554

утратить многое из принципов социализма»¹. В сходном ключе высказался и М.П. Драгоманов, заявив, что «чистое дело требует чистых средств», а подобные методы дискредитируют социалистические идеалы². Отвечая на критику, чернопередельцы не решались дискутировать об этической стороне дела, однако же стремились оправдать своих товарищей, подчеркивая эффективность и положительное «теоретическое» значение их действий³. Так, во втором номере своего издания Г.В. Плеханов писал, что чигиринская авантюра важна «как чрезвычайно важный опыт создания революционной организации среди народа», «сами инициаторы... никогда не имели намерения поддерживать этой веры в царя среди крестьян», а стремились «к ослаблению авторитарного принципа и к развитию революционной самодеятельности народа»⁴. Похожим образом оправдывал тактику Л.Г. Дейча и Я.В. Стефановича и П.Б. Аксельрод, ссылаясь на «практическую» жилку и пылкость и идеализм своих товарищей⁵. Показательны и воспоминания самого Л.Г. Дейча, в которых самооправдания чередуются с выпадами против М.П. Драгоманова. На это свойство работ Л.Г. Дейча указывал даже его бывший товарищ по бунтарскому кружку В.К. Дебогорий-Мокриевич⁶, также связанный с этой неблагоприятной историей⁷, но не пытавшийся себя «обелить» обвинениями в адрес критиков. Например, в одной из статей Л.Г. Дейч писал, что разделяет принцип «чистоты средств», однако для достижения результата они с Я.В. Стефановичем были «вынуждены» прибегнуть к неэтичным средствам. Далее следовали ответные обвинения М.П. Драгоманова и намеки,

¹ Тихомиров Л.А. Заговорщики и полиция... С. 54.

² Драгоманов М.П. 1) Терроризм и свобода... С. 290, прим.; 2) Шевченко, украинофилы и социализм // Громада. Українська Збірка. Женева, 1879. № 4. С. 210.

³ Спицина Е. В. «Идеологическая» война в Женеве в конце 1870-х – начале 1880-х гг.: «Черный передел» против М.П. Драгоманова // Клио. 2016. № 3. С. 82.

⁴ [Плеханов Г.В.] От редакции (по поводу Чигиринского дела) («Черный Передел» № 2) // Плеханов Г.В. Сочинения. М.; Л., 1927. Т. 1. С. 132 – 133.

⁵ Аксельрод П.Б. Указ. соч. С. 190 – 191.

⁶ Дебогорий-Мокриевич В.К. По поводу статьи Дейча... С. 63.

⁷ Дейч Л.Г. За полвека. М., 1923. Т. 2. С. 8 – 9; В.К. Дебогорий-Мокриевич. 1848 – 1926 // Каторга и ссылка. М., 1926. № 7 – 8. С. 280.

что и он нравственно нечистоплотен¹. Товарищ чернопередельцев С.М. Кравчинский дал характеристику «Чигиринскому делу», с которой позже согласились и исследователи этой истории: «Он [Стефанович] задумал план, поразительный по соединению смелости с бесстыдством, грандиозности и практичности – с полной беспринципностью... Такой бессовестной мистификации и вместе такого могущественного орудия... не придумала ни одна забубенная воровская головушка из разинской или пугачевской ватаги... Это была первая... попытка создать народную организацию на почве не общих теорий, а местных стремлений»².

Предопределило вражду Л.Г. Дейча к М.П. Драгоманову и его отношение к еще одной истории – «делу Гориновича», произошедшему еще до чигиринской авантюры. Тогда Л.Г. Дейч, Я.В. Стефанович и В.А. Малинка жестоко избili заподозренного в шпионстве Николая Гориновича и облили его лицо серной кислотой. Покалеченный Н.Е. Горинович выжил, и, как выяснилось, шпионом не был³. Материалы следствия по делу показывают, что Н.Е. Горинович нападавших не выдал и упомянул лишь Я.В. Стефановича, о котором полиция уже знала⁴. Л.Г. Дейч же в воспоминаниях утверждал обратное, настаивая на предательстве Н.Е. Гориновича⁵. История этой расправы поразила М.П. Драгоманова. Он с негодованием писал об отсутствии у преступников «нравственных задержек и границ» и о потрясающем цинизме

¹ Дейч Л.Г. М.П. Драгоманов в изгнании... С. 215 – 216.

Л.Г. Дейч писал, что, студентом, М.П. Драгоманов встал на защиту Н.И. Пирогова, который предлагал, дабы не нарушать школьную автономию, передать решение об отмене телесных наказаний в школе педсоветам, а не отменять эту меру сразу. Намекая на реакционность М.П. Драгоманова, Л.Г. Дейч ссылаясь на авторитет Н.А. Добролюбова, который выступил с осуждением этой позиции.

² Цит. по: Глинский Б.Б. Революционный период... С. 123; Ср.: Там же; Покровский М.Н. Указ. соч. С. 217; Троицкий Н.А. Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871 – 1880 гг. Саратов, 1976. С. 252.

³ Тихомиров Л.А. Неизданные записки... С. 165.

⁴ См.: Государственные преступления в России... С. 113–120.

⁵ См.: Дейч Л.Г. 1) За полвека... Т. 1. С. 55 – 56; 2) 16 лет в Сибири. Женева, 1905. С. 6–7; 3) На суд читателя (Письмо в редакцию) // Современный мир. 1913. № 12. С. 281 – 283; 4) Шаг назад... С. 223.

их товарищей, которые ставили это дело в один ряд с выстрелом В.И. Засулич¹. Примечательно, что советская историография долгое время обходила вниманием эту историю. Исследователи вновь стали упоминать о ней лишь с 1970-х гг., но исключительно с позиций Л.Г. Дейча и его соратников².

Полемика вокруг Казанской демонстрации, «Чигиринского дела» и «дела Гориновича» показывают, что неприязнь чернопеределцев к М.П. Драгоманову носила сугубо личный характер и в действительности не была связана с политическими разночтениями. Именно поэтому попытки последнего повернуть дискуссию в политическое русло были безуспешны. В ответ на нападки М.П. Драгоманов даже прямо спрашивал, почему Г.В. Плеханов с товарищами не реагируют так болезненно на критику других революционеров, на что ему коротко отвечали, что он – «противник» и критикует не «любя»³. После попытки М.П. Драгоманова зимой 1883/1884 гг. восстановить общение Л.Г. Дейч подготовил новые правила эмигрантского сообщества, объявлявшие М.П. Драгоманова врагом и ограничивавшие свободу дискуссии. Л.Г. Дейч заявлял, что М.П. Драгоманов – «против всей эмиграции» и «вносит путаницу в головы молодежи», чему можно противостоять путем привлечения последней к «Черному переделу», выступления же на собраниях должны соответствовать образцу рефератов Г.В.

¹ Драгоманов М.П. Украинская «Громада»... С. 222.

² Показательны работы Д.И. Заславского о М.П. Драгоманове 1924 и 1934 гг. В первой история расправы над Н.Е. Гориновичем представлена как «аморальная», в последней – дана прямо противоположная оценка, повторяющая версию Л.Г. Дейча, ставшую «официальной» (Ср.: Заславский Д.И. 1) М.П. Драгоманов и «Вольное слово»... С. 103 – 104; 2) М.П. Драгоманов. К истории украинского национализма. М., 1934). В течение последующих десятилетий о Н.Е. Гориновиче умалчивали, и лишь в 1970-х и 1980-х гг. его имя вновь начало фигурировать в исследованиях, но все так же как имя «предателя» и «provokatora». История покушения, как и прежде, замалчивалась, а отказ Н.Е. Гориновича на суде свидетельствовать против бывших товарищей авторы объясняли душевным порывом, охватившим его от лицезрения «героизма» подсудимых. (См.: Троицкий Н.А. 1) Безумство храбрых... С. 84; 2) Царские суды... С. 21, 56, 198, прим.; Якимова А.В. «Большой процесс», или «Процесс 193-х» // Революционеры 1870-х годов. Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. Л., 1986. С. 256).

³ Аксельрод П.Б. Указ. соч. С. 298.

Плеханова о социализме¹. По-видимому, кампания против «Вольного слова» также рассматривалась чернопредельцами как возможность лишить М.П. Драгоманова авторитета в революционных кругах и восстановить против него эмигрантскую общественность, выдвинув новым лидером Г.В. Плеханова. Целью «травли» М.П. Драгоманова чернопредельцы обозначали сплочение оппозиции и прекращение внутренних раздоров². В действительности же идеи объединения становились орудием междоусобицы. М.П. Драгоманов не единожды предлагал «Черному переделу» прекратить вражду и скооперироваться ввиду общих задач. Весной 1880 г. он составил проект соглашения с условиями, которые соответствовали положениям как чернопредельческой, так и украинофильской программ: отказ от централизма как принципа партийной структуры, вместо него – организационный федерализм, создание социалистических сообществ в пределах географических, экономических, национальных и т.п. областей; пропаганда на народных языках³. Однако даже эти нейтральные тезисы вызвали бурную реакцию плехановцев, которые стали высмеивать их, особенно последний пункт, несмотря на то, что в собственной программе также говорили о необходимости действовать на почве местных интересов и поддерживали федеративные принципы⁴. Годом ранее примирить стороны пытался П.Б. Аксельрод, не понимавший, почему его товарищи по «Черному переделу» не считают социалиста-федералиста М.П. Драгоманова «своим»⁵. В 1879 г. он вместе с другом М.П. Драгоманова писателем М.И. Павликом попытался создать на юге России сеть социал-демократических кружков. Г.В. Плеханову, Я.В. Стефановичу, Л.Г. Дейчу и М.П. Драгоманову П.Б. Аксельрод предложил объединиться и сделать общую редактуру разработанной им программы

¹ АДП РНБ. Ф. 1097. Оп. 1. Д. 165. ЛЛ. 1 об. – 3.

² Там же. Л. 4.

³ Заславский Д.И. Михаил Петрович Драгоманов... С. 109.

⁴ Фэй Хайтин. Федеративные идеи в политической теории русского народничества (А.И. Герцен, М.А. Бакунин, П.Л. Лавров, П.Н. Ткачев). СПб., 2018. С. 9.

⁵ Дейч Л.Г. М.П. Драгоманов в изгнании... С. 217.

кружков. Не ожидая негативной реакции своих товарищей, он переслал проект М.П. Драгоманову, который сделал для себя его копию. Чернопередельцы, узнав, что М.П. Драгоманов также участвует в редакции, потребовали его устранения и передачи всех документов им. М.П. Драгоманов конфликтовать не хотел и согласился, передав бумаги Я.В. Стефановичу. Однако последний по каким-то причинам факт получения документов скрыл и заявил, что М.П. Драгоманов украл программу и письма, пересланные П.Б. Аксельродом с ней¹. Неприятели М.П. Драгоманова историю быстро подхватили, плехановцы же, узнавшие вскоре, что документы задержал сам Я.В. Стефанович, не торопились развеивать намеренную клевету, и даже спустя несколько лет после случившегося слухи о краже продолжали циркулировать². В 1882 г. С.М. Степняк-Кравчинский просил П.Б. Аксельрода опровергнуть наконец «гнусное обвинение», но последний не рискнул идти против коллектива и попытался смягчить ситуацию, сказав, что виной всему недоразумение и взаимная нетактичность³. М.П. Драгоманов писал П.Б. Аксельроду по этому поводу: «Любопытно видеть, насколько подлы те, кто мог наврать Черкезову⁴, и насколько слабы те, кто, имея возможность восстановить правду, молчанием поддерживают клевету»⁵. Переписка М.П. Драгоманова с В.И. Засулич показывает, что просьбы прекратить распространение кривотолков чернопередельцы игнорировали. 2 октября 1882 г. он писал ей: «Дейч принимал самое сильное участие в распространении и поддержании на меня заведомой лжи... Я,... имея в своих руках письма Аксельрода, которые не только опровергают упомянутые выдумки, но и представляют поведение всех их виновников... в самом невыгодном свете, не обнародовал их, не смотря на

¹ Заславский Д.И. Михаил Петрович Драгоманов... С. 114 – 115; Ефремов С.А. О том, что было и чего не было... С. 108 – 110.

² Спицина Е. В. «Идеологическая» война в Женеве в конце 1870-х – начале 1880-х гг.: «Черный передел» против М.П. Драгоманова // Клио. 2016. № 3. С. 83.

³ Из архива П.Б. Аксельрода... С. 73 – 74.

⁴ Эмигрант, написавший пасквиль на М.П. Драгоманова, в котором в ряду прочего обвинял его в похищении программы.

⁵ Из архива П.Б. Аксельрода... С. 59.

всяческие вызовы... Но вообще я считаю такие вещи, как роль Дейча в этом деле, настолько непростительными, что считаю непозволительным для всякого уважающего себя человека всякие знаки снисхождения к лицам, себе такие вещи позволившим»¹. Однако В.И. Засулич высказала лишь ответные обвинения – что подобные высказывания о ее друзьях «неуместны и оскорбительны»². Подробности этой истории М.П. Драгоманов рассказывал в 1885 г. в письме к И.Я. Франко: «Я... отнес копию на квартиру сонмища, где застал одного... Стефановича, и отдал ему... Прошло больше года, и... узнаю я, что чернопредельцы пускают слухи, что я украл... программу и т.п. (Потом в письмах к сечевикам... писали, что копию я послал в III Отделение). Приехал Аксельрод,.. я ему и говорю: "...Примите меры, а то будет плохо, когда я возьмусь". Аксельрод божился, что до меня дошли ложные слухи... В то же время появляется брошюра Черкезова с болтовней про похищение мною документа. Я спрашиваю Аксельрода, что он намерен делать? Он просит меня ничего не писать и обещает сам выступить против лжи. Время подходит, и Аксельрод пишет мне, что... выступать против Черкезова не будет и... готов передать дело третейскому суду. Я отвечаю, что не понимаю, о чем я с ним мог бы судиться, и если он хочет, то прошу дозволения представить в суд все его письма... На этом и замолк – и подписался под запросом-протестом Плеханова и К°. Я, разумеется, плюнул на них. И только... когда узнал, что ложь рассказала Черкезову В. Засулич (которая тем временем ходила ко мне за советами...), и.., получив известие, что Стефанович себя очень подозрительно держит в тюрьме, я должен был предостеречь В. Засулич, а она меня свела (неожиданно для меня) с Дейчем... Написал..., чтобы меня в будущем не сводила с заведомыми клеветниками. В. Засулич предложила третейский суд. Я принял с условием,.. чтоб суд был гласный. Она тогда предлагает..., чтобы на суде разбирали также то, почему я не хочу отвечать на

¹ АДП РНБ. Ф. 1098. Оп. 1. Д. 135. Л. 1.

² АДП РНБ. Ф. 1097. Оп. 1. Д. 645. ЛЛ. 3 – 4.

открытое письмо Плеханова и К°, и чтобы я судился и с ними. Я ответил, что письмо – дело особое, и что могу судиться даже с нею, так как она, повторяя ложь, могла быть в заблуждении, а те господа... могли быть только «заведомыми» лжецами, а с такими я не могу судиться. Засулич ответила, что если я не хочу судиться с Плехановым и К°, то и она не желает со мною. Тогда я уже ее привлек судиться за ложь, которую она распространяла. Она ответила, что не может отделаться от своих приятелей. После, когда выяснилось, что за птица Стефанович, и когда всем стала известна народовольческо-дегаевская грязь (от которой я предостерегал русских социалистов-революционеров...),.. Плеханов и Дейч все взвалили на Стефановича. Они рассказывают, что Стефанович, увидев, что я иду (с копией), втокнул их в другую квартиру, закрыл их, и когда я ушел, то бросил копию в камин, а им сказал, что эта копия была не с программы, а с особого интимного письма Аксельрода... Может, это и правда,.. тогда выходит, что Плеханов и Дейч не заведомые клеветники, а только шли на поводу у Стефановича. Во всяком случае все они... показали себя совсем не джентльменами...»¹. К слову, относительно Я.В. Стефановича М.П. Драгоманов не ошибся – документы по «процессу 17-ти» и личные письма Я.В. Стефановича говорят о том, что он пошел на сотрудничество с В.К. Плеве. За сделку со следствием он получил несоразмерное своей революционной карьере наказание – 4 года каторги, и позже лично благодарил В.К. Плеве за облегчение своей участи, а также договаривался о прочих послаблениях². Для сравнения: А.В. и Р.Л. Прибылевы, квартира которых в течение двух месяцев служила динамитной мастерской, были осуждены на 15 лет каторги каждый³, И.Н. Мышкин, проходивший по «процессу 193-х» за попытку освобождения Н.Г. Чернышевского получил 10 лет каторги, которые

¹ Цит. по: Лемке М.К. Указ. соч. С. 765 – 766.

² См.: РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 280. ЛЛ. 10, 28; Кантор Р. К характеристике Якова Стефановича // Красный архив. 1928. Т. 4. С. 210.

³ Процесс 17-ти народовольцев... С. 253 – 258.

увеличили еще на 5 лет за произнесение революционной речи над гробом товарища¹.

Взаимоотношения М.П. Драгоманова с лидерами «Черного передела» сыграли важную роль в истории «Вольного слова». Несмотря на идейную близость к земско-конституционной программе, личная неприязнь руководителей «Черного передела» к М.П. Драгоманову перечеркивала предпринимаемые редактором «Вольного слова» попытки объединить революционную эмиграцию и провоцировала ее раскол.

§ 2. «Святая дружина» и революционеры: поиск компромисса.

Соглашение с революционерами было также и в интересах лидеров «Святой дружины». В книге М.К. Лемке представлен подробный рассказ о переговорах, которые в 1882 г. дважды велись ее делегатами с представителями народофильской эмиграции. Однако, как и в некоторых других случаях, концепция М.К. Лемке при ее хронологической точности содержит ряд логических упущений, самое наглядное из которых – противоречие выводов автора содержанию упоминаемых им документов. М.К. Лемке считал переговоры «Дружины» с революционерами очередной провокацией для «обезглавливания» революционного движения, наличие же у «дружинников» иных политических мотивов М.К. Лемке отрицал.

Первая попытка лидеров «Дружины» установить контакт с революционерами относится к лету 1882 г. и связана с именем доктора Э.И. Нивинского, который выступил посредником в переговорах. М.К. Лемке утверждал, что Э.И. Нивинский был «старым шпионом»², однако документы о его вступлении в «Добровольную охрану» говорят только о том, что он, как и многие, был противником террора. Прием в «Охрану» происходил через П.П. Шувалова, при этом подчеркивалось, что «добровольцы» не преследуют

¹ Тихомиров Л.А. Заговорщики и полиция... С. 218.

² Лемке М.К. Указ. соч. С. 575.

политических целей, а лишь добиваются устранения террора, который «признан преступным законодательствами всех цивилизованных народов»¹. Акцент на принцип законности отнюдь не означал принадлежности лиц, разделяющих его, к стану консерваторов-охранителей, скорее напротив, отсылал к прогрессистской традиции. В сознании многих сторонников политической модернизации борьба с террором напрямую связывалась с возможностью возвращения на путь Великих реформ. Доктор Э.И. Нивинский, по-видимому, разделял эти воззрения. Неслучайно сын Н.И. Пирогова, который, как указывалось ранее, поддерживал концепцию борьбы с террором ради реформ, помогал Э.И. Нивинскому связываться с «Дружиной» во время его переговоров с революционерами². В одном из отчетов «Дружины» за весну 1882 г. также указывалось, что Э.И. Нивинский придерживался республиканско-федералистических взглядов и имел знакомства с польскими и русскими революционерами, но тактику народовольчества не разделял. Во время приема в «Охрану», когда его попросили поделиться сведениями о революционном движении, он отказался, ответив, что «не шпион», и служить может лишь «партии либеральной», к которой, как он был уверен, относились и лидеры «Дружины»³. Таким образом, Э.И. Нивинский выступал не в качестве агента-provokatora и согласился быть посредником в переговорах с народовольцами, надеясь на возможность соглашения между ними и умеренным крылом оппозиции.

Появление Э.И. Нивинского в Женеве описывали в воспоминаниях М.П. Драгоманов и В.К. Дебогорий-Мокриевич. М.П. Драгоманов, объясняя приезд «парламентера», писал, что к лету 1882 г. существовал шанс добиться политической свободы посредством дворцовой интриги, по поводу чего в «Вольном слове» даже вышла заметка о «Святой дружине» и «Добровольной охране». Э.И. Нивинский, приехав в Женеву, представился М.П. Драгоманову

¹ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 3239. Л. 1.

² Лемке М.К. Указ. соч. С. 594.

³ Там же. С. 573, 601.

посланцем этих обществ и указал, что они преследуют те же цели, что и он – «свободу России», однако террористическая угроза делает невозможным склонение правительства на сторону прогресса. Полагая, что М.П. Драгоманов состоит в Исполнительном комитете «Народной воли», Э.И. Нивинский говорил ему, что посланная его «Добровольная охрана», в случае если удастся договориться о приостановке террора, готова взять на себя обязательство провести в России политическую реформу. М.П. Драгоманов так передавал предложение Э.И. Нивинского: «Пусть комитет заявит, что он не имеет целью царубийство – взамен “Охрана” обещает созыв Земского собора вслед за коронацией царя, не дальше, чем через полтора года... Мы требуем только прекращения всяких враждебных действий против государя лично и его семейства, а в остальном предоставляем революционерам полную свободу поступков. А в доказательство того, что мы действительно имеем искренние намерения и силу, мы предлагаем вам известные залого – например, можем выхлопотать любому из вас, кроме Гартмана, право возвращения в Россию».¹ Сведения, что М.П. Драгоманов состоит в Исполнительном комитете, а также, что «Святая дружина» и «Добровольная охрана» разные организации – Э.И. Нивинский упоминал об этом в разговоре с М.П. Драгомановым – первая из которых была контрреволюционной и сдерживалась только усилиями «реформаторов» из «Охраны», поведал Э.И. Нивинскому А.П. Щербатов, как обозначено в донесении последнего². В.К. Дебогорий-Мокриевич в своих воспоминаниях также отмечал прямооту и откровенность «парламентера», что для агента или шпиона, каким его изображал М.К. Лемке, было бы странно. В.К. Дебогорий-Мокриевич вспоминал, что с Э.И. Нивинским его познакомил М.П. Драгоманов, и тот сходу объявил, что приехал от имени «Добровольной охраны» и хочет заключить договор с революционерами. «Для меня было ясно... – писал В.К. Дебогорий, – ... что Нивинский послан был какой-то

¹ Драгоманов М.П. Воспоминания о переговорах... С. 36.

² Лемке М.К. Указ. соч. С. 602.

дворцовой организацией, какими-то людьми, высоко стоявшими в нашей государственной лестнице. Да и сам Нивинский не только этого не скрывал, но сразу же при первом знакомстве на это именно напирал...». Кроме того, он подчеркивал, что точно запомнил название этой организации – «Добровольная охрана», поскольку Э.И. Нивинский много рассказывал о ней. В частности, что в «Охране» есть либеральное крыло во главе с П.П. Шуваловым, которое обеспечивает личную охрану императора и рассчитывает посредством влияния на него добиться конституционной реформы; рассказывал также, как производилась охрана Александра III, что через агентов, связанных с петербургскими жандармами, «Охране» удалось узнать настоящий адрес В.К. Дебогория-Мокриевича и что полиция ожидала его приезда в Россию весной¹.

Такая прямота Э.И. Нивинского совсем не походила на попытку мистифицировать эмигрантов, хотя М.К. Лемке и утверждал, что доктор ехал в Женеву с провокаторскими целями, а его откровенность была следствием «недостаточной ловкости», в результате которой он «пренаивно себя выдал». Рассказы о знакомстве с ним М.П. Драгоманова и В.К. Дебогория-Мокриевича объясняются, по мнению М.К. Лемке, тем, что первый и сам был причастен к провокации и хотел скрыть это за мнимой откровенностью, второй же – просто имел плохую память. Эти утверждения представляются столь же «основательными», как и намеки М.К. Лемке на наследственную склонность П.П. Шувалова к полицейским мистификациям, потому что его отцом был будто бы бывший главноуправляющий III отделением П.А. Шувалов². Единственным документом, подтверждающим заявления М.К. Лемке о провокаторской роли М.П. Драгоманова в истории «Святой дружины», служит копия его письма к С.Ю. Витте, сделанная собственноручно М.К. Лемке. По

¹ Дебогорий-Мокриевич В.К. К спору о «Священной дружине» и «Вольном слове» // Русская мысль. 1913. № 2. С. 107 – 110.

² Лемке М.К. Указ. соч. С. 589, 592.

В действительности шеф жандармов, тоже, к слову, сторонник конституции, был из другой, старшей, ветви Шуваловых и приходился «Боби» Шувалову троюродным братом. Отцом «дружинника» был аристократ-либерал Петр Павлович Шувалов, автор проекта «Об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян».

словам историка, письмо было написано 15 мая 1882 г. и попало к нему в руки случайно. В 1920 или 1923 гг. он выступал в Доме книги с авторефератом своей работы о «Дружине», а после мероприятия к нему будто бы обратился один из слушателей, некий Я.И. Пашковский, и предложил ознакомиться с собранием писем разных лиц к С.Ю. Витте, якобы приобретенном на одном из толкучих рынков. Среди этих документов М.К. Лемке, по его словам, и нашел письмо М.П. Драгоманова. Позже это собрание было передано владельцем в музей в Рапперсвиле, откуда перевезено в Польшу, и во время Второй мировой войны погибло¹. Сохранилась, таким образом, лишь копия М.К. Лемке², достоверность которой вызывала у некоторых исследователей сомнения³. Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин, работавшие с рукописью М.К. Лемке, полагали, что копии можно доверять, поскольку в тексте М.К. Лемке встречается слово «раздуть» и однокоренное – «раздувание» – есть также в другом письме М.П. Драгоманова, что говорит о стилистическом сходстве. Кроме того, у М.П. Драгоманова и С.Ю. Витте обнаружился один общий знакомый – писатель И.Я. Рудченко⁴. Однако данное суждение представляется все же весьма произвольным. Следуя данной логике, можно было бы объявить либералом самого Александра III, так как у него был общий круг знакомых с И.И. Петрункевичем, причем значительно более широкий, чем у М.П. Драгоманова с С.Ю. Витте, а на свадьбе падчерицы И.И. Петрункевича – «красной графини» С.В. Паниной – император и вовсе был ее посаженным отцом⁵.

Аргументация в пользу достоверности копии М.К. Лемке явно недостаточна: во-первых, единично употребляемые слова «раздуть» и «раздувание» не могут рассматриваться как свидетельства авторского стиля;

¹ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте, М.П. Драгоманов... С. 166 – 168, прим.

² См.: ИРЛИ. Ф. 661. Оп. 1. Д. 17. ЛЛ. А 882, Б 883, В 884, Г 885.

³ См.: Бажан М.П., Басс I.I. и др. Чия це фальшивка? // Вітчизна. 1965. № 8. С. 167 – 174.

⁴ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. О достоверности одного документа из архива М.К. Лемке... С. 319–320.

⁵ Шевырин В.М. «Пробудить чувства добрые» (графиня С.В. Панина) // Россия и современный мир. 2007. № 3. С. 220.

а, во-вторых, сравнительный анализ обширной переписки М.П. Драгоманова с документом М.К. Лемке выявляет колоссальное стилистическое несоответствие¹. Так, в документе М.К. Лемке обнаруживается не характерное для М.П. Драгоманова использование знаков пунктуации: редактор «Вольного слова» в личной переписке заметно злоупотреблял «тире», применяя этот знак в стилистических целях (например, для выражения экспрессии) и вне правил грамматики. Текст же из архива М.К. Лемке соответствует грамматическим нормам литературного русского языка. Кроме того, документ М.К. Лемке содержит не свойственные М.П. Драгоманову сокращения имен упоминаемых лиц: вместо типичного для него сокращения до первой/первых и последней/последних букв фамилий («Др-в», «Драг-в» – Драгоманов, «П-к» – Павлик, «М-ий» – Мальшинский, «Ч-ов» – Черкезов и т.п.), в копии встречаются только инициалы («А.П.» - Мальшинский, «П.П.» – Шувалов, «Ю.М.» – не установленное лицо). Также обращает на себя внимание необычный постскриптум документа М.К. Лемке: «P.S. небольшой мужской», – даже отдаленно сходного с которым нет ни в одном письме М.П. Драгоманова. «P.S.» в его письмах вообще встречается редко – обычно М.П. Драгоманов просто писал один или несколько абзацев после основной части письма, не делая обозначений постскриптума. Наконец, сомнительна в силу примитивности шифровки и подпись в конце письма, составленная из первых букв имени Михаил и последних фамилии Драгоманов – «Михманов». Учитывая многочисленные навязчивые указания в «копии» на авторство именно М.П. Драгоманова, такая подпись создана, вероятно, чтобы окончательно уверить читателя в авторстве М.П. Драгоманова². Содержание письма также крайне противоречиво. С первых же строк – фактическое

¹ См.: Спицина Е.В. Письмо для Рапперсвиля: М.П. Драгоманов пишет С.Ю. Витте // Вестник студенческого научного общества РГПУ им. А.И. Герцена. СПб., 2014. С. 237 – 240.

² Ср.: цит. по: Лемке М.К. Указ. соч. С. 438 – 439; Архів Михайла Драгоманова...; Драгоманов М.П. 1) Листи до Ів. Франка и інших...; 2) Переписка... Т. I, IV, VIII; Листування Івана Франка... 2006.

несоответствие сообщаемого действительности. Например, фраза: «В нашем деле личные друзья, получившие право неожиданно приходить на дом, не очень-то способствуют спокойной деловой корреспонденции»¹, – не соотнобразуется с тем, что к лету 1882 г. М.П. Драгоманов из-за конфликта с «Черным переделом» уже занимал обособленное положение в эмиграции. Вопросы вызывает и фрагмент письма, где автор упоминает Набольшего, говоря, что «не слишком уверен в его способности молчать», поскольку факт знакомства М.П. Драгоманова с И.И. Воронцовым-Дашковым не установлен². Следующий фрагмент – «Воздаю дань глубокой признательности А.П.: он ни одной мною забракованной строчки не тиснул...»³ – также сомнителен, т.к. по переписке М.П. Драгоманова и изменению содержания «Вольного слова» прослеживается, что влияние в газете он приобретал постепенно⁴.

Наконец, доводом в пользу того, что документ М.К. Лемке был создан, видимо, им самим для подтверждения версии о «провокааторстве» М.П. Драгоманова, служит целый ряд аналогичных загадочных происшествий с документами в его исследовательской биографии, которые также то появлялись, то бесследно пропадали, оставив по себе лишь свидетельства из уст М.К. Лемке. Так, например, в 1920 г. в журнале «Книга и революция» вышла рецензия М.К. Лемке (под псевдонимом М. Маврин) на статью К.И. Чуковского, в которой писатель опубликовал найденный им отрывок из неизвестной повести Н.А. Некрасова. М.К. Лемке заявлял, что отрывок К.И. Чуковского – часть доселе неизвестной повести «Как я велик!», оказавшейся чудесным образом в его руках. Некрасоведы 1920-х гг. не раз обращались к М.К. Лемке с просьбой обнародовать документы, либо допустить к ним исследователей, однако получали категорический отказ⁵. Текста повести М.К.

¹ Цит. по: Лемке М.К. Указ. соч. С. 438.

² Цит. по: там же. С. 438.

³ Цит. по: там же. С. 438.

⁴ См.: Глава 2, § 3.

⁵ Бессонов Б.Л. Об утраченной переписке А.Я. Панаевой и Некрасова (история одной публикации) // Некрасовский сборник. Л., 1980. VII. С. 59.

Лемке тоже не представил, сказав, что некто дал ему книгу всего на несколько часов¹ и он сохранил лишь библиографическое описание – работа якобы была выпущена литографированной книжкой с титулом: «Н.А.Н. “Как я велик!”». Повесть из жизни литературного гения. Пермь. Литография Золотникова. 1884. Не продается»². За этим сообщением последовала многолетняя поисковая работа – исследователи проверяли всевозможные списки крупных и региональных типографий, литографий, библиотек, хранилищ, архивов и т.д., но успехом поиски так и не увенчались. Перед своей смертью М.К. Лемке все-таки назвал имя «владельца» раритета, однако оказалось, что он давно эмигрировал и связаться с ним невозможно³. Спустя еще некоторое время выяснилось, что ни типографии, ни литографии Золотникова ни в начале 1880-х, ни в какое-либо другое время в Перми не существовало⁴. Такова, по всей видимости, и история с «письмом» М.П. Драгоманова⁵.

Хронику событий миссии Э.И. Нивинского позволяют восстановить воспоминания М.П. Драгоманова и В.К. Дебогория-Мокриевича. Оба говорили, что сразу указали Э.И. Нивинскому на ошибку в его сведениях – ни один из них в Исполнительном комитете не состоял. Но, учитывая возможные политические перспективы соглашения, они согласились представить его людям, близко стоявшим к центру революционной партии. Из наиболее влиятельных лиц, имевших отношение к «Народной воле», за границей, в Париже, в это время находились М.Н. Оловенникова и П.Л. Лавров. Свести Э.И. Нивинского с ними и взялся В.К. Дебогорий-Мокриевич. В своих

¹ Шестериков С. Ненайденная повесть Некрасова «Как я велик!»: библиографическая загадка // Литературное наследство. 1946. Т. 49 – 50. С. 611 – 613.

² Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем в 15 томах. Л., 1984. Т. VIII. С. 767.

³ Эльзон М. Существовала ли книга Н.А. Некрасова «Как я велик!»? // Альманах библиотеки. 1979. Вып. VII. С. 181.

⁴ Шестериков С. Указ. соч. С. 611 – 613.

⁵ Подробнее о научной биографии М.К. Лемке и его исследованиях см.: Спицина Е.В. М.К. Лемке. Между историей и беллетристикой, правдой и лжесвидетельством // Герценовские чтения 2017. Актуальные проблемы русской истории. СПб., 2018. С. 294 – 309.

воспоминаниях он так описывал состоявшийся на встрече разговор: «Но вот мы и собрались уже у Петра Лаврича... Доктор... сел на стул и... принялся излагать все по порядку... Теперь из его слов для меня яснее очертился характер борьбы, ведшейся партиями при дворе царя. Обе партии, преследуя различные цели, одна реакционные, другая либеральные, для достижения этих своих целей шли одним и тем же путем, держались одного и того же средства, именно стать к царю ближе своих противников. Так что все дело сводилось к тому, которой из двух партий удастся заручиться большим доверием у царя Александра III. “Под страхом угрозы Исполнительного комитета, – говорил далее доктор, – царь легко может склониться в сторону реакционеров.” Охранцы надеялись, что, когда Александр III не будет ощущать занесенной над собой руки революционеров, то им возможно будет удержать свое влияние при дворе и провести известные политические реформы. При этом доктор высказал уверенность, что конституцию желают все в России и, вероятно, точно также и социалисты... “Чтобы Вы могли увериться в том, что наша организация представляет действительную силу, я предлагаю следующее доказательство: кого хотите из эмигрантов Добровольная охрана возьмется легализовать и даст возможность возвратиться в Россию”» – исключению подлежали только П.А. Кропоткин и Л.Н. Гартман¹. Рассказ В.К. Дебогория-Мокриевича подтверждается и Л.Г. Дейчем, который тоже присутствовал на начальном этапе переговоров, но посчитал предложение Э.И. Нивинского происками полиции. К тому времени в революционных кругах уже знали, что Г.П. Судейкин, вербуя агентов, зачастую представал перед ними в образе либерала и сторонника конституционных реформ². Как дальше складывались переговоры Э.И. Нивинского с М.Н. Оловенниковой и П.Л. Лавровым, В.К.

¹ Цит. по: Лемке М.К. Указ. соч. С. 591.

² См.: Дейч Л.Г. У начала легенды // Современный мир. 1913. № 11. С. 137 – 167; Маклецова (Дегаева) Г.П. Судейкин и Дегаев // Былое. 1906. № 8. С. 265 – 272; Фигнер В.Н. Из политической жизни... С. 121 – 135; Загорский К.Я. Указ. соч. С. 156 – 179; Лурье Ф.М., Перегудова З.И. Царская охранка и провокация // Из глубины времен. СПб., 1992. Вып. 1. С. 51 – 83.

Дебогорий не сообщал, т.к. на этом его участие в них закончилось. Не участвовал в переговорах и М.П. Драгоманов. Он был приглашен Э.И. Нивинским, но революционеры высказались против его присутствия, что говорило все же об их интересе к предложению делегата. Судя по всему, переговоры оказались затянутыми и длились в течение июля-августа 1882 г. М.П. Драгоманов указывал, что узнал об их ходе лишь спустя несколько недель после их завершения. Он писал, что, вернувшись в Женеву из Италии, встретил на улице знакомого, который рассказал, что революционеры вначале затребовали от Э.И. Нивинского «провести чуть не социальную революцию», но, когда доктор начал терять терпение и дал понять, что говорить может только о тех условиях, которые были обозначены отправившей его организацией, первоначальные предложения были приняты¹.

Со стороны Исполнительного комитета условия соглашения разработали П.Л. Лавров и М.Н. Оловенникова. Судя по документам из архива П.Л. Лаврова, революционеры точно знали, что идут на соглашение не с земцами, а с представителями придворных кругов, хотя в перечне требований они и использовали наименование «Земская лига». Перечень запрошенных революционерами гарантий еще раз опровергает заявление М.К. Лемке об обмане со стороны Э.И. Нивинского относительно пославшей его организации. «Парламентер» не скрывал, что приехал от общества высокопоставленных лиц – «Добровольной охраны», конспиративно действовавшей за вывеской «Земской лиги». Революционеры требовали: во-первых, речательства в серьезности намерений и реальности возможностей общества Э.И. Нивинского воздействовать на политический курс; во-вторых, «некоторых предварительных действий со стороны правительства», подтверждающих предыдущий пункт; в-третьих, чтобы в основание переговоров было положено конституционное письмо Исполнительного комитета «Народной воли» к Александру III от 10 марта 1881 г. Со своей

¹ Драгоманов М.П. Воспоминания о переговорах... С. 40.

стороны, в случае выполнения этих условий они давали обязательство воздержаться от террора как до выхода коронационного манифеста, так и после, если правительство приступит к выполнению обозначенных требований. Если же правительство сочтет возможным дать социалистам право вести мирную пропаганду своих взглядов, Исполнительный комитет обещал полностью отказаться от террора.¹ Помимо основных пунктов соглашения П.Л. Лавров и М.Н. Оловенникова составили и прелиминарные условия, которые конкретизировали обязательства сторон. В качестве непреложного условия организация, направившая Э.И. Нивинского, должна была продемонстрировать свои реальные возможности, добившись амнистии Н.Г. Чернышевского или облегчения участи политических каторжан. Кроме того, революционеры требовали в качестве залога предоставления «крупной суммы», которая в случае невыполнения «Охраной» своей части договора будет конфискована народовольцами. Знакомый М.П. Драгоманова уточнял, что под «крупной суммой» подразумевался миллион рублей². Для большей уверенности революционеры также требовали, чтобы одно уполномоченное ими лицо было посвящено в общий характер организации (без ознакомления с конспиративной информацией) или принято в нее, а также, чтобы были обозначены сроки, в которые будут достигнуты «более или менее полная амнистия», права «более или менее... свободного обсуждения русских общественных вопросов» и созыв всенародного Земского собора с законодательными правами Учредительного собрания. На это время Исполнительный комитет приостановит «дезорганизацию правительства» и, если все условия будут выполнены, издаст прокламацию, в которой объявит новую тактику партии³. Предварительный вариант прокламации, также составленный П.Л. Лавровым и М.Н. Оловенниковой, прилагался к

¹ Документы и материалы к истории переговоров Исполнительного комитета с «Священной дружиной» // Былое. 1907. № 9. С. 208 – 209.

² Драгоманов М.П. Воспоминания о переговорах... С. 40.

³ Документы и материалы к истории переговоров... С. 209.

прелиминарным условиям и говорил о готовности «Народной воли» отказаться от насильственных средств борьбы при проведении общедемократических конституционных реформ, описанных в письме Исполнительного комитета к Александру III. Особо подчеркивалось, что революционеры гарантируют императору личную неприкосновенность в период до коронации. Коронационный манифест должен будет объявить программу нового царствования и тем самым решить судьбу не только страны, но и самого монарха¹. С этими условиями Э.И. Нивинский и отправился в Петербург, а А.П. Щербатов, курировавший его миссию, представил их в своем отчете руководству².

Дальнейший ход событий устанавливается благодаря материалам «Дружины». Известно, что на условия революционеров последовало два ответа, которые А.П. Щербатов должен был передать Э.И. Нивинскому. В первом из них, от 7 сентября 1882 г. за подписью общего собрания «Земской лиги», говорилось, что общество имеет целью «водворить в России всесословное народное представительство, неприкосновенность личных прав всех граждан, прекращение административного произвола, полную свободу совести, прессы и слова», а потому согласно удовлетворить требования революционеров, за исключением пункта об указании точного времени осуществления реформы. В ответе пояснялось: «Земская лига напрягает свои усилия, чтобы достигнуть возможно большего в момент коронации, совершенно сознавая, что русские цари считают именно коронационное время... пригодным для проявления своей заботливости об управляемом ими народе. Земская лига думает, что старания ее увенчаются успехом, но многое служит к тому серьезным препятствием. Император Александр III получил в наследие от отца запутанное донельзя государственное управление – в путанице этой,.. он далеко еще не успел разобраться. При этом слишком

¹ Там же. С. 210 – 212.

² См.: Лемке М.К. Указ. соч. С. 601 – 604.

частые неудачные выборы государственных деятелей немало содействуют продолжению государственной неурядицы, в чем не последнюю роль иногда играют и личные расчеты правящих»¹. Положение дел при дворе обстояло именно так. Несмотря на личный авторитет И.И. Воронцова-Дашкова в глазах императора, большое влияние на него имел и ближайший советник К.П. Победоносцев. Частые перестановки должностных лиц в государственном аппарате отражали борьбу между придворными группировками за влияние на политический курс. Александр III колебался то в одну, то в другую сторону, потому обещать выполнение всех пунктов соглашения в точно установленный срок руководители «Дружины» объективно не могли. Спустя несколько дней А.П. Щербатову был передан еще один ответ Исполнительного комитета «Дружины», более подробный, однако менее позитивный. В нем, помимо невозможности обозначить сроки, было еще одно замечание – о том, что «Земская лига» не готова принять в свой состав доверенное лицо революционеров. Э.И. Нивинский также должен был передать П.Л. Лаврову и М.Н. Оловенниковой слова возмущения: «Если мы рискуем и готовы рисковать и общественными положениями, и состояниями для пользы общей, то слишком излишние осторожности с их стороны нам кажутся, по малой мере, странными и выражают гораздо большую личную, совершенно, впрочем, лишнюю боязнь, нежели желание делать дело»². В качестве подтверждения того, что организация не преследует шпионских целей, в ответе предлагалось устроить совместное собрание «лигистов» и тех, кого сочтут возможным делегировать революционеры. Особо оговаривалось, что на время переговоров «Лига» обеспечит полную личную неприкосновенность от полиции народовольцев и их делегатов, за исключением «террористов-практиков». Кроме того, составители ответа прямолинейно обозначали, что не принимают революционную идеологию в целом, но готовы к совместной

¹ Цит. по: там же. С. 606.

² Цит. по: там же. С. 608.

работе ради общих стратегических задач: «Мы готовы искренно и дружно идти с социально-революционной партией только в смысле достижения политической свободы, но не разделяя с ней убеждения собственно социально-экономические. Мы, раз общая цель будет достигнута, предполагаем немедленно вступить с социальной партией в борьбу, но уже на почве свободных народных выборов и представительства... В этом направлении с нашей стороны уступок быть не может... Ни один правитель России, кто бы он ни был, под угрозой ничего не даст в смысле свободы... Нельзя народ измышлять по своим желанием и стремлениями, с ним нужно считаться и знать, что он еще упорный царист, а при таком условии необходимо убедить монархическую власть, а не напугивать... Мы таким путем не добьемся и самой пустейшей конституции»¹.

С этим ответом Э.И. Нивинский должен был отправиться обратно в Париж. О реакции революционеров на ответ «Дружины» рассказывал в своих воспоминаниях М.П. Драгоманов, которому «парламентер» нанес визит перед поездкой к П.Л. Лаврову. Пересказывая слова Э.И. Нивинского, он писал, что дело переговоров не заладилось, поскольку в Петербурге условия революционеров в полной мере приняты не были и, в конце концов, «охранцы» и вовсе заявили, что революционеры сами не держат слова и одновременно с переговорами издают ультратеррористическую газету «Правда»². Окончательный же их исход ясен из письма П.Л. Лаврова Э.И. Нивинскому: «Очень жалею, что наши переговоры... не привели ни к какому результату. Но вы могли заметить, что я и мои друзья с самого начала относились к ним с некоторым сомнением, а известия, привезенные вами из Петербурга, подтверждают, что из наших переговоров едва ли и могло что-либо выйти... Что касается до меня лично, то, конечно, я имею столь же мало поводов, как и мои друзья, ожидать тут чего-либо серьезного, но я поставил

¹ Цит. по: там же. С. 608 – 609.

² Драгоманов М.П. Воспоминания о переговорах... С. 40 – 41.

себе правилом выслушивать мнения и предложения, с какой бы стороны они ни приходили... А потому, если бы кто-либо из ваших петербургских знакомых, граф Шувалов или князь Щербатов, пожелали бы вступить в личные сношения со мною, то я не только не отказался бы, но с таким же удовольствием повидался с ними для простого обмена мыслей или для более делового разговора, с каким познакомился с вами по такому же поводу»¹.

Таким образом, миссия Э.И. Нивинского успехом не увенчалась. Причиной отзыва делегата М.К. Лемке считал бесполезность для «Дружины» его агентурной работы. Именно поэтому, по словам М.К. Лемке, Э.И. Нивинскому и было указано на «Правду», которая издавалась не революционерами, а самой «Дружиной». Однако и тут упущен важный момент – а именно, что посредником между «Дружиной» и Э.И. Нивинским, как и учредителем «Правды», был не П.П. Шувалов и не И.И. Воронцов-Дашков, а А.П. Щербатов, деятельность которого вторгалась в предприятия П.П. Шувалова и рушил его планы. Вероятно, что и в вопросе переговоров личная инициатива А.П. Щербатова шла в разрез с расчетами руководства «Дружины». Ни в одном из двух текстов ответов, несмотря на их развернутость и местами резкий критический характер, не было упоминаний о «Правде», в то время как за границу Э.И. Нивинский ехал уже с установкой, что следует упрекнуть революционеров в поддержке этого архитеррористического издания. Донести ответ Исполнительного комитета «Святой дружины» до Э.И. Нивинского должен был именно А.П. Щербатов, ввиду чего можно предположить, что он и указал Э.И. Нивинскому на свое «детище», сославшись при этом на народовольцев.

Мотивы такой неуместной предприимчивости А.П. Щербатова обнаруживаются в дневнике В.Н. Смельского и переписке А.П. Щербатова с П.П. Шуваловым. В декабре 1881 г. накануне своего выхода из «Дружины» В.Н. Смельский писал, что подозревает А.П. Щербатова в использовании

¹ Цит. по: Лемке М.К. Указ. соч. С. 612.

«братства» для поправки своего материального положения. Подозрения в финансовых махинациях возникли у него не на пустом месте. А.П. Щербатов сам выплачивал «братьям» жалованье и при последней выплате В.Н. Смельскому с завистью заметил: «Это чисто царские деньги, это он так щедро дает». Спустя несколько дней В.Н. Смельский утвердился в своем предположении, узнав, что А.П. Щербатов, который нуждался в средствах, выступал против назначения постоянного начальника агентуры – он сам неформально исполнял часть его обязанностей и мог располагать солидными суммами, о расходе которых не приходилось отчитываться¹. В результате к весне 1882 г. отношения между руководством агентуры, в частности, П.П. Шуваловым, и А.П. Щербатовым стали натянутыми – последний запрашивал из казны огромные суммы, которые исчезали в неизвестном направлении². Вероятно, именно этот мотив двигал А.П. Щербатовым, когда он, воспользовавшись временным отсутствием П.П. Шувалова, создавал за его спиной «Правду», не подозревая, что подрывает планы лидеров организации. «Правда», как и переговоры Э.И. Нивинского, курируемые А.П. Щербатовым, открывала источники наживы. В связи с этим понятно и стремление А.П. Щербатова затянуть переговоры, на которые он вновь и вновь запрашивал у «Дружины» денежные субсидии. Так, 13 сентября 1882 г., уже после получения второго ответа для революционеров, А.П. Щербатов обратился к руководству с просьбой одновременно выдать на нужды иностранной агентуры, т.е. для продолжения миссии Э.И. Нивинского, дополнительную сумму размером в 3 тысячи рублей³. А.П. Щербатову же было выгодно и дезинформировать Э.И. Нивинского о «Правде», поскольку это позволяло отложить заключение соглашения, а продление переговоров давало повод к повторным запросам на финансирование. Предположение, что А.П. Щербатов был нечист на руку, подтверждает и тот факт, что той же осенью против него

¹ Смельский В.Н. Указ. соч. № 4. С. 96 – 99.

² Там же. № 5 – 6. С. 94.

³ Лемке М.К. Указ. соч. С. 610.

как бывшего начальника Управления шоссейных и водных сообщений было возбуждено судебное дело по обвинению в присвоении казенных сумм. Видимо, опасаясь, что обвинение в казнокрадстве будет дополнено новыми пунктами, А.П. Щербатов вскоре попросил у П.П. Шувалова в экстренном порядке освободить его от всех обязательств по делам «Дружины».

В отношении переговоров с «Народной волей» расчет А.П. Щербатова оказался неверным, и, вместо временной отсрочки соглашения, ложные обвинения революционеров в издании «Правды» привели к прекращению переговоров. А.П. Щербатов пытался исправить ситуацию и отправил за границу другого «парламентера» – некоего Н. Клименко, который под псевдонимом «И.Н. Некрасов» должен был от имени «Земского союза» или «партии либеральных земцев» возобновить прерванные переговоры. Осенью 1882 г. он действительно встречался и с М.П. Драгомановым, и с П.Л. Лавровым – и получил от последнего те же условия, которые были переданы Э.И. Нивинскому. П.Л. Лавров спрашивал у нового посланца: «Есть ли что-нибудь общее между вами и лигами Либеральной, Земской и разными охранами?». Однако Н. Клименко не мог однозначно ответить на этот вопрос, сказав только, что не знает почти никого из организации, от имени которой приехал.¹ Повторив прежние требования, П.Л. Лавров просил Н. Клименко передать своему руководству, что революционеры поддерживают идею совместных съездов в случае затруднений, связанных с договоренностями².

Проект соглашения, разработанный П.Л. Лавровым и М.Н. Оловенниковой, свидетельствовал, что в сознании оставшихся на свободе представителей революционной группы к осени 1882 г. произошел поворот. Понимание малой эффективности прежних установок после 1 марта 1881 г. толкало революционеров на поиск взаимовыгодного тактического союза с другими оппозиционными группами. Переговоры «Святой дружины» с

¹ Заславский Д.И. Взволнованные лоботрясы // Былое. 1924. № 26. С. 270 – 273.

² См.: Лемке М.К. Указ. соч. С. 625 – 626.

уполномоченными Исполнительного комитета были отходом от догматики в сторону поиска союзников в борьбе с правительством. Предпосылкой такого объединения становились общие для разных оппозиционных программ требования расширения сферы прав и свобод личности, прекращения репрессивной политики, создания органа народного представительства с законодательными полномочиями и переустройства государственного аппарата в соответствии с принципами конституционализма.

§ 3. Несостоявшееся объединение.

После миссий Э.И. Нивинского и Н. Клименко, «Святая дружина» предприняла последнюю попытку договориться с революционерами. В этот раз, помимо А.П. Щербатова, не заинтересованного в быстром ходе дела, к ним подключились лично И.И. Воронцов-Дашков и П.П. Шувалов, в результате чего последние переговоры оказались куда более плодотворными. Посредником между «Дружиной» и революционной партией выступил публицист-демократ Н.Я. Николадзе, а от имени Исполнительного комитета «Народной воли» – М.Н. Оловенникова с приехавшим летом 1882 г. за границу Л.А. Тихомировым¹. Фактическая сторона заграничной миссии Н.Я. Николадзе известна хорошо, т.к. непосредственные участники переговоров с обеих сторон оставили о них более или менее подробные воспоминания. Тем не менее, с пониманием политического смысла переговоров возникают сложности – отчасти потому, что эти воспоминания все-таки сильно отличаются друг от друга, отчасти – из-за запутанной схемы посредничества. Дело в том, что Н.Я. Николадзе не был единственным звеном между «Дружиной» и «Народной волей». Стараниями А.П. Щербатова к нему в качестве наблюдателя был приставлен К.А. Бороздин, известный своими агентурными фантазиями в целях выкачивания денег из щедрого начальства. Фактически между главами «Дружины» и революционерами оказывалось

¹ Засулич В.И. Владимир Дегаев // Вера Засулич. Воспоминания. М., 1931. С. 98.

сразу три человека: Н.Я. Николадзе, приехавший для заключения договора, К.А. Бороздин, следивший за Н.Я. Николадзе и доносивший о ходе переговоров А.П. Щербатову, и сам А.П. Щербатов, который должен был отчитываться о миссии Н.Я. Николадзе руководству.

Для понимания истории этих переговоров необходимо подробнее рассмотреть личность третьего «парламентера». Н.Я. Николадзе был грузинским общественным деятелем и журналистом, широко известным своей работой как в либеральных, так и в революционных кругах¹. Будучи популяризатором идей Н.Г. Чернышевского, Н.Я. Николадзе с 1860-х гг. проводил мысль о необходимости политической борьбы на почве земства и самоуправления². Его связь с «Дружиной» началась с того, что, вернувшись из ссылки в начале марта 1881 г., он в течение многих месяцев пытался наладить свои издательские дела – Главное управление по делам печати не давало разрешения на возобновление его газеты «Обзор». В начале лета 1882 г. к нему неожиданно явился К.А. Бороздин, которого Н.Я. Николадзе помнил как друга своего отца и служащего при кутаисском генерал-губернаторе. В ходе беседы К.А. Бороздин узнал о затруднениях Н.Я. Николадзе и уже во время второй встречи, в июле, заявил, что может неофициально поспособствовать устройству дел Н.Я. Николадзе, так как имеет общего приятеля с новым министром внутренних дел Д.А. Толстым. По словам К.А. Бороздина, было только одно условие для положительного решения вопроса – ведение газеты в духе умеренного либерализма, по типу «Вестника Европы»³. В силу старой дружбы своего отца с К.А. Бороздиным Н.Я. Николадзе был настроен доверительно и искренне рассказал о своих политических взглядах и что придерживаться умеренно либеральной линии ему было бы не трудно. «Я доказывал, – писал Н.Я. Николадзе, – что как насаждение крамолы, так и ее

¹ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. Воспоминания. М., 2000. С. 369, 704, прим.

² Шахматов Б.М. Николадзе Нико Яковлевич // Русские писатели. 1800 – 1917. Биографический словарь. М., 1999. С. 312 – 315.

³ Николадзе Н.Я. Освобождение Н.Г. Чернышевского // Былое. 1906. № 9. С. 244 – 245.

искоренение – дело правительства. Самодержавие – необходимая принадлежность лишь первоначального роста государственного организма. По мере же осложнения жизни оно уже не в силах заправлять... всеми функциями страны... Растущую не по дням, а по часам интеллигенцию нельзя вместить в канцелярии. Ей нужно открыть достойное поприще независимой работы над улучшением народного быта, а для этого необходимо расширить сферу деятельности земства и поддержать... общественную инициативу, самодеятельность и т.д.»¹. К.А. Бороздина такой ответ устроил, и он обещал похлопотать о газете. Следующая их встреча состоялась уже в начале сентября. К.А. Бороздин уверял, что дело, благодаря его усилиям, значительно продвинулось, но есть одно обстоятельство – для возобновления газеты нужно вложить в нее 300 тысяч рублей. Н.Я. Николадзе сказал, что спонсора не имеет, и в ответ на это К.А. Бороздин предложил помощь своего знакомого – «дружинника» князя П.П. Демидова Сан-Донато, который будто бы легко даст субсидию на возобновление издания. По свидетельству Н.Я. Николадзе, к этому времени он уже сильно сомневался в искренности К.А. Бороздина, поскольку тот сыпал щедрыми обещаниями, но при этом всякий раз занимал деньги. Окончательно Н.Я. Николадзе утвердился в своих сомнениях после заявления К.А. Бороздина, что П.П. Демидов Сан-Донато бескорыстно готов выдать на нужды незнакомого ему журналиста столь крупную сумму. После этого разговора Н.Я. Николадзе отказался обсуждать с ним свои издательские дела². Однако К.А. Бороздин вновь явился на следующий день и уже прямо заявил, что целью его обещаний было уговорить Н.Я. Николадзе стать посредником в переговорах между террористической партией и правительством. Свою просьбу он объяснял тем, что образ мыслей Н.Я. Николадзе и его прежняя деятельность расположат революционеров и они не станут подозревать в нем шпиона. Н.Я. Николадзе, таким образом, смог бы

¹ Там же. С. 246.

² Там же. С. 247.

«продвинуть обе стороны: правительство – на уступки и реформы, а молодежь – на отречение от террористического образа действий»¹. Кроме того, К.А. Бороздин уверял, что лично связан с И.И. Воронцовым-Дашковым, от которого будто бы и слышал, что император сожалеет по поводу репрессивной политики и что для возвращения на путь реформ необходимо умиротворение. По словам К.А. Бороздина, если Н.Я. Николадзе согласится стать посредником в переговорах с террористами, за возобновлением его газеты дело не станет. В подтверждение своих слов он приглашал Н.Я. Николадзе на личную беседу с И.И. Воронцовым-Дашковым².

В тот же день, 5 сентября 1882 г., после встречи с Н.Я. Николадзе К.А. Бороздин направился к И.И. Воронцову-Дашкову, у которого просил аудиенции для якобы близкого к революционерам публициста, который готов попытаться уговорить народовольцев отказаться от террора. И.И. Воронцов-Дашков ответил не слишком заинтересованно: «Дайте ему понять, что я его выслушаю, но не могу договариваться с ним»³. Аудиенция состоялась в Петергофе. Н.Я. Николадзе вспоминал, что беседа была странной – И.И. Воронцов-Дашков принял и выслушал его «с видом утомленного вельможи, которому все бесконечно надоело». Н.Я. Николадзе «говорил часа два», подробно рассказывая, как, по его мнению, правительство может покончить с террором, после чего И.И. Воронцов пообещал подумать над его словами⁴. Такой ответ главы «Дружины» не соотносится с рассказом К.А. Бороздина о стремлении правительства заключить соглашение с революционерами. И.И. Воронцов-Дашков не только не был инициатором третьих переговоров, о чем ясно говорит его настрой в беседе, но, видимо, и не догадывался, что Н.Я. Николадзе вызывался не самовольно, а будучи уверенным, что это предприятие организовано его собеседником. Учитывая, что К.А. Бороздин

¹ Цит. по: Николадзе Н.Я. Переговоры «Священной дружины» с партией «Народной воли» в 1882 г. Пг., 1917. С. 9 – 10.

² Николадзе Н.Я. Освобождение... С. 248 – 250.

³ Цит. по: Лемке М.К. Указ.соч. С. 663.

⁴ Николадзе Н.Я. Освобождение... С. 253 – 263.

был агентом А.П. Щербатова¹, можно предположить, что это была его третья попытка разыграть ту же монету. Именно А.П. Щербатов, представлявший Н.Я. Николадзе в своем отчете перед начальством «Дружины» завзятым крамольником и курировавший поездки первых двух делегатов, по всей видимости, и настоял на отправке третьего. И, как и в предыдущих случаях, дезинформируя Исполнительный комитет «Дружины», А.П. Щербатов вновь просил денежных субсидий, умалчивая, что Н.Я. Николадзе, не желая быть скомпрометированным, брался совершить поездку полностью за свой счет².

Между первой сентябрьской встречей Н.Я. Николадзе с И.И. Воронцовым-Дашковым и одобрением его предложения прошло около месяца. Это время Н.Я. Николадзе использовал для того, чтобы узнать отношение близких народовольцам журналистов к идее соглашения с правительством и выработать совместно с ними предварительные условия. Н.Я. Николадзе успел обсудить предприятие с Н.К. Михайловским и М.А. Антоновичем. Первый вспоминал: «Он хлопотал о газете,.. и не знаю, каким образом, добрался с этой целью до Воронцова-Дашкова. Тот сказал ему, что это можно устроить, можно устроить и гораздо больше. Государь настроен наилучшим, наиболее склоннейшим образом, он готов дать России конституцию, но надо, чтобы прежде прекратились действия террористов... Николадзе, у которого было мало связей в революционной партии, предложил мне действовать вместе. Я знал, что партия была в это время в упадке, – кто арестован, кто казнен, и только Вера Филиппова (Фигнер) была из крупных деятелей на свободе, скрываясь в Харькове. Ожидать чего-нибудь на коронации и без того нельзя было, но правительство этого не знало, а у страха

¹ Лемке М.К. Указ. соч. С. 665, 666.

² [Бороздин К.А.] «Священная дружина» и «Народная воля». Записка К.А. Бороздина // Былое. 1907. № 10. С. 147, 165. В прилагаемых к записке примечаниях и комментариях Н.Я. Николадзе указывал, что К.А. Бороздин лгал относительно того, будто Н.Я. Николадзе настаивал на том, чтобы взять его в сопроводители. Н.Я. Николадзе писал, что в действительности К.А. Бороздин ему откровенно навязался, причем в последний момент перед отъездом.

глаза велики. Поэтому согласиться на предложение было лестно»¹. Н.К. Михайловский также отмечал, что, по словам Н.Я. Николадзе, в переговорах принимает участие П.П. Шувалов. Позже Н.К. Михайловский узнал от А.В. Гольдштейна, занимавшегося с П.П. Шуваловым химией, и психиатра Томашевского, наблюдавшего П.П. Шувалова в течение нескольких месяцев после крушения его амбициозных планов, и о его конституционных проектах². М.А. Антонович также одобрил миссию Н.Я. Николадзе, полагая, что революционерам предоставляется шанс добиться освобождения Н.Г. Чернышевского³. Н.К. Михайловский совместно с С.Н. Кривенко надиктовали Н.Я. Николадзе в общих чертах предварительную программу: от правительства требовались «социальные, вернее, экономические улучшения народного быта с значительным в этом смысле расширением сферы воздействия печати и земского или общественного самоуправления», а также освобождение Н.Г. Чернышевского в качестве гарантии намерений. План переговоров Н.Я. Николадзе должен был изложить И.И. Воронцову-Дашкову во время их второй встречи 15 октября. К.А. Бороздин не знал ни о совещаниях Н.Я. Николадзе, ни о содержании его второй беседы с И.И. Воронцовым-Дашковым, однако утверждал в своей записке, будто «парламентер» настаивал на агентурном характере своей миссии, а также просил отправить вместе с собой К.А. Бороздина, чтобы через него передавать сведения о революционерах. Впрочем, записка К.А. Бороздина вообще производит впечатление попытки убедить руководство «Дружины», что их с А.П. Щербатовым роль в миссии Н.Я. Нивинского была честной службой на благо «братства». Информация в ней в основном или сильно искажена, или недостоверна, как, например, слова об абсолютной откровенности с ним Н.Я. Николадзе и вообще его, К.А. Бороздина, колоссальной роли в переговорах⁴.

¹ Михайловский Н.К. Воспоминания... С. 6 – 8.

² Там же. С. 7. См.: ИРЛИ РАН. Р. I. Оп. 2. Д. 343. Л. 170; Засулич В.И. «Вольное слово»... С. 190 – 191.

³ Николадзе Н.Я. Переговоры... С. 13.

⁴ См.: [Бороздин К.А.] Указ. соч. С. 143 – 148.

О содержании беседы с И.И. Воронцовым-Дашковым сам Н.Я. Николадзе писал: «Свидевшись с графом.., я услышал от него, что осуществление правительством высказанных мною предположений было бы возможно, если б существовала уверенность, что этим путем положен будет конец террористическим явлениям... Но вместе с тем... раньше, чем правительство окончательно станет на этот путь... ему необходимо получить точные сведения о минимальных стремлениях революционной партии, узнать,.. насколько... можно быть уверенным, что она откажется от своей подпольной деятельности и вернется к легальной... Граф просил меня обстоятельно переговорить с кем-либо из руководителей партии и выяснить осторожно ее виды и стремления, не компрометируя правительство и не подвергаясь опасности принять единоличное мнение того или другого заговорщика за настроение и программу всей партии... Граф... неоднократно прибавлял к этому, что по личному его мнению, если действительно амнистия, свобода печати и расширение сферы земского самоуправления могут побудить революционеров отказаться от террористических выходов, вполне возможно рассчитывать, что правительство охотно согласится принять эти меры, если только до коронации не произойдет никаких новых преступлений»¹. Т.е. речь шла именно о соглашении, а не о провокации «Дружины», как пытался представить переговоры К.А. Бороздин. О неосведомленности К.А. Бороздина говорит и тот факт, что агентурная информация, которую он получал якобы от Н.Я. Николадзе и передавал А.П. Щербатову, зачастую была прямо фантастически далека от истины. Например, в ряду таких сведений К.А. Бороздин приводил перечень фамилий будто бы самых опасных народовольцев – и перечислял в нем известных либералов: В.А. Гольцева, С.А. Муромцева, А.И. Чупрова, А.Н. Пыпина и др. Еще одна явная выдумка К.А. Бороздина – его донесение, что Н.Я. Николадзе через Н.В. Шелгунова удалось связаться с В.Н. Фигнер, которая якобы проживала в то время под

¹ Цит. по: Лемке М.К. Указ. соч. С. 678 – 679.

Петербургом¹. В действительности В.Н. Фигнер находилась в Харькове и никаких встреч с Н.Я. Николадзе не имела, а ездил к ней не Н.В. Шелгунов, а Н.К. Михайловский, о чем Н.Я. Николадзе не знал и, следовательно, не мог сообщить К.А. Бороздину. Обманывал ли Н.Я. Николадзе шпионившего за ним К.А. Бороздина, или же последний дезинформировал А.П. Щербатова, симулируя высокую эффективность своей агентурной работы – неизвестно. Вероятно, некоторые фамилии К.А. Бороздин слышал от Н.Я. Николадзе – последний мог разъяснять ему, с кем из революционеров можно было бы переговорить о деле. Например, Н.Я. Николадзе просил освободить из заключения О.С. Любатович, с которой был лично знаком и посредством которой предполагал выйти на контакт с Исполнительным комитетом². Другими словами, некоторые сведения К.А. Бороздин естественным образом от Н.Я. Николадзе получил, однако представил их в своих донесениях в выгодном для себя свете, обильно сопроводив выдумками. Н.Я. Николадзе, комментировавший в начале XX в. публикацию записки К.А. Бороздина, отмечал, что значительная часть информации, изложенной «литературным агентом», представляет собой общеизвестные факты, а также домыслы и кулуарные разговоры журналистских и литературских кругов того времени, в которые К.А. Бороздин был вхож³.

В день второй встречи Н.Я. Николадзе с И.И. Воронцовым-Дашковым Н.К. Михайловский, посчитавший, что соглашение сулит выгоды революционерам, прибыл к В.Н. Фигнер в Харьков для обсуждения дела. Она вспоминала: «15 октября... в Харьков неожиданно приехал Михайловский. Разыскав меня, он сказал, что целью его приезда является... важное дело, по которому необходимо получить ответ... К нему явился известный литератор Николадзе и сообщил, что одно очень высокопоставленное лицо просило его быть посредником между правительством и партией “Народной воли”...

¹ [Бороздин К.А.] Указ. соч. С. 148 – 154.

² Лемке М.К. Указ. соч. С. 688 – 689.

³ См.: [Бороздин К.А.] Указ. соч. С. 165.

Правительство... утомлено борьбой с «Народной волей» и жаждет мира. Оно сознает, что рамки общественной деятельности должны быть расширены и готово выступить на путь назревших реформ. Но оно не может приступить к ним под угрозой революционного террора... Если «Народная воля» решится воздержаться от террористических актов до коронации, то при коронации будет издан манифест, дающий: 1) полную политическую амнистию; 2) свободу печати и 3) свободу мирной социалистической пропаганды. А в доказательство своей искренности правительство освободит кого-нибудь из осужденных народовольцев»¹. В.Н. Фигнер также подчеркивала, что Н.К. Михайловский возлагал на миссию Н.Я. Николадзе большие надежды, в то время как она подозревала в ней провокацию Г.П. Судейкина. Н.К. Михайловский, однако, настаивал на своем и, получив отрицательный ответ на вопрос, имеет ли партия силы для борьбы, резонно заметил, что народовольцы ничего не теряют. В конечном счете, было решено сказать Н.Я. Николадзе, что в России представителей Исполнительного комитета нет, а вся его работа перенесена за границу. В то же время Л.А. Тихомиров, находящийся в Женеве, будет в подробностях обо всем оповещен и, если переговоры состоятся, выступит с М.Н. Оловенниковой от имени Исполнительного комитета². Также Л.А. Тихомирову были направлены выработанные Н.К. Михайловским с С.Н. Кривенко и В.Н. Фигнер условия: «Партия, которая... и без того бессильна, обещает воздержаться от действий во время коронации... Не определяя ближайшим образом тех реформ, которые должно произвести правительство после коронации, мы потребовали в виде задатка... исполнения к 19 февраля двух пунктов: освобождения Чернышевского и расследования бесчинств, произведенных... на Каре»³.

¹ Фигнер В.Н. Из истории «Народной воли» после 1-го марта 1881 г. // Голос минувшего. 1919. № 5 – 12. С. 92 – 93.

² Там же. С. 94.

³ Михайловский Н.К. Воспоминания... С. 8 – 9.

23 ноября 1882 г. Н.Я. Николадзе с рекомендательным письмом к Л.А. Тихомирову выехал в Женеву¹. Через день после него за границу отправился К.А. Бороздин. По условию Н.Я. Николадзе, К.А. Бороздину запрещалось преследовать его – он должен был поселиться в гостинице в Париже и ждать, пока Н.Я. Николадзе сам свяжется с ним², что является еще одной причиной необходимости критического отношения к донесениям К.А. Бороздина о ходе переговоров. О том, что Н.Я. Николадзе в действительности не информировал К.А. Бороздина, говорит и тот факт, что о поездке Н.К. Михайловского в Харьков стало известно только после предательства С.П. Дегаева, которому В.Н. Фигнер в деталях рассказала о предложении Н.Я. Николадзе, приезде Н.К. Михайловского и планировавшихся переговорах³. Все это дошло до полиции лишь в двадцатых числах декабря, в разгар переговоров Н.Я. Николадзе с Л.А. Тихомировым. Сведения о переговорах с революционерами стали мощным орудием в борьбе полиции с «Дружиной», поскольку дискредитировали лидеров «братства», деятельность которых теперь могла быть представлена как дворцовая интрига. Результатом совместных усилий министра внутренних дел Д.А. Толстого, К.П. Победоносцева, Департамента полиции и издателя «Нового времени» А.С. Суворина, напечатавшего подложный документ, компрометирующий руководство «Святой дружины», был приказ императора от 26 ноября 1882 г. об уничтожении общества⁴. Поездка Н.Я. Николадзе, таким образом, играла для И.И. Воронцова-Дашкова и П.П. Шувалова решающую роль в борьбе за осуществление их политической программы. Успех переговоров реабилитировал бы «Дружину» в глазах монарха и открыл бы перспективы осуществления политических замыслов ее лидеров. Именно ввиду этого версия о переговорах с революционерами как о

¹ Николадзе Н.Я. 1) Освобождение... С. 267; 2) Переговоры «Священной дружины»... С. 27.

² Лемке М.К. Указ. соч. С. 690.

³ Фигнер В.Н. Из истории «Народной воли»... С. 94; Документы и материалы к истории переговоров... С. 214, 214, прим.

⁴ Общество «Священной дружины»... С. 206.

провокации не имеет смысла. В конце ноября-декабре 1882 г. ставки были настолько высоки, что «развлекаться» конкуренцией с лучшим сыщиком империи мог разве что А.П. Щербатов, добывавший этим путем огромные суммы, однако вскоре после отъезда Н.Я. Николадзе он был вынужден отойти от дел «Дружины» из-за начавшегося против него судебного следствия.

Первым пунктом поездки Н.Я. Николадзе стала Женева. По его словам, отыскав Л.А. Тихомирова, он изложил ему суть дела и добавил, что сомневается в готовности правительства приступить к системному реформированию, однако уверен, что из-за боязни возможного покушения на Александра III, оно готово пойти на некоторые уступки¹. Воспоминания Л.А. Тихомирова представляют их первую встречу иначе. По его версии, произошла она только в середине декабря в Париже. Такое расхождение Л.А. Тихомиров объяснял тем, что Н.Я. Николадзе вел сложную игру с приставленным к нему К.А. Бороздиным и вынужден был лгать в ответ на расспросы об Исполнительном комитете. О личности Н.Я. Николадзе Л.А. Тихомиров высказывался положительно и не допускал мысли, что тот может быть провокатором или полицейским агентом. «Он пользовался крупной репутацией в русском радикальном мире. – писал Л.А. Тихомиров. – Жизнь его также была мне известна... Имея очень яркие радикальные убеждения, он подвергался и политическим преследованиям, был эмигрантом, издавал за границей газету, завел обширные знакомства с французскими радикалами... На меня он произвел тогда очень хорошее впечатление. Ум и энергия его обнаруживались сразу»². Прав ли был Л.А. Тихомиров в своем объяснении ошибки Н.Я. Николадзе, или имела место абберрация памяти одного из них – неизвестно. Как бы то ни было, в главном – передаче содержания переговоров – воспоминания Н.Я. Николадзе и Л.А. Тихомирова идентичны. Последний пересказывал те же детали их первой беседы в Париже, которые Н.Я.

¹ Николадзе Н.Я. 1) Освобождение... С. 267; 2) Переговоры «Священной дружины»... С. 29.

² Тихомиров Л.А. Тени прошлого... С. 369 – 371.

Николадзе относил к свиданию в Женеве. Л.А. Тихомиров писал: «К своей миссии он относился очень серьезно, не ожидая от правительства слишком добросовестного исполнения обещаний, но, находя, что эти обещания, даже и с урезками, должны дать достаточно.., чтобы стоило похлопотать о достижении некоторого соглашения... Таково же было мнение Михайловского и Кривенко, и тем более мое – человека, знавшего жалкое ничтожество сил партии... Ему, вероятно, не хотелось говорить, что он связался со «Священной дружиной», да и говорить об этом было излишне, потому что, раз произносилось имя Воронцова-Дашкова, то само собою понятно было, что в дело замешана «Священная дружина». Он ставил дело так, что приносит предложения группы очень влиятельных лиц, от имени которых выступал Воронцов-Дашков»¹. Также Л.А. Тихомиров с точностью передавал обстоятельства встреч Н.Я. Николадзе с И.И. Воронцовым-Дашковым, о которых ему, очевидно, поведал «парламентер».

Установить с точностью дату начала переговоров в Париже несложно. Известно, что К.А. Бороздин, уже почти месяц колесивший по Европе за счет Н.Я. Николадзе, приехал в Париж 21 декабря 1882 г., сам же Н.Я. Николадзе оказался там несколько ранее². А поскольку в Россию он вернулся в последних числах декабря³, можно утверждать, что переговоры делегата «Дружины» с Л.А. Тихомировым и М.Н. Оловенниковой происходили в конце третьей – начале четвертой недели декабря, когда судьба «Дружины» уже была решена. За это время договоренность между Н.Я. Николадзе и уполномоченными «Народной воли» была достигнута. В наиболее полном виде условия соглашения были представлены в так называемом «меморандуме», который со слов Н.Я. Николадзе составил К.А. Бороздин, сопроводив их, в своей характерной манере, произвольными искажениями и добавлениями⁴. Спустя

¹ Там же. С. 371.

² Лемке М.К. Указ. соч. С. 696.

³ Николадзе Н.Я. Переговоры «Священной дружины»... С. 30.

⁴ См.: [Бороздин К.А.] Указ. соч. С. 158 – 160.

много лет этот документ, опубликованный в 1907 г., переработал Л.А. Тихомиров, указав те пункты, на которых они с Н.Я. Николадзе действительно сошлись: общая политическая амнистия, свобода печати и мирной социалистической пропаганды, свобода обществ, расширение земского и городского самоуправления. «Этой ценой, – писал Л.А. Тихомиров, – исполнительный комитет должен дать обязательство не производить террористических покушений до и во время коронации. Мы оба прекрасно понимали, что выторговываемые нами свободы при законодательном определении могут быть и расширяемы, и суживаемы, а потому и не пытались определить их с точностью. Что касается, так сказать, «залога» со стороны «влиятельных лиц», мы остановились: 1) на немедленном освобождении какого-нибудь важного политического преступника; 2) на внесении “влиятельными лицами” какой-либо крупной суммы, например, миллиона рублей, какому-либо благонадежному третьему лицу в Париже.., чтобы эти деньги возвращались “влиятельным лицам” по исполнению ими обещаний или передавались Исполнительному комитету в случае неисполнения обещаний... Относительно суммы залога он мог сделать изменения, если нужно. Относительно человека, которого требовалось освободить немедленно, я предоставил ему выбор по усмотрению, и он хотел требовать Чернышевского»¹. Таким образом, основная часть условий повторяла требования, переданные ранее Э.И. Нивинскому и Н. Клименко. Также, по рекомендации Н.К. Михайловского и В.Н. Фигнер, Н.Я. Николадзе указал К.А. Бороздину требование расследования расправ над политическими заключенными на Каре². Амнистия Н.Г. Чернышевского и начало следствия по карийским волнениям должны были быть инициированы до 19, а, по «меморандуму» К.А. Бороздина, до 20 февраля 1883 г.³

¹ Тихомиров Л.А. Неизданные записки... С. 159 – 160.

² См.: РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 817; Геккер Н.Л. Политическая каторга на Каре // Былое. 1906. № 9. С. 69 – 88; Чернавский М.М. Ипполит Никитич Мышкин (По воспоминаниям каторжанина 70 – 80-х гг.) // Каторга и ссылка. 1926. № 7 – 8. С. 104 – 124.

³ Тихомиров Л.А. Тени прошлого... С. 373 – 374; [Бороздин К.А.] Указ. соч. С. 159.

Л.А. Тихомиров вспоминал о последующем развитии событий: «Оба мы были чрезвычайно довольны и вместе мечтали о будущем, которому оказали такую услугу своими переговорами. Николадзе в душе верил, что множество революционеров при новых условиях перейдут на почву легальной деятельности, да так, вероятно, и было бы... Мы с Николадзе с каждым днем сдружались, оба веселые и довольные». Но ликование было недолгим. Вскоре Н.Я. Николадзе показал Л.А. Тихомирову извещение с указанием прекратить переговоры и немедленно, под угрозой «больших неприятностей», возвращаться¹. Надеюсь, что соглашение все-таки вступит в силу, Н.Я. Николадзе вернулся в Россию. М.К. Лемке, рассуждая об экстренном отзыве третьего «парламентера», полагал, что причиной его послужила нецелесообразность дальнейшего существования «Дружины» – С.П. Дегаев выдал Н.П. Судейкину все, что знал о «Народной воле». Из его сообщений полиции стало ясно, что революционная организация фактически разбита и не имеет сил не то, что на террор, но даже на пропагандистскую деятельность. В связи с этим, по мысли М.К. Лемке, Н.П. Судейкин, не нуждавшийся больше в помощи дилетантов, и решил добиться уничтожения «Дружины»². Тот факт, что переговоры Н.Я. Николадзе продолжались уже после указа о расформировании «Дружины», по мнению М.К. Лемке, не противоречит данной версии, т.к. «дружинники» могли не знать, что их организации больше не существует³. Однако, известно, что рядовые «братья» «Дружины» уже в начале декабря были оповещены об уничтожении организации, а ее руководство узнало о расформировании еще раньше. Об этом свидетельствуют записи из дневника П.А. Валугева, относящиеся к декабрю 1882 г. Первая, датированная 7 декабря: «Вчера был здешний вице-губернатор Волков. По его словам, Святая дружина распущена или распускается. Он сам отпущен, и его “пятерка” упразднена... Граф Воронцов уехал в деревню...

¹ Цит. по: Тихомиров Л.А. Тени прошлого... С. 374.

² Лемке М.К. Указ. соч. С. 728 – 731.

³ Там же. С. 719.

будто по болезни одного из детей»¹. А спустя десять дней, 17 декабря, П.А. Валуев писал: «Был у графа Шувалова. По его словам, его брату, графу Павлу, поручено Государем озаботиться полным расформированием Святой дружины»². М.К. Лемке полагал, что П.А. Валуев говорил не о «Боби» Шувалове, а о Павле Андреевиче Шувалове, брате бывшего шефа жандармов³. Но последний, которого М.К. Лемке ошибочно называл отцом П.П. Шувалова, сам также состоял в «Дружине» и посещал кружок гвардейской молодежи, где, по словам К.П. Победоносцева, верховодил конституционалист «Боби»⁴. Вряд ли П.П. Шувалов мог оставаться в неведении относительно роспуска «Дружины», о котором уже знало все его ближайшее окружение.

По-видимому, в действительности обстоятельства складывались противоположным образом. И.И. Воронцов-Дашков и П.П. Шувалов, получившие почти сразу после отъезда Н.Я. Николадзе приказ ликвидировать «Дружину», не торопились выполнять его, рассчитывая на соглашение с революционной партией и в виду этого на быстрое возвращение и даже рост своего влияния. Реальный масштаб развернувшейся против них кампании они оценили только спустя месяц и, пытаясь спасти хотя бы собственное положение, сразу же отозвали Н.Я. Николадзе. Сходную мысль о его внезапном отъезде высказывала и В.Н. Фигнер: «Очевидно, граф Шувалов не знал, что во главе революционного движения правительство имеет провокатора... Это обстоятельство было таким большим козырем в игре Д. Толстого и Судейкина, что за спиной гр. Воронцова-Дашкова и гр. Шувалова отнимало у них всякую почву и изменяло положение дел в Петербурге настолько, что всякие шансы на успех их конституционных планов утрачивались»⁵. В пользу этой версии говорит и личное объяснение И.И. Воронцова-Дашкова с Н.Я. Николадзе по его возвращении в конце декабря.

¹ Валуев П.А. Указ. соч. С. 213.

² Там же. С. 214.

³ Лемке М.К. Указ. соч. С. 728.

⁴ Письма К.П. Победоносцева... С. 387 – 388.

⁵ Фигнер В.Н. Из политической жизни... С. 133.

Н.Я. Николадзе писал, что И.И. Воронцов-Дашков сообщил ему, что все его расчеты рухнули, и он не может ручаться, что условия будут выполнены, почему просит передать это Л.А. Тихомирову и пояснить, что революционеры «ввиду изменившихся обстоятельств вольны считать себя свободными от всякого уговора и поступать по своему усмотрению». При этом сами бывшие руководители «Дружины» с себя обязательств не снимали¹.хлопотать об их исполнении должен был П.П. Шувалов, к которому он его и направил. Как указывал Н.Я. Николадзе, на встрече с П.П. Шуваловым выяснилось, что помимо расследования дел на Каре и освобождения Н.Г. Чернышевского, «дружинники», введенные в заблуждение К.А. Бороздиным, считали себя обязанными еще и предоставить субсидию лично Н.Я. Николадзе. Удивленный Н.Я. Николадзе сказал, что денег не требовал – в результате, они с П.П. Шуваловым пришли к выводу, что К.А. Бороздин «водил за нос» обе стороны, рассчитывая присвоить эту сумму². Относительно двух других пунктов П.П. Шувалов заявил, что И.И. Воронцову-Дашкову удалось добиться проверки законности действий тюремных властей на Каре; освобождение же Н.Г. Чернышевского – задача более сложная, и что ему необходимы биографические сведения о Н.Г. Чернышевском, прошение его семьи и прочие документы³. К октябрю 1883 г. оба пункта были выполнены.

М.К. Лемке, в концепцию которого этот факт не вписывался, отрицал участие бывших глав «Дружины» в карийском расследовании и амнистии Н.Г. Чернышевского. П.П. Шувалов, по его словам, только разыгрывал «освободителя» и конституционалиста, причем даже через 15 лет после истории «Дружины», а освобождение Н.Г. Чернышевского – и вовсе сладилось само собой⁴. Тем не менее, вероятно, именно П.П. Шуваловым в 1883 г. была составлена записка о смягчении участи Н.Г. Чернышевского, для которой он и

¹ Николадзе Н.Я. Переговоры «Священной дружины»... С. 30.

² Там же. С. 31 – 32.

³ Николадзе Н.Я. Освобождение... С. 277 – 279.

⁴ Лемке М.К. Указ. соч. С. 702 – 705.

просил Н.Я. Николадзе раздобыть некоторые документы. Хотя в архивной описи автором записки значится противник «Дружины» министр Д.А. Толстой¹, текст документа идентичен той записке, которую П.П. Шувалов показывал Н.Я. Николадзе во время их разговора. П.П. Шувалов тогда особенно подчеркивал важность правильных акцентов, говоря, что именно такие формулировки имеют шансы на успех, иначе дело будет загублено. В этом узнается и отсылка к опыту самого П.П. Шувалова, менявшего, в зависимости от обстоятельств, оттенки своих конституционных записок монарху, не изменяя при этом их сути. Н.Я. Николадзе вспоминал, что П.П. Шувалов советовал писать не о невинности Н.Г. Чернышевского, а о том, что он уже сполна искупил свои грехи 20-летним заключением, перенесенным с полным смирением, и что его достойная во всех отношениях семья просит вернуть его ей². Записка 1883 г. почти дословно повторяет те же доводы: «В свое время преступные деяния эти бесспорно могли представляться опасными... Но с тех пор прошло уже 20 лет. – Осужденный отбыл свое наказание... Чернышевский выдержал продолжительное испытание с истинно христианским смирением и, можно сказать, с достоинством...»³. «Сам Чернышевский, – указывалось далее, – даже возмущался попытками революционеров освободить его, писал жене, что “если ему суждено когда-нибудь оставить Виллойск, то он уйдет из него не иначе, как тем же способом, каким в него приехал”». «Достигнув ныне уже преклонных лет (55 лет) и имея двух взрослых сыновей и больную жену, Чернышевский... не в состоянии уже превратиться в ожесточенного преступника. Само преступление его... не представляется уже столь опасным, каким по справедливости могло считаться

¹ О порядке работы министерств, при котором министр зачастую был не знаком с содержанием документов, составленных чиновниками министерства от его имени, и в целом о смыслообразующем значении бюрократической процедуры в процессе разработки и реализации решений см.: Соловьев К.А. Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М., 2017. С. 186 – 187; Политическая система Российской империи в 1881 – 1905 гг.: проблема законотворчества. М., 2018. С. 7 – 12, 26.

² Николадзе Н.Я. Освобождение... С. 277 – 278.

³ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 818. ЛЛ. 2 – 3.

20 лет назад. Сверх того, семейное положение Чернышевского может само по себе уже служить лучшим ручательством его будущей благонадежности». И, наконец, после перечисления заслуг перед обществом семьи Н.Г. Чернышевского и упоминания его сына, который был добровольцем в армии во время войны, в заключение записки говорилось: «Возвратить к жизни и к тихому семейному счастью когда-то заблуждавшегося отца семейства есть подвиг... Высочайшая милость монарха отразится благотворно и на остальной части общества... Молодые интеллигентные силы возблагодарят руку, пощадившую для них талантливое писателя»¹. Последние слова были вычеркнуты в черновике документа, но именно они отчетливо подчеркивали авторство П.П. Шувалова, который и в своих личных записках отдавал дань уважения Н.Г. Чернышевскому как общественному мыслителю².

Революционеры, со своей стороны, также решили следовать уговору. В издании «Народной воли» было сделано заявление, что «И.К. решил до появления коронационного манифеста Александра III не производить никаких наступательных действий»³. О том же, благодаря М.П. Драгоманову, к которому через С.М. Степняка-Кравчинского обратились народовольцы, сообщила лондонская «Pall Mall Gasette»⁴.

Миссия Н.Я. Николадзе, таким образом, имела положительное значение для выяснения возможности соглашения между «аристократической» оппозицией и народовольчеством. Выработанные в процессе переговоров требования отсылали не только к письму Исполнительного комитета Александру III от 10 марта 1881 г., конституционному по содержанию, но и к требованиям земско-украинофильской оппозиции и программы «аристократической партии». Соглашение открывало возможность консолидации оппозиционных сил ради борьбы за общие ближайшие цели.

¹ Там же. ЛЛ. 3 об. – 4 об.

² См.: РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 273. Л. 2 а.

³ Дегаевщина (Материалы и документы) // Былое. 1906. № 4. С. 35.

⁴ Драгоманов М.П. Воспоминания о переговорах... С. 43.

Однако в силу объективных обстоятельств, вызванных противодействием охранительно-консервативной группировки, объединение так и не состоялось. В марте 1882 г. было введено положение «О негласном полицейском надзоре», народовольцев выдал С.П. Дегаев, полиция установила слежку за земскими «левыми» и связанными с ними московскими либералами, Н.К. Михайловский был выслан, Н.Я. Николадзе, М.П. Драгоманов и те, с кем он поддерживал отношения, находились под надзором, положение И.И. Воронцова-Дашкова пошатнулось и он рисковал потерять влияние на императора, П.П. Шувалов был объявлен сумасшедшим и удален от участия в государственных делах.

§ 4. «Земский союз»: живая идея.

Несмотря на поражение «аристократической» группировки в борьбе за влияние на императора, мысль о необходимости консолидации земско-украинофильских, либерально-консервативных и революционных сил в борьбе за общие политические цели не теряла популярности. Однако в силу ужесточения полицейских преследований она была обречена на подспудное развитие. В.Я. Гросул отмечал, что взаимоотношения оппозиционных общественно-политических группировок с властью на протяжении 1880-х гг. оставались, как и прежде, сложными, а их демократические притязания не сводились к простому перечню интеллектуальных или материальных запросов¹. Потому после официального провозглашения монархом внутривластного курса идея «Земского союза» как объединения конституционно-демократических сил не только продолжала существовать, но и продолжала приобретать все большую определенность. В этом отношении затишье общественно-политической жизни 1880-х гг. имело даже положительное значение². Уход в тень официальной политики позволял анализировать опыт борьбы и ошибок конца 1870-х – начала 1880-х гг. На

¹ Гросул В.Я. Указ. соч. С. 411.

² Кузьмишин Е.Л. Контрреформы 1880 – 1890 гг. в России в контексте теории исторических циклов // Вестник Московского университета. М., 2012. № 1. С. 110.

основе этого осмысления происходила дальнейшая конкретизация конституционных программ и формулировались актуальные задачи, целесообразные в существующих политических условиях. Идея объединения оппозиции как средства борьбы за реформирование государственной системы на конституционных началах жила и приобретала все большее признание: на протяжении 1880-х гг. она многократно озвучивалась представителями прогрессивной общественности и вообще к концу правления Александра III интерес к ней сильно возрос.

Так, отчетливые отголоски идейного сближения революционных и леволиберальных сил обнаруживаются в брошюре под названием «Воззвание группы русских конституционалистов 1883 года». Она была издана тайной типографией в Киеве, где в результате синтеза украинофильства с леволиберальными и революционными идеями возник феномен революционного конституционализма. Выход в 1883 г. этой брошюры говорил о том, что земско-украинофильский союз и его связи с революционным движением в южнороссийских губерниях продолжал совместную антиправительственную деятельность. Содержание «Возвания» отражает стремление его составителей к созданию компромиссной оппозиционной платформы в целях ведения организованной систематической борьбы за конституционную реформу. С первых слов брошюры заявлялось, что призыв обращен ко всему обществу, ко всем, кто сочувствует идее уничтожения «политического крепостного права». Авторы «Возвания» признавали, что в предыдущий период общественно-политической жизни единственной силой, которая дошла до осознания необходимости организованного и сплоченного противостояния правительству, была партия революционеров-террористов. Однако к началу 1880-х гг. потребность в коалиции становится все более очевидной уже и для принципиальных противников террора. К последним принадлежат и сами авторы брошюры. «По некоторым существенным вопросам, – говорилось в брошюре, – мы не разделяем воззрений, которые так настойчиво, с таким удивительным самоотвержением защищает эта партия.

Но мы не изъявляем никаких притязаний на непогрешимость, допускаем возможность ошибки и с нашей стороны, и потому требуем для социалистической партии такого же права на существование, как и для себя. При свободном обсуждении вопросов и нужд, которыми изболелся русский народ, возможно устранение крайностей,.. возможно соглашение всех людей, на самом деле любящих родину и посильно работающих ради торжества справедливости». Тут же вновь повторялось заявление земских «левых»: «Мы не сочувствуем средствам, к которым прибегает террористическая группа,.. но мы не можем, по совести, осуждать ряд насилий и преступлений, вызванных диким, безжалостным, вековым насилием самого правительства»¹.

Дальнейшая часть «Воззвания» представляла собой вариант компромиссной программы, на положениях которой могли бы сойтись все оппозиционные силы, требующие конституционной реформы. Излагались требования гарантий прав и свобод личности, в том числе свободы совести и слова, уничтожения предварительной и карательной цензуры, амнистии по политическим преступлениям, создания органа народного представительства. Пояснения к последнему пункту показывали, что составители документа стремились исходить из практических реалий. В связи с выраженной враждебностью официального курса к конституционализму, группа, стоявшая за выходом «Воззвания», понимала, что рассчитывать на радикальное изменение системы власти значило бы впадать в идеалистические мечтания, потому вместо парламента требовала хотя бы совещательного привлечения народных избранников к участию в государственном управлении. В сферу компетенции этого учреждения должно было входить гласное обсуждение законов, законопроектов и сметы государственного бюджета, законную силу решения собрания приобретали бы после утверждения их императором².

¹ Воззвание группы русских конституционалистов 1883 года // Былое. 1906. № 1. С. 301.

² Там же. С. 302.

Очевидно, что проект «Воззвания» был гораздо более умеренным, чем земские оппозиционные адреса и программы периода «рокового пятилетия». Смягчение требований объяснялось не отказом от прежних установок, а соображениями политических приоритетов в существующих обстоятельствах. Уничтожение монархии не было принципиальным пунктом ни либеральной, ни революционной программы¹ – ключевым их требованием был именно допуск представителей земли в сферу государственного управления и получение возможности открытого обсуждения острых вопросов общественной жизни. Сами революционеры не раз подчеркивали свою готовность остановиться в данный период на умеренно-либеральных и общедемократических позициях. Так, например, В.Н. Фигнер произнесла в 1884 г. на суде речь, в которой четко указывала, что вопрос формы правления никогда не был значим для большей части радикальной общественности. Она объясняла позицию «Народной воли» так: «В программе, по которой я действовала,.. самой существенной стороной, имевшей для меня наибольшее значение, было уничтожение абсолютистского образа правления. Собственно я не придаю практического значения тому, стоит ли у нас в программе республика или конституционная монархия. Я думаю – можно мечтать и о республике, но что воплотится в жизнь лишь та форма государственного устройства, к которой общество окажется подготовленным, так что этот вопрос не имеет для меня особенного значения. Я считаю самым главным, самым существенным, чтобы явились такие условия, при которых личность имела бы возможность всесторонне развивать свои силы и всецело отдавать их на пользу общества»². Несколько ранее, летом 1883 г. ту же мысль высказывал и Г.В. Плеханов, который еще совсем недавно был противником конституции и критиковал революционеров, готовых бороться за общие с либералами ближайшие цели. Теперь же, обсуждая в переписке с П.Л.

¹ См.: Дан Ф.И. Указ. соч. С. 199; Волк С.С. Указ. соч. С. 191 – 204.

² Цит. по: Дан Ф.И. Указ. соч. С. 199.

Лавровым вопросы, связанные с изданием «Вестника “Народной воли”», Г.В. Плеханов замечал: «Что касается политической задачи настоящего времени, то мы должны высказать, в каком смысле понимаем мы “изменение политического строя России”. Полагаем, что ни между членами редакции, ни между редакцией и центром народовольческой организации не может возникнуть разногласия, если в программе журнала будет заявлено требование, если не республики, то, по крайней мере, широко-демократической конституции, обнимающей всеобщее избирательное право и полную политическую свободу»¹. Стало быть, умеренно конституционная программа «Воззвания» в своих основных положениях соответствовала господствовавшему настроению оппозиционных сил и выражала политические чаяния не только либеральных, но и революционных групп.

Удовлетворение прочих потребностей – экономической реформы, крестьянского представительства и проч., что соответствовало общему базовому принципу как земско-украинофильских и революционных, так и либерально-консервативных проектов².

За конец 1870-х – начало 1880-х гг. взаимные предубеждения революционной и либеральной оппозиции были частично преодолены ввиду осознания практических выгод сотрудничества для достижения общих целей. Немаловажную роль в этом сыграли переговоры, инициированные «Святой дружиной». Эта идейная трансформация, произошедшая за период кризиса рубежа 1870-х – 1880-х гг., задавала направление деятельности оппозиции на всю первую половину 80-х гг. XIX в. Так, революционная эмиграция середины 1880-х гг. в политическом отношении не шла дальше того, что было достигнуто народовольчеством. Революционеры, пришедшие на смену «Народной воле», в конечном счете, были готовы к компромиссу с любой общественной силой, разделявшей в самых общих чертах либерально-

¹ Цит. по: Дейч Л.Г. Г.В. Плеханов... С. 97 – 98.

² Воззвание... С. 302 – 303.

конституционные требования, выработанные в предшествующий период. Принципиальное значение имело лишь враждебное отношение к абсолютизму. Все прочие вопросы признавались дискуссионными, а их обсуждение в условиях разворачивавшихся контрреформ – нецелесообразным¹. П.Н. Милюков в своих воспоминаниях утверждал, что эта тенденция на программную и тактическую консолидацию вокруг либерально-демократических конституционных принципов сохранялась в среде российской фронды вплоть до начала XX в.² Идея объединения радикальных и земско-либеральных сил на общей конституционной платформе – иными словами, идея «Земского союза», – сыграла важную роль в генезисе российского парламентаризма и партийной системы. В этом отношении показательна, например, судьба видного черниговского земца И.Л. Шрага, который стал депутатом Государственной думы Российской империи первого созыва³ от блока радикально-демократической группы украинцев и Конституционно-демократической партии. У истоков последней также стояли его старые товарищи по земской «левой» – представители черниговской и тверской оппозиции. Такой симбиоз ввиду предыстории земско-украинофильского движения представляется естественно вытекающим из предшествующего этапа общественно-политического процесса.

Прежние идеи о необходимости сплочения оппозиционных сил на принципах земского конституционализма продолжал развивать в 1880-х гг. и М.П. Драгоманов. Наиболее полно его мысль представлена в работе «Вольный союз» – «Вільна спілка», созданной в 1884 г. и изначально публиковавшейся в виде «политико-социальной» программы конституционно-демократической оппозиции. Автор программы утверждал, что в российских реалиях приоритетной целью сторонников общественного прогресса является

¹ Бакалов Г.И. Русская революционная эмиграция среди болгар // Каторга и ссылка. 1930. № 4. С. 116.

² Милюков П.Н. Указ. соч. С. 257.

³ Чмырь С.Г. Шраг Илья Людвигович // Государственная дума Российской империи. 1906 – 1917. С. 814 – 815.

преобразование государственной системы на началах политической свободы. Развернутое пояснение М.П. Драгоманова о том, что именно он понимает под «началами политической свободы», указывало на идеологическую преемственность этой программы с программой «Общества Земского союза и самоуправления». А часть документа, посвященная проблеме прав личности, и вовсе полностью воспроизводила соответствующие пункты программы «Земского союза». Так, М.П. Драгоманов пояснял, что понятие политической свободы прежде всего включает в себя гарантии прав человека и гражданина: отмену смертной казни, «неприкосновенность личности и жилища для полиции без судебного постановления», неприкосновенность частной сферы, включая переписку и вопросы совести (касающиеся как веры и убеждений – в связи с чем предполагалось отделение церкви от государства, – так и национальной и культурной самоидентификации); свободу слова, собраний, передвижения; право сопротивления незаконным действиям властей и предъявления гражданских и уголовных исков против должностных лиц, действия которых нарушают свободы личности; «равенство всех в гражданских правах и обязанностях» и т.д.¹ Следующим определением понятия политической свободы М.П. Драгоманов предполагал соответствие государственных принципов основам самоуправления, которое должно пронизывать все уровни общественной жизни и на высшей ступени воплощаться в народном представительстве. Последнее предполагало создание Государственной и Союзной дум. Пункты о реализации, в том числе институциональном, принципа самоуправления, предложенные программой «Вольного союза», таким образом, просто повторяли пункты программы «Общества Земского союза и самоуправления»². В целом, проект М.П. Драгоманова, как и программа «Земского союза», носила компромиссный

¹ Драгоманов М.П. Проект оснований Устава украинского общества «Вольный Союз» – «Вільна Спілка», 1884 г. URL: <https://constituanta.blogspot.com/2011/08/1884.html> (дата обращения: 20.12.2022).

² Ср.: там же; Политическая программа общества «Земский союз». Женева, 1882.

характер и конкретизировала прежние тактические установки только в отношении национальных окраин Российской империи. В целом же программа «Вольного союза» была очередной попыткой создать практическую основу для консолидации антиправительственных сил.

Той же цели служила и другая работа М.П. Драгоманова – «Накануне новых смут», опубликованная в Женеве в 1886 г. В ней вновь рассматривались задачи будущего конституционного переустройства, а также указывалось направление ближайшей работы оппозиции. Говоря о необходимости объединения и тактической организации сил, М.П. Драгоманов писал: «Всякое хаотическое и основанное исключительно на страстях... движение ведет скорее к отрицательным, чем к положительным результатам... Мы не видим... другого средства, как только в организованном и энергичном действии зрелых возрастом и образованием общественных элементов к установлению в России политической свободы»¹. По его мнению, главной потребностью общественно-политической работы после неудавшегося совместного выступления начала 1880-х гг. было формирование оппозиционной организации посредством создания сети автономных сообществ, преследующих цели перестройки государственной системы на основах конституционализма и самоуправления и действующих согласованно².

М.П. Драгоманов, таким образом, развивал линию, намеченную и проводимую еще «Вольным словом», предвидя последующие трансформации политического режима России. В последующие годы его земско-конституционная программа, несмотря на закрытие газеты в 1883 г., приобретала все большую популярность³, как и в целом повестка начала 1880-х, оказавшаяся к началу XX века сверхактуальной⁴. В конце 1880-х гг. наследником «Вольного слова» и программы «Земского союза» выступила

¹ Драгоманов М.П. Накануне новых смут. Женева, 1886. С. 8.

² Там же. С. 8 – 9.

³ Гусман Л.Ю. Указ. соч. С. 135 – 136.

⁴ К.А. Соловьев. Политическая система Российской империи в 1881 – 1905 гг.: проблема законотворчества. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 6 – 7.

газета «Самоуправление», объявившая себя органом «социалистов-федералистов». В редакцию газеты входили как известные сторонники вольнословской программы, так и близкие революционным кругам публицисты, некоторые из которых еще недавно враждовали друг с другом. В ряду сотрудников газеты состояли: М.П. Драгоманов, В.К. Дебогорий-Мокриевич, В.И. Засулич, П.Б. Аксельрод, Г.В. Плеханов, И.И. Добровольский, С.М. Степняк-Кравчинский, Н.К. Михайловский, П.Л. Лавров, В.Л. Бурцев и др.¹ Уже в первом номере газеты заявлялось, что своей целью редакция видит борьбу за политическую свободу, но не путем революции или переворота, а посредством комбинации легальных средств публицистической, земской и проч. работы с нелегальным способом деятельности, избранным народовольцами. При этом предпочтительным провозглашался путь ненасильственный; террор допускался только при условии его широкой общественной поддержки². Такая позиция была явным компромиссом между членами редакции, поскольку тот же М.П. Драгоманов оставался противником террора. Однако, как и «Вольное слово», «Самоуправление» позиционировало себя площадкой, свободной для дискуссии, потому расхождение мнений не должно было препятствовать общим задачам. Характеризуя состав редакции, С.М. Степняк-Кравчинский писал о «пестром смешении мнений», подчеркивая, однако, что «все они сходятся на том, что умеренная политическая реформа – необходимый шаг, который должен быть сделан для того, чтобы русский народ мог мирно развиваться в наиболее благоприятном для него направлении»³. Примечательно, что даже конфликт Г.В. Плеханова с М.П. Драгомановым, сыгравший свою роль в том, что на рубеже 1870-х – 1880-х гг. оппозиционной коалиции не сложилось, к концу 1880-х гг. уже не представлялся преградой

¹ Широкова В.В. Газета «Самоуправление» // Вопросы истории. 1982. № 11. С. 180 – 184.

² Будницкий О.В. Указ. соч. С. 85 – 86.

³ Цит. по: Циллиакус К. Указ. соч. С. 189.

для выступлений с общей трибуны с общими требованиями. Программа «социалистов-федералистов» «Самоуправления» распространялась в России и имела широкое хождение в Москве¹.

Федеративно-конституционные и объединительные идеи пропагандировались в 1880-х гг. со страниц еще одного издания – журнала «Свободная Россия». Его издателем был В.Л. Бурцев, а большую часть корреспондентов составили публицисты «Самоуправления», в том числе М.П. Драгоманов, которого В.Л. Бурцев просил взять на себя редактирование и, как и в «Вольном слове», проводить основную политическую линию издания. Целью журнала также было объединение разнородных оппозиционных элементов на общих основаниях борьбы за конституционную реформу, о чем заявлялось в первой же программной статье. Редактор журнала, говоря об общности политических чаяний всей прогрессивной общественности России, писал: «Теперь в России нет и не может быть никаких иных задач, кроме чисто политических. Поэтому необходимо “бить” все время в одну точку... Пора, давно пора бросить нам делиться... на “либералов” и “революционеров”; теперь мы все либералы, теперь мы все революционеры, и никто не имеет права отказываться от долга и чести быть либералом и революционером»².

Свидетельством роста популярности к концу 1880-х гг. идей консолидации конституционной оппозиции служит также появление в этот период еще одной программной работы, формулирующей ту же потребность в образовании единого политического фронта. Ее автором был В.А. Гольцев, известный земец и публицист, активно участвовавший в перипетиях 1870-х – 1880-х гг. Его программная статья, названная «Земский собор», не была опубликована, однако представляла собой яркое свидетельство политической прозорливости автора и отражала явное нарастание динамики объединительных устремлений в антиправительственном лагере. В.А. Гольцев

¹ Меньшиков Л.П. Охрана и революция. М., 1925. Ч. 1. С. 35.

² Цит. по: Будницкий О.В. Указ. соч. С. 89.

писал: «В воздухе носится... недовольство старыми путями, искание новых. Возникают новые учения, новые программы... Нам кажется, что во всех этих новых учениях замечается поворот к чему-то, что обще им всем и может примирить их»¹. Пытаясь осмыслить опыт политической борьбы рубежа 1870-х – 1880-х гг. и наметить программу, которая сплотит оппозиционные силы, автор указывал, что «мирный исход» кризиса в России возможен только при условии возникновения «сильной партии реформ», объединенной «под знаменем Земского собора»². Таким образом, программа В.А. Гольцева была явно преемственна курсу «Вольного слова» и «Земского союза» и пропагандировала то же мысль, что прогрессивные силы общества должны сплотиться под знаменем конституционной реформы и борьбы с реакцией. Только тогда под их совокупным давлением власть будет вынуждена обратиться к обществу, что положит начало новому периоду в истории России.

В начале 1880-х гг. центром оппозиционных элементов стала среда женеvской политической эмиграции. Однако развернутая «Вольным словом» кампания по привлечению к земско-конституционной платформе эмигрантов разных направлений и критика тактики террора, имела лишь относительный успех. Часть революционной эмиграции примкнула к «Вольному слову» и его программе, изложенной М.П. Драгомановым и в программе общества «Земский союз». Однако, группа революционеров, близкая к Г.В. Плеханову, встала на позиции вражды к М.П. Драгоманову, подрывая проект последнего по консолидации сил. Конфликт лидеров чернопредельчества с лидером вольнословского движения, несмотря на формально «идеологическую» риторику, фактически имел характер субъективной неприязни, обусловленной не политическими мотивами. Об этом свидетельствовала принципиальная идейная идентичность требований «Черного передела» к федералистской

¹ Цит. по: Меньшиков Л.П. Указ. соч. С. 30 – 31.

² Цит. по: там же. С. 31 – 32.

программе социалистов-украинофилов, под влиянием которых первые и формировались. Подтверждением этому служит и содержание полемики «Черного передела» со сторонниками М.П. Драгоманова, вскрывающее личные корни конфликта. М.П. Драгоманов резко критически отнесся к целому ряду предприятий, инициированных лидерами «Черного передела». Среди таких акций была, например, демонстрация у Казанского собора 1876 г. Она стала первым публичным выступлением Г.В. Плеханова, но была организована плохо и почти сразу закончилась уличными беспорядками, в результате которых пострадала случайная публика и люди, введенные в заблуждение организаторами. За беспринципность и аморальность критиковались М.П. Драгомановым также чернопередельцы Я.В. Стефанович и Л.Г. Дейч, прославившиеся чигиринской авантюрой и попыткой убийства «предателя», который таковым не оказался. Вражда лидеров «Черного передела» к М.П. Драгоманову обернулась поляризацией эмигрантской среды и сделала совместную работу для общих целей в этот период невозможной.

Несмотря на «травлю» «Вольного слова», финансировавшая его «аристократическая» оппозиция инициировала в 1882 г. переговоры с представителями Исполнительного комитета «Народной воли». Целью переговоров было заключение тактического соглашения, дабы совместными усилиями вынудить правительство стать на путь конституционных реформ. Условием договоренности со стороны «Народной воли» было обязательство приостановки террора до выхода коронационного манифеста, лидеры же «Святой дружины» обещали добиться посредством своего личного влияния на императора ряда конституционных уступок, по меньшей мере частичной политической амнистии и созыва Земского собора. В качестве залога «Дружина» согласилась внести в кассу Исполнительного комитета крупную денежную сумму, добиться расследования преступлений тюремного начальства на Каре и освобождения Н.Г. Чернышевского. В течение второй половины 1882 г. переговоры велись трижды, однако больший успех имела последняя попытка соглашения. Прерывания переговоров были связаны, в

первую очередь, с несогласованностью среди самих деятелей «Дружины». Помимо И.И. Воронцова-Дашкова и П.П. Шувалова, придерживавшихся прогрессистской политической программы, в заграничных миссиях «парламентеров» участвовал и А.П. Щербатов, использовавший свое положение для личного обогащения. Создание затруднений в переговорах и их неоднократное продление на неопределенный срок позволяли А.П. Щербатову просить у руководства дополнительных субсидий, отчего он и делал все возможное для препятствования быстрому завершению дела. Третья попытка переговоров оказалась наиболее успешной, поскольку А.П. Щербатов в это время был удален от дел. Без его посредничества третий делегат «Дружины» Н.Я. Николадзе взаимодействовал непосредственно с ее руководством в лице И.И. Воронцова-Дашкова и П.П. Шувалова, и результатом было быстрое заключение договора на обозначенных условиях.

Формально при этом сделка «Дружины» с «Народной волей» завершена не была, поскольку в конце декабря 1882 г. Н.Я. Николадзе внезапно отозвали из Парижа. Консервативная группировка Д.А. Толстого, К.П. Победоносцева и Н.П. Судейкина, настроенных против конституционных планов лидеров «Дружины», развернула в это время кампанию по уничтожению общества. К концу 1882 г. придворная борьба приобрела угрожающие И.И. Воронцову-Дашкову и П.П. Шувалову масштабы, а «Дружина» была экстренно ликвидирована. Несмотря на такой исход, можно говорить о том, что переговоры имели положительное значение, поскольку позволили прояснить саму возможность и готовность разрозненных оппозиционных сил к союзу, а также установить его компромиссные основания. Принципы, на которых было достигнуто соглашение, прямо отсылали к конституционному письму Исполнительного комитета Александру III от 10 марта 1881 г., но в то же время повторяли в основных чертах и требования земско-украинофильского союза, и проекты Р.А. Фадеева, И.И. Воронцова-Дашкова и П.П. Шувалова.

Изменения расстановки сил при дворе и последовавшие перемены внутриполитического характера препятствовали реализации в начале 1880-х

гг. идеи «Земского союза». К концу 1882 – началу 1883 гг. на месте прежней неопределенности правительственного курса, открывавшей дорогу разного рода проектам, обозначились признаки новой государственной линии, не ориентированной на политическое реформаторство. Новый курс положил конец открытой борьбе за конституционную реформу и пресек на время дискуссию о государственном переустройстве. Вновь разговоры о необходимости сплочения оппозиционных сил в борьбе за политическую свободу, самоуправление и представительство зазвучали уже в середине и второй половине 1880-х гг. Наиболее яркими проявлениями дальнейшего развития этих объединительных тенденций служат заграничные издания «Самоуправление» и «Свободная Россия», созданные при участии эмигрантов разных направлений, поддерживающих идею борьбы за конституцию и децентрализацию, работы М.П. Драгоманова, относящиеся к периоду после 1883 г., такие как «“Вольный союз” – “Вільна спілка”» и «Накануне новых смут», а также программная статья В.А. Гольцева «Земский собор».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период российской истории с конца 1870-х – начала 1880-х гг. ознаменовался глубинными переменами в общественно-политической жизни страны. С одной стороны, это был период острого политического кризиса, вызванного незавершенностью преобразований Александра II. Логика Великих реформ требовала системной модернизации аппарата власти, однако само правительство, встав на этот путь, попыталось избежать реформы политической и, напуганное подъемом общественно-политического движения, воспрепятствовать дальнейшему движению преобразовательного импульса. С другой стороны, правительственный курс, направленный на искоренение либеральных ожиданий общества, способствовал нарастанию сопротивления. Выражением этого процесса было активное обсуждение представителями различных социально-политических направлений проблем, касающихся взаимоотношений государства и общества, поиск ими подлинных причин социальной дезинтеграции и путей преодоления кризиса. В результате дискуссий все более конкретизировались оппозиционные политические программы, создавались проекты с формулами «оздоровления» российского государства. Динамика развития исследуемых направлений общественной мысли в этот период характеризовалась двумя векторами их движения. Во-первых – к более глубокому внутреннему самоопределению, формулированию ближайших и стратегических задач, проработке программных принципов в их сравнительном соотнесении с позициями других политических направлений. Во-вторых, в конце 1870-х – начале 1880-х гг. становится выраженной и центростремительная направленность развития оппозиционных сил. Вне зависимости от степени радикальности идейных установок они постепенно все больше склонялись к мысли об общности демократических принципов своих программ. Признавая единство ближайших целей всех антиправительственных сил, представители оппозиции начали стремиться к взаимовыгодному тактическому сотрудничеству. Главным общим

требованием этого объединенного движения становилось требование возврата к реформам и их завершения в конституционном ключе на основе принципов представительства и самоуправления. Результатом сходного видения общественно-политической ситуации было взаимное практическое тяготение либеральной и революционной оппозиции, а также наиболее прогрессивной части умеренно-консервативной среды, занятой поиском путей преодоления кризиса. Соприкосновения на почве земского быта порождали существенные идеологические трансформации внутри оппозиционных программ и их идейный синтез, породивший такие новые явления общественной жизни, как революционный конституционализм, земский либеральный радикализм и либеральный консерватизм.

Тенденция радикализации взглядов земской оппозиции просматривается при исследовании земских либеральных адресов и заявлений представителей земской среды 1879 – 1880 гг., а также при изучении практической деятельности наиболее активных земских лидеров. Черниговское, Тверское, Харьковское и др. земства воспользовались призывом правительства о помощи в борьбе с крамолой, чтобы предъявить власти политический «вексель». И, хотя в своих выступлениях земцы подчеркивали, что не разделяют революционные принципы, в практическом отношении они часто выступали в роли союзников революционных сил – оказывали им финансовую поддержку, предоставляли «неблагонадежным» работу в земствах, укрывали от полиции и т.д. Тяготение земских «левых» к активной политической деятельности имело своим проявлением попытку создания нелегального оппозиционного объединения для организованной борьбы с правительством. Для реализации этой идеи земцам удалось провести несколько съездов, что само по себе было нарушением закона о работе земских учреждений. Ведя переговоры с оппозиционными силами юга России, земские либералы смогли достичь соглашения с украинофилами, многие из которых состояли одновременно и в революционных кружках. Благодаря этому, к земско-украинофильскому союзу присоединился и ряд революционеров-

«дезорганизаторов», разделявших социалистические и федералистские идеи украинофилов. Программа этого первого объединения была сформулирована лидером черниговской оппозиции И.И. Петрункевичем в статье «Ближайшие задачи земства». Ее центральными пунктами были требования гарантии прав и свобод, свободы дискуссии по общественно-политическим проблемам, улучшения социально-экономического благосостояния народа и созыва Учредительного собрания из представителей земли для решения главных государственных вопросов и определения политического курса. Таким образом, уже в конце 1870-х гг. к конституционной программе, помимо земских либералов, отказавшихся от установки на исключительно легальную борьбу, присоединились и радикальные элементы юга России – украинофилы, считавшие, что «вырвать» конституцию у власти необходимо любыми ненасильственными путями, а также часть революционной молодежи.

Требования «Ближайших задач земства» находили сторонников и среди самых радикальных представителей революционной среды. Первыми конституционалистами от революции оказались те, кто стоял у истоков террора – В.А. Осинский, А.И. Желябов и др. Поначалу их соображения о благах конституционного порядка воспринимались большинством революционеров как отход от социалистических убеждений, крен в сторону либерализма. Однако в течение нескольких лет рубежа 1870-х – 1880-х гг. подобное перерождение пережила значительная часть революционного лагеря. После теракта 1 марта 1881 г., когда вопреки ожиданиям революционеров народного бунта так и не случилось, конституционализм становится базовым принципом программы народолюбчества. Несколько позже к тем же позициям пришли и народники «Черного передела». Уже требования письма Исполнительного комитета к Александру III, опубликованного вслед за событием 1 марта, не шли дальше земско-украинофильской программы, были даже более умеренны. Осознав, что расчеты на восстание иллюзорны, а обстоятельства вынуждают пересмотреть убеждения и стать на твердую практическую почву, народолюбцы требовали

лишь политической амнистии и всенародно избранного Учредительного собрания для решения вопроса о форме правления.

Общность требований земско-украинофильской и революционной программ обусловила их стремление к тактическому сближению. Начиная с конца 1870-х гг. представители этих направлений оппозиции предпринимали попытки договориться об объединении усилий для совместной борьбы за конституционную реформу. Однако, несмотря на тесное взаимодействие, программной консолидации леволиберальных и революционных сил в этот период не произошло. Причиной тому была неготовность значительной части народников открыто отказаться от предубеждений относительно политической борьбы и страх союза с либералами, который многими все еще толковался как предательство социалистических идеалов. Против народнического догматизма активно выступал Н.К. Михайловский, пользовавшийся в революционной среде большим авторитетом. О внутренней антиномичности революционного движения, которая долго не позволяла ему вступать в выгодные союзы, свидетельствует и тот факт, что во время переговоров 1878 г., единственным препятствием к соглашению стал пункт о терроре. Представители революционной группы согласились с земцами и украинофилами по всем другим пунктам, однако, боясь потери политической идентичности, отвергли все доводы в пользу приостановки террора. Тем не менее, данные совещания, пусть и не завершившиеся успехом, заложили основу для дальнейшего программного и практического сотрудничества и способствовали распространению идеи объединения конституционной оппозиции для борьбы за политическую реформу.

В связи с тенденцией к консолидации антиправительственных сил находит объяснение и история организации «Святая дружина», которая была создана вскоре после гибели Александра II формально как антиреволюционное общество. Изучение личных общественно-политических воззрений и деятельности лидеров «Дружины», среди которых были представители близкого окружения императора, показывает, что под

покровом официальных охранительных функций главы организации преследовали реформаторские цели, рассчитывая осуществить их посредством своего личного влияния на императора. Способом воздействия на Александра III и укрепления своих позиций при дворе «дружинники» видели устранение террористической угрозы, которая, по их мнению, не позволяла склонить Александра III к завершению реформаторских начинаний отца. Воззрения лидеров «Святой дружины» прямо восходили к требованиям «аристократической» оппозиции 1860-х гг.

Неофициальную программу «Дружины» сформулировали Р.А. Фадеев и И.И. Воронцов-Дашков в совместной работе «Письма о современном состоянии России». Те же принципы получили развитие и в многочисленных записках и заметках П.П. Шувалова, в том числе, в нескольких конституционных проектах, которые он дважды подавал на имя императора. Систему политических воззрений глав «Дружины» можно охарактеризовать как либерально-консервативную. Лидеры общества были убеждены, что для успешного развития российского государства необходима конституционная политическая реформа, которую верховная власть должна осуществить добровольно. Прежде всего, по их мнению, требовалось гарантировать всю полноту гражданских прав и свобод и начать процесс демократизации государственного аппарата. В связи с этим особое внимание в программных документах «дружинников» уделялось вопросам земского самоуправления, которое, по мысли «консерваторов-западников», уже содержало в себе зачатки будущего общественно-политического устройства, однако для реализации этого потенциала необходимо было сделать земский принцип основополагающим для всей системы государственного управления. На высшем уровне его воплощением стало бы создание постоянно действующих органов народного представительства, обладающих законодательными функциями, ограниченными лишь конституцией.

Подобное понимание потребностей общественной жизни открывало возможность для сближения лидеров «аристократической» оппозиции с

движением земцев и украинофилов. Площадкой для такого сближения стало женеvское издание «Вольное слово», созданное по инициативе «Дружины» и финансируемое ею. Благодаря усилиям известного профессора-украинофила М.П. Драгоманова, возглавившего редакцию, журнал последовательно проводил конституционную программу и развивал мысль о необходимости сплочения демократической оппозиции для совместного натиска на правительство. Из-за антитеррористической направленности «Вольного слова» оно подверглось подозрениям и обвинениям со стороны части революционной эмиграции, однако версия о провокаторской роли журнала корпусом имеющихся источников не подтверждается. Одновременно с редакцией М.П. Драгоманова, субсидии от «Святой дружины» получали и украинофильские кружки, планировавшие использовать эти средства для выпуска подпольных изданий. Помимо прочего, имели место и попытки П.П. Шувалова наладить личные контакты с представителями земско-либеральной среды. В процессе популяризации «Вольного слова» и формирования сети «вольнословских» кружков в России происходил программный симбиоз либерально-консервативной и земско-украинофильской оппозиции, к союзу с которыми приглашались все, сочувствующие требованиям гражданских и политических свобод, народного представительства и децентрализации управления. Воплощением этого стремления служит «Политическая программа общества “Земский союз”». Она была составлена первым редактором «Вольного слова» А.П. Мальшинским совместно с «дружинником» П.П. Шуваловым и М.П. Драгомановым и представляла собой попытку составления универсальной программы земско-конституционного движения. Кроме того, программа должна была представить общественности будто бы существующую общепозиционную организацию «Земский союз». Объявив себя органом фиктивного сообщества, «Вольное слово» преследовало цель объединить вокруг представленных программных принципов конституционную оппозицию, придав тем самым «Земскому союзу» действительное существование. Тем более, что мысль о создании

такого «союза» или «лиги» оппозиционных элементов с конца 1870-х гг. неоднократно высказывалась в качестве актуальной потребности политической борьбы. Публикация программы «Земского союза» должна была завершить неудавшееся в 1870-х гг. объединение оппозиции.

История «Святой дружины» была тесно связана с борьбой придворных группировок, развернувшейся в первые годы правления Александра III и имевшей целью влияние на направление внутренней политики. В этом отношении программа лидеров «Дружины» противостояла традиционно консервативным веяниям в среде ближайшего окружения императора. Понимание объективных причин политического кризиса вкупе с ростом реакционно-консервативных притязаний части придворной клики толкало «консерваторов-западников» из «Дружины» к сближению с другими прогрессивными силами и поиску соглашения с ними. По мере признания необходимости сплочения антиправительственного лагеря все более популярной становилась и формула «Земского союза». Центрами объединительного движения были Женева, где издавалось «Вольное слово» и Париж, где в 1882 г. состоялись переговоры делегатов «Святой дружины» с представителями Исполнительного комитета «Народной воли».

Деятельность М.П. Драгоманова в «Вольном слове» имела относительный успех. Его авторитет среди женеvской эмиграции способствовал привлечению к программе «Вольного слова» и «Земского союза» сочувствующих, но в то же время и настраивал против издания тех, кто имел неприязненные отношения лично с М.П. Драгомановым. В частности, лидеры «Черного передела» стремились добиться изоляции «Вольного слова» и дискредитировать редакцию в глазах других эмигрантов. Причиной вражды была критика М.П. Драгомановым Казанской демонстрации, в ряду организаторов которой был Г.В. Плеханов, и скандальных авантюр Я.В. Стефановича и Л.Г. Дейча. Также в связи с переговорами о присоединении «Черного передела» к «Народной воле», ради которого плехановцы отказались от своей прежней критики терроризма, М.П. Драгоманов едко высказался о

готовности народников поступаться принципами. Конфликт провоцировал поляризацию эмиграции, часть которой присоединилась к программе «Вольного слова», а другая, связанная с Г.В. Плехановым, поддержала травлю издания. Таким образом, «Вольное слово» смогло объединить вокруг себя сочувствующих земско-конституционной программе, однако союз с народниками «Черного передела», идейно стоявшими наиболее близко к этой программе, оказывался невозможным.

Для осуществления реформаторских планов И.И. Воронцова-Дашкова и П.П. Шувалова было необходимо тактическое соглашение с революционерами. В течение второй половины 1882 г. «Дружина» пыталась трижды вступить в переговоры с представителями Исполнительного комитета «Народной воли». Наиболее успешными оказались последние переговоры. Все три «парламентера» «Дружины» обращались к революционерам с одними и теми же предложениями. Народовольцам предлагалось приостановить террор до выхода коронационного манифеста, ко времени обнародования которого лидеры «Дружины» попытались бы добиться от Александра III ряда либеральных уступок – полной или частичной политической амнистии, расширения свободы слова, печати и самоуправления, согласия на созыв Земского собора и т.п. В качестве гарантии серьезности намерений «дружинники» выражали готовность выхлопотать в короткий срок освобождение одного из революционеров (выбор был сделан в пользу Н.Г. Чернышевского), инициировать начало судебного разбирательства преступлений тюремного начальства Карийской каторжной тюрьмы и выдать революционерам крупную денежную сумму, которая, в случае, если к условленному сроку обязательства не будут выполнены, перейдет в распоряжение «Народной воли». Делегатами «Дружины» на переговорах выступали Э.И. Нивинский, Н. Клименко и Н.Я. Николадзе, от имени Исполнительного комитета «Народной воли» – находившиеся за границей П.Л. Лавров, М.Н. Оловенникова и Л.А. Тихомиров. Первые две попытки договориться успехом не увенчались, поскольку посредником между

делегатами и руководством «Дружины» выступал А.П. Щербатов. Он использовал переговоры в целях личного обогащения и был заинтересован в их затягивании, дезинформируя с этой целью обе стороны. Третьи переговоры с революционерами, происходившие после устранения А.П. Щербатова и при личном участии И.И. Воронцова-Дашкова и П.П. Шувалова, оказались более продуктивными. Договоренность между Н.Я. Николадзе и Л.А. Тихомировым на указанных условиях была быстро достигнута. Однако спустя около недели после первой встречи в Париже Н.Я. Николадзе получил указание срочно вернуться в Петербург, и в документальном виде соглашение «Дружины» с «Народной волей» оформлено не было. Причиной внезапного отзыва Н.Я. Николадзе стала победа в придворной борьбе охранительно-реакционной группировки. К.П. Победоносцев и Д.А. Толстой при помощи Н.П. Судейкина и издателя А.С. Суворина к декабрю 1882 г. развернули масштабную кампанию против «Святой дружины». Единственной возможностью хотя бы частично спасти свое положение для И.И. Воронцова-Дашкова и П.П. Шувалова оставалась ликвидация всех предприятий «Дружины», которая ко времени миссии Н.Я. Николадзе уже имела нелегальный статус, так как официально была упразднена императором еще в ноябре 1882 г.

Тем не менее, результатом переговоров стало выяснение самой возможности программного компромисса на базе общих конституционных требований. Союз революционных, земско-украинофильских и либерально-консервативных сил в политическом отношении был взаимовыгодным для всех трех сторон и ориентированным на тактическое сплочение конституционной оппозиции. Положения последнего, формально не состоявшегося, соглашения Н.Я. Николадзе с Л.А. Тихомировым соблюдались обеими сторонами, хоть и с неизбежным в условиях нового правительственного курса нарушением сроков.

Поражение группировки «консерваторов-западников» и разворачивание мер по ликвидации оппозиционных элементов имели следствием временное затухание работы по консолидации антиправительственного лагеря и переход

конституционного движения к этапу скрытого, подспудного развития, первые итоги которого проявили себя уже к середине и концу 1880-х гг. К этому времени в России и в среде российской эмиграции вновь начинает звучать формула «Земского союза» с ее центральным пунктом о необходимости объединения и организации оппозиционных сил для совместного противостояния контрреформаторскому курсу. Вновь возвращается в повестку и идея создания свободного общедемократического печатного органа, а также борьбы за политическую реформу в духе конституционных требований письма Исполнительного комитета и земско-либеральных проектов. За границей появляются издания с говорящими названиями «Самоуправление» и «Свободная Россия», выходят программные работы М.П. Драгоманова и В.А. Гольцева, в правительственной среде И.И. Воронцов-Дашков, сумевший сохранить, благодаря личным качествам, как уважение Александра III, так и подчеркнутую независимость взглядов, становится открытым «официальным оппонентом» контрреформ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Архивные материалы

1. Архив Дома Плеханова Российской национальной библиотеки (АДП РНБ)

1. Ф. 753 (Струве П.Б.). Оп. 1. Д. 20.
2. Ф. 1097 (Дейч Л.Г.). Оп. 1. ДД. 24, 165, 645.
3. Ф. 1098 (Засулич В.И.). Оп. 1. ДД. 135, 175.

2. Архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук (Архив СПбИИ РАН)

1. Ф. 276 (Издательский фонд). Оп. 2. Д. 146.

3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1. Ф. 102 (Департамент полиции Министерства внутренних дел). Оп. 77. ДД. 7, 92, 165, 410, 766, 836, 862, 867, 1215, 1293, 1358, 1567, 1574; Оп. 78. ДД. 221. 432, 474.
2. Ф. 730 (Игнатъев Н.П.). Оп. 1. ДД. 1502, 1504, 1505.
3. Ф. 1766 (Священная дружина). Оп. 1. Д. 4.

4. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (ИРЛИ РАН)

1. Р. I (Богучарский В.Я.). Оп. 2. Д. 343.
2. Ф. 3 (Аксаковы). Оп. 2. ДД. 27, 77, 78; Оп. 4. Д. 639.
3. Ф. 661 (Архив М.К. Лемке). Оп. 1. Д. 17.

5. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)

1. Ф. 383 (Фонд профессора Драгоманова М.П.). Оп. 1. ДД. 121, 122.

6. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)

1. Ф. 621 (Пыпин А.Н.). Оп. 1. Д. 231, 287.

2. Ф. 876 (Шувалов П.П.). Оп. 1. ДД. 1, 4.

3. Ф. 1000 (Собрание отдельных поступлений). Оп. 2. Д. 1199.

7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

1. Ф. 1288 (Шуваловы). Оп. 1. ДД. 1259, 1298, 3231, 3239, 3242, 3246, 3262, 3292, 3293, 3317, 3319, 3353, 3354, 3356.

8. Российский государственный исторический архив (РГИА)

1. Ф. 776 (Главное управление по делам печати МВД). Оп. 20. ДД. 213, 450.

2. Ф. 839 (Арсеньев Д.С.). Оп. 1. Д. 19.

3. Ф. 851 (Головнин А.В.). Оп. 1. Д. 17.

4. Ф. 866 (Лорис-Меликов М.Т.). Оп. 1. Д. 147.

5. Ф. 919 (Воронцовы-Дашковы). Оп. 2. ДД. 221, 222, 224, 226, 227, 502, 4210.

6. Ф. 1092 (Шуваловы). Оп. 1. ДД. 246, 272, 273, 275, 278, 283, 311, 316.

7. Ф. 1093 (Щеголев П.А.). Оп. 1. ДД. 27, 84, 87, 115, 242, 264, 272, 280, 335, 365, 387.

8. Ф. 1100 (Фадеевы). Оп. 1. Д. 70.

9. Ф. 1101 (Документы личного происхождения, не составляющие отдельных фондов). Оп. 1. ДД. 817, 818; Оп. 2. ДД. 505, 506.

10. Ф. 1561 (Игнатъев Н.П.). Оп. 1. Д. 27.

11. Ф. 1622 (Витте С.Ю.). Оп. 1. Д. 389.

12. Ф. 1642 (Куломзин А.Н.). Оп. 1. Д. 189.

9. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)

1. Ф. 1065 (Драгоманов Михаил Петрович). Оп. 4. Д. 5.

Сборники и отдельные публикации документов

1. Воззвание группы русских конституционалистов 1883 года // Былое. СПб., 1906. № 1. С. 301 – 303.

2. Государственные преступления в России в XIX веке. Сборник из официальных изданий правительственных сообщений / Под ред. Б. Базилевского. Париж: Société nouvelle de librairie et d'édition, 1905. Т. 3. 341 с.
3. Дегаевщина (Материалы и документы) // Былое. СПб., 1906. № 4. С. 18 – 38.
4. Документы и материалы к истории переговоров Исполнительного комитета с «Священной дружиной» // Былое. СПб., 1907. № 9. С. 208 – 214.
5. Дополнительные сведения о несостоявшемся Земском соборе // Море. СПб., 1906. № 23 – 24. С. 838 – 845.
6. Желябов А.И. Заявление, посланное из Петропавловской крепости А.И. Желябовым на имя прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты 2 марта 1881 г. // Былое. СПб., 1906. № 3. С. 61.
7. Из записки бывшего профессора Харьковского университета И.В. Платонова министру внутренних дел М.Т. Лорис-Меликову о мерах борьбы с революционным движением // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов / Под ред. Бордюгова Г.А. М.: АИРО-XX А.И. Ушаков, 2001. С. 108 – 109.
8. Из обзора за 1882 год, составленного Департаментом полиции // Былое. СПб., 1906. № 11. С. 244 – 261.
9. Из полицейских расследований 1882 года касательно противоправительственных сообществ не столь вредных // Былое. СПб., 1906. № 4. С. 304 – 316.
10. Общество «Священной Дружины» («Отчетная записка за 1881 – 1882 гг.»). С предисловием П.А. Садикова // Красный архив. М., 1927. № 2. С. 200 – 217.
11. Политическая программа общества «Земский союз». Женева: Редакция газеты «Вольное слово», 1882. 31 с.
12. Протокол допроса свидетеля С. Рябина (от 14 декабря 1876 г.) // Первая рабочая демонстрация в России. К пятидесятилетию демонстрации на

Казанской площади в Петербурге 6/18 декабря 1876 г. Сборник воспоминаний и документов / Сост. Э.А. Корольчук. М.; Л.: Государственное издательство, 1926. С. 25 – 27.

13. Программа Исполнительного комитета партии «Народная воля» // Народная воля. Социально-революционное обозрение. 1880. № 3. С. 45 – 47 (Женева).

14. Программа организации «Земля и воля» // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый / Сост. Е.Л. Рудницкая, О.В. Будницкий. М.: Археографический центр, 1997. С. 395 – 397.

15. Программа Северно-русского общества «Земля и воля» // Черный передел. 1880. № 2. С. 5 – 6 (Женева).

16. Прокламация о демонстрации на площади Казанского собора в Петербурге. 1876 // Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов / Под ред. А.М. Панкратовой. М.: Госполитиздат, 1950. Т II. Ч. 2. С. 187 – 190.

17. Процесс 17-ти народовольцев в 1883 году // Былое. СПб., 1906. № 10. С. 193 – 260.

Периодическая печать

1. Вестник Европы. СПб., 1877. № 12.
2. Вестник Европы. СПб., 1878. № 9.
3. Вольное слово. 1881. № 1 (Женева).
4. Вольное слово. 1881. № 2 (Женева).
5. Вольное слово. 1881. № 3 (Женева).
6. Вольное слово. 1881. № 5 (Женева).
7. Вольное слово. 1881. № 6 (Женева).
8. Вольное слово. 1881. № 9 (Женева).
9. Вольное слово. 1881. № 10 (Женева).
10. Вольное слово. 1881. № 21 (Женева).
11. Вольное слово. 1882. № 21 (Женева).

12. Вольное слово. 1882. № 25 (Женева).
13. Вольное слово. 1882. № 34 (Женева).
14. Вольное слово. 1882. № 37 (Женева).
15. Громада. Українська Збірка. Женева, 1879. № 4.
16. «Земля и воля!». 1878. № 2.
17. Народная воля. Социально-революционное обозрение. 1880. № 3 (Женева).
18. Черный передел. 1880. № 2 (Женева).
19. Юридический вестник. М., 1884. № 9.
20. Юридический вестник. М., 1889. № 6/7.

Публицистика

1. Алисов П. «Вольное слово». Лондон-Женева: Вольная русская типография [вымышленные выходные данные], 1881. 14 с.
2. Аммон А. Влияние революции 1688 – 89 гг. на государственный строй Англии // Юридический вестник. М., 1889. № 6/7. С. 196 – 218.
3. Амнистия или терроризм // Вольное слово. 1881. № 3. С. 1 – 2 (Женева).
4. Безобразов В.П. Земские учреждения и самоуправление. М.: Университетская типография, 1874. 52 с.
5. Болгарин из Пловдива. Письмо в редакцию // Вольное слово. 1881. № 5. С. 6 (Женева).
6. Борисов И. [Добровольский И.И.] Начало конца: Критический момент в жизни народа и социально-революционной партии (Посвящается социалистам-народникам). Женева: Типография «Работника» и «Громады», 1881. 72 с.
7. Веселовский Б.Б. Децентрализация управления и задачи земства // Юбилейный земский сборник. 1864 – 1914. / Под ред. Б.Б. Веселовского и З.Г. Френкеля. СПб.: Товарищество О.Н. Поповой, 1914. С. 35 – 49.

8. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. СПб., 1877. № 12. С. 782 – 804.
9. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. СПб., 1878. № 9. С. 392 – 413.
10. Гольцев В.А. Государство и самоуправление. Историко-юридические очерки. М.: Типолитография И.Н. Кушнерев и К°, 1882. 44 с.
11. Градовский А.Д. Социализм на западе Европы и в России (1879) // Градовский А.Д. Собрание сочинений. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. Т. III. С. 377 – 492.
12. Гроньяр [Михайловский Н.К.] Политические письма социалиста. Письмо первое («Народная воля». 1879. № 2) // Литература социально-революционной партии «Народной Воли». Paris: Типография партии социалистов-революционеров, 1905. С. 87 – 92.
13. Гроньяр [Михайловский Н.К.] Политические письма социалиста. Письмо второе («Народная воля». 1879. № 3) // Литература социально-революционной партии «Народной Воли». Paris: Типография партии социалистов-революционеров, 1905. С. 170 – 175.
14. Дерюжинский В. Гарантии личной свободы в Англии // Юридический вестник. М., 1884. № 9. С. 19 – 57.
15. Драгоманов М.П. Было бы болото, а черти будут! Женева: Impr. russe, 1880. 16 с.
16. Драгоманов М.П. Внутреннее рабство и война за освобождение. Женева: H. Georg, 1877. 34 с.
17. Драгоманов М.П. Восемнадцать лет войны чиновничества с земством. Женева: H. Georg, 1883. 103 с.
18. Драгоманов М.П. Выигрыши последней войны. СПб.: Общество «Земля и воля», 1878. 14 с.

19. Драгоманов М.П. Земский голос из недавнего времени // Юбилейный земский сборник. 1864 – 1914 / Под ред. Веселовского Б.Б. и Френкеля З.Г. СПб.: Товарищество О.Н. Поповой, 1914. С. 435 – 436.
20. Драгоманов М.П. Земский либерализм в России (1858–1883) // [Драгоманов М.П.] Собрание политических сочинений М.П. Драгоманова. Париж: Société nouvelle de librairie et d'édition, 1906. Т. 2. С. 787 – 837.
21. Драгоманов М.П. Историческая Польша и великорусская демократия. Киев: Типолиитография М.Э. Заездного, 1917. 143 с.
22. Драгоманов М.П. Либерализм и земство в России. Женева: H. Georg, 1889. 64 с.
23. Драгоманов М.П. Накануне новых смут. Женева: Типография «Громады», 1886. 24 с.
24. Драгоманов М.П. «Народная воля» о централизации революционной борьбы в России. // Вольное слово. 1882. № 37. С. 8 – 9 (Женева).
25. Драгоманов М.П. Нечто о чистоте средств. По поводу нового заявления Исполнительного комитета // Вольное слово. 1882. № 21. С. 3 – 4. (Женева).
26. Драгоманов М.П. Обаятельность энергии // Вольное слово. 1882. № 34. С. 1 – 3 (Женева).
27. Драгоманов М.П. Проект оснований Устава украинского общества «Вольный Союз» – «Вільна Спілка», 1884 г. URL: <https://constituanta.blogspot.com/2011/08/1884.html> (дата обращения: 20.12.2022).
28. Драгоманов М.П. Соловья баснями не кормят. Письмо к ген. Лорис-Меликову. Женева: Типография «Работника» и «Громады», 1880. 8 с.
29. Драгоманов М.П. Терроризм и свобода, муравьи и корова. Ответ на ответ «Голоса». Женева: Типография «Работника» и «Громады», 1880. 16 с.

30. Драгоманов М.П. Турки внутренние и внешние. Письмо к издателю «Нового времени». Женева: Н. Georg, 1876. 30 с.
31. Драгоманов М.П. Украинская «Громада» в рецензии г. Стефановича // [Драгоманов М.П.] Собрание политических сочинений М.П. Драгоманова. Париж: Société nouvelle de librairie et d'édition, 1906. Т. 2. С. 200 – 226.
32. Драгоманов М.П. Шевченко, украинофилы и социализм // Громада. Українська Збірка. Женева, 1879. № 4. С. 102 – 230.
33. Задачи партии («Народная воля». 1879. № 2) // Литература социально-революционной партии «Народной воли». Paris: Типография партии социалистов-революционеров, 1905. С. 75 – 83.
34. Земский гласный Д.В. [Дмитрий Воейков] Земство и призыв правительства к борьбе с революционной пропагандой. Лейпциг: Типография А.Д. Трусова, 1879. 60 с.
35. И.П. [Присецкий И.П.] Заметка о взаимном отношении нарождающихся и действующих в России партий // Вольное слово. 1881. № 10. С. 6 – 8 (Женева).
36. Иванов С. К характеристике общественных настроений в России в начале 80-х годов // Былое. СПб., 1907. № 9. С. 193 – 207.
37. Известия и заметки // Вольное слово. 1881. № 2. С. 7 (Женева).
38. К биографиям А.И. Желябова и С.Л. Перовской // Былое. СПб., 1906. № 8. С. 108 – 135.
39. Кавелин К.Д. Краткий взгляд на русскую историю // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989. С. 158 – 170.
40. Календарь «Народной воли» на 1883 г. Женева: Impr. russe, 1883. 183 с.
41. Кап-н С. [Капустин С.Я.] Голос к земству // Русская мысль. М., 1880. № 1. С. 102 – 124.

42. [Клеменц Д.А.] Фельетон. Письма чистосердечного россиянина (Письмо второе) // «Земля и воля!». 1878. № 2. С. 7 – 10.
43. Конституционные проекты начала 80-х годов XIX века // Красный архив. М., 1928. Т. 6. С. 118 – 143.
44. Корреспонденции // Вольное слово. 1881. № 1. С. 3 – 4 (Женева).
45. Корреспонденции // Вольное слово. 1881. № 2. С. 6 (Женева).
46. Кошелев А.И. Где мы? Куда и как идти? Берлин: В. Behr, 1881. 72 с.
47. Кошелев А.И. О некоторых изменениях в устройстве земских учреждений. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1881. 42 с.
48. Кошелев А.И. О сословиях и состояниях в России. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1881. 16 с.
49. Кравчинский С.М. Смерть за смерть (Убийство Мезенцева) // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый / Сост. Е.Л. Рудницкая, О.В. Будницкий. М.: Археографический центр, 1997. С. 398 – 400.
50. Мальшинский А.П. Не знаю к кому. Открытое письмо бывшего редактора «Вольного слова». Женева: Impr. de la Parole libre, 1883. 16 с.
51. Мальшинский А.П. Обзор социально-революционного движения. СПб.: Типография В. Демакова, 1880. 323 с.
52. Михайловский Н.К. Летучий листок. [Прибавление к газете «Начало», № 1]. СПб., 1878. 1 с.
53. Муромцев С.А. 26 декабря 1880 г. // Муромцев С.А. Статьи и речи. М.: Типография Общества распространения полезных книг, 1910. Вып. III. С. 1 – 6.
54. Муромцев С.А. В начале 1880 г. (Юридический вестник. 1880. № 1, 3, 4) // Муромцев С.А. Статьи и речи. М.: Типография Общества распространения полезных книг, 1910. Вып. V. 142 с.
55. Наш взгляд на революцию и на задачу публицистики // Вольное слово. 1881. № 6. С. 1 – 3 (Женева).

56. Новое заявление о необходимости общего земского собора в России // Вольное слово. 1881. № 21. С. 1 – 2 (Женева).
57. От редакции // Вольное слово. 1881. № 1. С. 1 – 2 (Женева).
58. Партия террора и организация общественных сил // Вольное слово. 1881. № 10. С. 1 – 2 (Женева).
59. Передовая из «Черного Передела». [1880]. № 2 // Плеханов Г.В. Собрание сочинений. М.; Л.: Государственное издательство, 1923. Т. I. С. 122 – 132.
60. Передовая статья из газеты «Земля и воля!». 1878. № 1. 25 окт. // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый / Сост. Е.Л. Рудницкая, О.В. Будницкий. М.: Археографический центр, 1997. С. 405 – 408.
61. Петрункевич И.И. Ближайшие задачи земства (1879 г.) // Юбилейный земский сборник. 1864–1914 / Под ред. Веселовского Б.Б. и Френкеля З.Г. СПб.: Товарищество О.Н. Поповой, 1914. С. 429 – 436.
62. Письмо Исполнительного комитета Александру III от 10 марта 1881 г. // «Народная воля» и «Черный передел»: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879 – 1882 годах. Л.: Лениздат, 1989. С. 330 – 333.
63. [Плеханов Г.В.] Заявление прежних издателей «Черного Передела» («Черный Передел» № 3). Январь 1881 г. // Плеханов Г.В. Сочинения. М.; Л.: Государственное издательство, 1927. Т. 1. С. 133 – 134.
64. [Плеханов Г.В.] Об издании Русской социально-революционной библиотеки (Женева, 1880 г.) // Плеханов Г.В. Сочинения. М.; Л.: Государственное издательство, 1927. Т. 1. С. 137 – 149.
65. [Плеханов Г.В.] От редакции (по поводу Чигиринского дела) («Черный Передел» № 2) // Плеханов Г.В. Сочинения. М.; Л.: Государственное издательство, 1927. Т. 1. С. 132 – 133.

66. [Плеханов Г.В.] Предисловие к первому тому первого издания Собрания сочинений // Плеханов Г.В. Сочинения. М.; Л.: Государственное издательство, 1927. Т. 1. С. 19 – 29.
67. Плеханов Г.В. Предисловие к русскому изданию книги А. Туна «История революционных движений в России» (Женева, Март 1903 г.) // Плеханов Г.В. Собрание сочинений. М.; Л.: Государственное издательство, 1927. Т. XXIV. С. 81 – 124.
68. [Плеханов Г.В.] Черный Передел («Черный Передел» № 1) // Плеханов Г.В. Сочинения. М.; Л.: Государственное издательство, 1927. Т. 1. С. 109 – 117.
69. По поводу казней («Народная воля». 1880. № 3) // Литература социально-революционной партии «Народной воли». Paris: Типография партии социалистов-революционеров, 1905. С. 151 – 159.
70. По поводу поклонения генералу Игнатьеву на Балканском полуострове // Вольное слово. 1881. № 9. С. 2 – 3 (Женева).
71. Политики «Народной воли» // Вольное слово. 1882. № 25. С. 4 (Женева).
72. Русские искатели иностранных тронов // Вольное слово. 1881. № 3. С. 6 – 7 (Женева).
73. Русов А.А. Краткая энциклопедия земского дела в его историческом развитии. Киев: «Кружок студентов киевлян» Киевского коммерческого института, 1914. 115 с.
74. Серебряков Е.А. Общество «Земля и воля». Лондон: Социал-демократическая организация «Жизнь», 1902. 63 с.
75. Скалон В.Ю. 1880 год (Земство. 1881. № 6) // Скалон В.Ю. По земским вопросам. В переходное время 1880 – 1882. Очерки, обозрения, заметки. СПб.: Общественная польза, 1905. С. 1 – 7.
76. Скалон В.Ю. Две политические программы // Скалон В.Ю. По земским вопросам. В переходное время 1880 – 1882. Очерки, обозрения, заметки. СПб.: Общественная польза, 1905. С. 27 – 31.

77. Скалон В.Ю. Земские взгляды на реформу местного самоуправления. Обзор земских отзывов и проектов. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1884. 236 с.
78. Скалон В.Ю. Мнения земских собраний о современном положении России. Берлин: В. Behr, 1883. 107 с.
79. Скалон В.Ю. Общий очерк земской деятельности. Причины неудовлетворительного характера земского дела // Скалон В.Ю. Земские вопросы. Очерки и обозрения. М.: Редакция газеты «Земство», 1882. С. 56 – 96.
80. Скалон В.Ю. Отставка гр. Лорис-Меликова и программа нового министра // Скалон В.Ю. По земским вопросам. В переходное время 1880 – 1882. Очерки, обозрения, заметки. СПб.: Общественная польза, 1905. С. 39 – 44.
81. Скалон В.Ю. Прошедшее земских учреждений // В.Ю. Скалон. Земские вопросы. Очерки и обозрения. М.: Редакция газеты «Земство», 1882. С. 1 – 18.
82. Социалисты и правительство («Народная воля». 1879. № 1) // Литература социально-революционной партии «Народной воли». Paris: Типография партии социалистов-революционеров, 1905. С. 75 – 83.
83. Стефанович Я.В. Действующим и готовым действовать сотоварищам моим: Мое дружеское послание. Женева: [б. и.], 1880. 22 с.
84. Тихомиров Л. Конституционалисты в эпоху 1881 года. М.: Университетская типография, 1895. 109 с.
85. Тихомиров Л.А. Начала и концы. «Либералы» и террористы. М.: Университетская типография, 1890. 123 с.
86. Тырков А.В. К событию 1 марта 1881 года // Былое. СПб., 1906. № 5. С. 141 – 162.

87. Фадеев Р.А., Воронцов-Дашков И.И. Письма о современном состоянии России. 11-го апреля 1879 – 6-го апреля 1880. СПб.: К.К. Ретгер, 1881. 148 с.
88. Черкезов В. Драгоманов из Гадяча в борьбе с русскими социалистами. Женева: Impr. russe, 1882. 63 с.
89. Элпидин М.К. Библиографический каталог. Профили редакторов и сотрудников. Carouge (Женева): M. Elpidine, 1906. 202 с.

Воспоминания

1. Аксельрод П.Б. Пережитое и передуманное. Берлин: З.И. Гржебин, 1923. Кн. 1. 444 с.
2. Аптекман О.В. Из истории революционного народничества: «Земля и воля» 70-х годов. (По личным воспоминаниям). Ростов-на-Дону: А. Сурат, 1907. 239 с.
3. Аптекман О.В. Партия Народного права. Воспоминания // Былое. СПб., 1907. № 7. С. 177 – 204.
4. Бах А.Н. Воспоминания народовольца // Былое. СПб., 1907. № 1. С. 117–154.
5. Белоголовый Н.А. Воспоминания и другие статьи. СПб.: Типолиитография Б.М. Вольфа, 1901. 569 с.
6. Белоконский И.П. Дань времени. Воспоминания. М.: Задруга, 1918. 368 с.
7. Белый Я.М. Из недавней старины. Воспоминания земского врача 70-х годов. Новгород: Типография М.О. Селиванова, 1907. 195 с.
8. Бен-Ами [Рабинович М.Я.]. Мои сношения с Драгомановым и работа в «Вольном Слове» // Еврейская старина. СПб., 1915. Вып. III – IV. С. 347 – 366.
9. Бибиргаль А.Н. Воспоминания о демонстрации на Казанской площади // Каторга и ссылка. М., 1926. № 7 – 8. С. 21 – 29.

10. Боборыкин П.Д. Убежденный человек (Памяти В.А. Гольцева) // Русская мысль. М., 1906. № 12. С. 115 – 120.
11. [Бороздин К.А.] «Священная дружина» и «Народная воля». Записка К.А. Бороздина // Былое. СПб., 1907. № 10. С.123 – 167.
12. Бурцев В.Л. Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания. СПб.: Издательство имени Н.И. Новикова, 2012. 488 с.
13. Варзар В.Е. Воспоминания старого статистика. Ростов-на-Дону: 2-я Государственная типография ДПБ, 1924. 22 с.
14. Веницкая А.А. Из приключений в Париже (Памяти П.Л. Лаврова) // Исторический вестник. СПб., 1912. № 1. С. 116 – 141.
15. Витте С.Ю. Из архива С.Ю. Витте. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. Кн. 1. 521 с.
16. Г.Б. Несостоявшийся Земский собор (Исторические воспоминания) // Море. СПб., 1906. № 21 – 22. С.737 – 761.
17. Геккер Н.Л. Политическая каторга на Каре // Былое. СПб., 1906. № 9. С. 69 – 88.
18. Головин К.Ф. Мои воспоминания. СПб.: «Колокол», 1908. Т. 1. 396 с.
19. Головин К.Ф. Мои воспоминания. СПб.: «Колокол», 1910. Т. 2. 274 с.
20. Гольцев В.А. Из воспоминаний и переписки // Русская мысль. М., 1905. № 4. С. 173 – 182.
21. Гредескул Н.А. Террор и охрана. СПб.: Общественная польза, 1912. 35 с.
22. Грузенберг О.О. Вчера: Воспоминания. Париж: Б. и., 1938. 242 с.
23. Давыдов А.В. Воспоминания. 1881 – 1955. Париж: Альбатрос, 1982. 286 с.
24. Дебогорий-Мокриевич В.К. Воспоминания Вл. Дебогория-Мокриевича. Paris: Impr. J. Allemane, 1895. Вып. II. 223 с.

25. Дебогорий-Мокриевич В.К. К спору о «Священной дружине» и «Вольном слове» // Русская мысль. М., 1913. № 2. С. 107 – 110.
26. Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. М.; Л.: Молодая гвардия, 1930. Кн. 1. 421 с.
27. Дебогорий-Мокриевич В.К. По поводу статьи Дейча «Украинская и общерусская эмиграция» // Украинская жизнь. М., 1915. № 2. С. 63 – 73.
28. Дейч Л.Г. 16 лет в Сибири. Женева: [б. и.], 1905. 329 с.
29. Дейч Л.Г. Г.В. Плеханов. Материалы для биографии. М.: Новая Москва, 1922. 109 с.
30. Дейч Л.Г. За полвека. М.: Задруга, 1923. Т. 1. 126 с.
31. Дейч Л.Г. За рубежом // Вестник Европы. СПб., 1912. № 9. С. 167 – 191.
32. Дейч Л.Г. Кравчинский С.М. Пг.: Государственное издательство, 1919. 64 с.
33. Дейч Л.Г. М.П. Драгоманов в изгнании // Вестник Европы. СПб., 1913. № 10. С. 201 – 226.
34. Дейч Л.Г. На суд читателя (Письмо в редакцию) // Современный мир. СПб., 1913. № 12. С. 274 – 283.
35. Дейч Л.Г. От народничества к марксизму (из воспоминаний) // Современный мир. СПб., 1914. № 2. С. 48 – 66.
36. Дейч Л.Г. У начала легенды // Современный мир. СПб., 1913. № 11. С. 137 – 167.
37. Дейч Л.Г. Украинская и общерусская эмиграция // Вестник Европы. СПб., 1914. № 8. С. 209 – 233.
38. Дейч Л.Г. Шаг назад (По поводу книги В. Богучарского «Активное народничество в семидесятых годах») // Современный мир. СПб., 1913. № 6. С. 209 – 224.
39. Драгоманов М.П. Автобиография // Былое. СПб., 1906. № 6. С. 182 – 213.

40. Драгоманов М.П. Воспоминания о переговорах «Добровольной охраны» и «Исполнительного комитета русской соц.-рев. партии» в 1882 году // Былое. Париж, 1910. № 13. С. 34 – 43.
41. Заварзин П.П. Жандармы и революционеры // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений / Под ред. Перегудовой З.И. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 2. С. 7 – 138.
42. Загорский К.Я. В 1881 – 1882 гг. (Воспоминания) // Каторга и ссылка. М., 1931. № 3. С. 156 – 179.
43. Котов К.Е. Записки землевольца. Харьков: Государственное издательство Украины, 1925. 146 с.
44. Засулич В.И. Владимир Дегаев // Вера Засулич. Воспоминания. М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931. С. 93 – 98.
45. Засулич В.И. «Вольное слово» и эмиграция // Современник. СПб., 1913. № 6. С. 179 – 191.
46. [Иванов С.А.] Из народовольческих воспоминаний С.А. Иванова // Народовольцы 80-х и 90-х годов: Сборник статей и материалов, составленный участниками народовольческого движения / Под ред. Якимовой-Диковской А.В. М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. С. 24 – 33.
47. Из народовольческих автобиографических документов. С предисловием С.Н. Валка // Красный архив. М., 1927. № 1. С. 205 – 231.
48. Карцов Ю.С. Семь лет на Ближнем Востоке: Воспоминания политические и личные. 1879 – 1886. СПб.: Экономическая типолитография, 1906. 393 с.
49. Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М.: Искусство, 1997. 395 с.
50. Клейнмихель М.Э. Из потонувшего мира // За кулисами политики. 1848 – 1914. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 447 – 492.

51. Кривенко В.С. Памяти графа И.И. Воронцова-Дашкова. Пг.: Государственная типография, 1916. 13 с.
52. Либрович С.Ф. На книжном посту. Воспоминания. Записки. Документы. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2005. 419 с.
53. Линд В.Н. Воспоминания // Русская мысль. М., 1916. № 6. С. 1 – 22.
54. Любатович О.С. Далекое и недавнее. М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930. 114 с.
55. Маклецова (Дегаева) Н.П. Судейкин и Дегаев // Былое., 1906. № 8. С. 265 – 272.
56. Мещерский В.П. Мои воспоминания. М.: Захаров, 2003. 860 с.
57. Милюков П.Н. Воспоминания (1859 – 1917). Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955. Т. 1. 438 с.
58. Михайловский Н.К. Воспоминания. Берлин: Г. Штейниц, 1906. 20 с.
59. Моисеенко П.А. Воспоминания старого революционера. М.: Мысль, 1966. 277 с.
60. Мурзанова М. Воспоминания А.А. Бобринского (1880 – 1881 годы) // Каторга и ссылка. М., 1931. № 3. С. 73 – 129.
61. Николадзе Н.Я. Освобождение Н.Г. Чернышевского // Былое. СПб., 1906. № 9. С. 242 – 281.
62. Николадзе Н.Я. Переговоры «Священной дружины» с партией «Народной воли» в 1882 г. Пг.: Печатное дело, 1917. 40 с.
63. Новицкий В.Д. Воспоминания тяжелых дней моей службы в корпусе жандармов. URL:
http://dugward.ru/library/novickiy/novickiy_vospominaniya_tyajelyh_dney.htm
1 (дата обращения: 20.12.2022).
64. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Воспоминания. СПб.: Время, 1923. 187 с.

65. Осоргин М.М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение мой жизни. 1861 – 1920. М.: Российский Фонд Культуры, 2009. 999 с.
66. П.А.Т. [Дементьев П.А.] Воспоминания старого земца // Вестник Европы. СПб., 1903. № 9. С. 144 – 206; № 10. С. 619 – 678.
67. Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля // Архив русской революции. Берлин: Слово, 1934. Т. XXI. 472 с.
68. Петрункевич И.И. Памяти В.А. Гольцева // Памяти В.А. Гольцева / Под ред. А.А. Кизеветтера. М.: Н.Н. Клочков, 1910. С. 98 – 112.
69. [Пирогов Н.И.] Неизданные страницы из мемуаров Н.И. Пирогова. С предисл. Малис Ю.Г. // О минувшем. СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1909. С. 11 – 51.
70. Плеханов Г.В. Русский рабочий в революционном движении (По личным воспоминаниям). М.: Политиздат, 1940. 96 с.
71. Попов М.Р. «Земля и воля» накануне Воронежского съезда // Былое. СПб., 1906. № 8. С. 13 – 38.
72. Попов М.Р. Из моего революционного прошлого // Былое. СПб., 1907. № 7. С. 241 – 277.
73. Семенюта П.П. Из воспоминаний об А.И. Желябове // Былое. СПб., 1906. № 4. С. 216 – 227.
74. Тихомиров Л.А. Заговорщики и полиция. М.; Л.: Молодая гвардия, 1928. 229 с.
75. Тихомиров Л.А. Неизданные записки Л. Тихомирова // Красный архив. М., 1928. Т. 4. С. 139 – 174.
76. Тихомиров Л.А. Тени прошлого. Воспоминания. М.: Издательство журнала «Москва», 2000. 712 с.
77. Фигнер В.Н. Из истории «Народной воли» после 1-го марта 1881 г. // Голос минувшего. М., 1919. № 5 – 12. С. 40 – 110.
78. Фигнер В.Н. Из политической жизни 80-х годов // Русское богатство. СПб., 1912. № 11. С. 121 – 135.

79. Фроленко М.Ф. Липецкий и Воронежский съезды // Былое. СПб., 1907. № 1. С. 67 – 86.

80. Х. [Лучицкий И.В.] О земских делах и деятелях (Из Чернигова. Письмо первое) // Слово. СПб., 1878. № 9 – 10. С. 243 – 253.

81. Х. [Лучицкий И.В.] О земских делах и деятелях (Из Чернигова. Письмо второе) // Слово. СПб., 1878. № 11. С. 160 – 169.

82. Х. [Лучицкий И.В.] О земских делах и деятелях (Из Чернигова. Письмо третье) // Слово. СПб., 1878. № 12. С. 171 – 180.

83. Хижняков В.М. Воспоминания земского деятеля. Пг.: Огни, 1916. 251 с.

84. Чернавский М.М. Демонстрация 6 декабря 1876 года. По воспоминаниям участника // Каторга и ссылка. М., 1926. № 7 – 8. С. 7 – 20.

85. Чернавский М.М. Ипполит Никитич Мышкин (По воспоминаниям каторжанина 70 – 80-х гг.) // Каторга и ссылка. М., 1926. № 7 – 8. С. 104 – 124.

86. Якимова А.В. «Большой процесс», или «Процесс 193-х» // Революционеры 1870-х годов. Воспоминания участников народнического движения в Петербурге / Сост. В.Н. Гинев. Л.: Лениздат, 1986. С. 249 – 258.

87. Propper S.M. Was nicht in die zeitung kam. Erinnerungen des chefredakteurs der «Birschewyja wedomosti» S.M. v. Propper. Frankfurt am Main: Frankfurter sociatäts, 1929. 259 с.

Дневники, заметки, записки

1. Богданович А.В. Три последних самодержца: [Дневник]. М.: Новости, 1990. 604 с.

2. Валуев П.А. Дневник. 1877 – 1884. Пг.: Былое, 1919. 311 с.

3. Граф П.А. Валуев в 1881 – 1884 годах (Дневник Валуева) // О минувшем. СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1909. С. 417 – 480.

4. Кошелев А.И. Записки. М.: Наука, 2002. 475 с.

5. Мещерский В.П. Дневник. 1881 г. Март. Апрель, май, июнь. СПб.: Общественная польза, 1881. 728 с.
6. Мещерский В.П. Дневник за 1882 год. СПб.: Типография М.И. Румша, 1883. 579 с.
7. Перетц Е.А. Дневник Е.А. Перетца, государственного секретаря (1880 – 1883). Централхив. М.; Л.: Государственное издательство, 1927. 172 с.
8. [Перетц Е.А.] Из дневника одного государственного деятеля. Заседание Государственного совета 8 марта 1881 года // Былое. СПб., 1906. № 1. С. 189 – 194.
9. Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника: 1907 – 1916. М.: Высший военный редакторский совет, 1924. 240 с.
10. Смельский В.Н. Священная дружина (из дневника ее члена). С предисловием Ф.И. Покровского // Голос минувшего. М., 1916. № 1. С. 222 – 256; № 2. С. 135 – 163; № 4. С. 95 – 110; № 5 – 6. С. 86 – 105.
11. Суворин А.С. Дневник А.С. Суворина. М.; Лондон: Независимая газета «The Garnett press», 2000. 666 с.

Письма

1. Архів Михайла Драгоманова. Варшава: [б. и.], 1938. Т. 1. 442 с.
2. Драгоманов М.П. Листи до Ів. Франка и інших. 1887 – 1895. Львов: З друкарні Наукового Товариства імени Шевченка, 1908. 423 с.
3. Драгоманов М.П. Переписка / Под ред. М. Павлика. Львів: З друкарні «Руської Ради», 1901. Т. I. 184 с.
4. Драгоманов М.П. Переписка / Под ред. М. Павлика. Чернівці: З друкарні «Руської Ради», 1910. Т. IV. 440 с.
5. Драгоманов М.П. Переписка / Под ред. М. Павлика. Чернівці: З друкарні «Руської Ради», 1911. Т. VIII. 293 с.
6. Желябов А.И. Письмо к М.П. Драгоманову. Сообщил Л. Перетц // Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы,

искусства и общественной мысли XIX в. М.; Л.: Academia, 1935. С. 741 – 744.

7. Из архива П.Б. Аксельрода // Русский революционный архив. Берлин: Vorwärts, 1924. 255 с.

8. Кравчинский С.М. Письмо С.М. Кравчинского (Степняка) к П.Л. Лаврову // Былое. Париж, 1912. № 14. С. 52 – 63.

9. Лавров – годы эмиграции. Архивные материалы в двух томах // Russian series on social history. Amsterdam: The International Institute of Social History, 1974. Т. 2. 669 с.

10. Листування Івана Франка та Михайла Драгоманова / Редкол.: І. Вакарчук, Я. Ісаєвич (співголови) та ін. Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2006. 564 с.

11. Первые недели царствования императора Александра III (письма К.П. Победоносцева к Е.Ф. Тютчевой) // Русский архив. М., 1907. № 5. С. 89 – 102.

12. Письма И.И. Воронцова-Дашкова Николаю Романову (1905–1915 гг.) // Красный архив. М., 1928. № 1. С. 97 – 126.

13. Письма Г.В. Плеханова к П.Л. Лаврову // Дела и дни. СПб.: Государственное издательство, 1921. Кн. 2. С. 78 – 103.

14. Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Центрархив. М.: Новая Москва, 1926. Т. 1. 448 с.

15. Салтыков-Щедрин М.Е. Письма (1881 – 1884) // Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1977. Т. 19. Кн. 2. 351 с.

ЛИТЕРАТУРА

Монографии

1. Алафаев А.А. Русский либерализм и самодержавие на рубеже 1870 – 1880-х гг. М.: Народный учитель, 2002. 364 с.

2. Алафаев А.А. Русский либерализм на рубеже 70-х – 80-х гг. XIX в. Из истории журнала «Вестник Европы». М.: Институт истории СССР, 1991. 229 с.
3. Белоконский И.П. Земство и конституция. М.: Образование, 1910. 184 с.
4. Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX в. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М.: Русская мысль, 1912. 483 с.
5. Боханов А.Н. Александр III. М.: Вече, 2007. 448 с.
6. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2000. 396 с.
7. Вандалковская М.Г. М.К. Лемке – историк русского революционного движения. М.: Наука, 1972. 219 с.
8. Вахрушев И.С. Очерки истории революционно-демократической печати. 1873 – 1886. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1980. 233 с.
9. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. СПб.: Товарищество О.Н. Поповой, 1909. Т. 3. 710 с.
10. Волк С.С. «Народная воля». М.; Л.: Наука, 1966. 491 с.
11. Воронин В.Е. Русская самодержавная власть и либеральная правительственная группировка в условиях политического кризиса (конец 70-х – середина 80-х годов XIX века). М.: Спутник плюс, 2010. 219 с.
12. Глинский Б.Б. Революционный период русской истории (1861 – 1881 гг.). Исторический очерки. СПб.: Новое время, 1913. Ч. 2. 554 с.
13. Гоголевский А.В. Очерки истории русского либерализма XIX – начала XX века. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. 153 с.

14. Голубев В. Роль земства в общественном движении. Ростов-на-Дону: Донская речь, 1905. 86 с.
15. Гросул В.Я. Русское общество XVIII – XIX веков. Традиции и новации. М.: Наука, 2003. 516 с.
16. Гусман Л.Ю. Очерки истории идеологии русского конституционализма «Эпохи великих реформ». СПб.: Издательство Политехнического университета, 2017. 190 с.
17. Дронов И.Е. Сильный, державный... Жизнь и царствование императора Александра III. М.: Русский издательский центр, 2012. 759 с.
18. Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2006. 498 с.
19. Жукова Л.А. Земское самоуправление и бюрократия в России. М.: Хронограф, 1998. 179 с.
20. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 – 1880-х годов. М.: Издательство Московского университета, 1964. 511 с.
21. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970. 444 с.
22. Заславский Д.И. Взволнованные лоботрясы. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931. 119 с.
23. Заславский Д.И. Михаил Петрович Драгоманов. Критико-биографический очерк. Киев: Сорабкоп, 1924. 169 с.
24. Заславский Д.И. М.П. Драгоманов. К истории украинского национализма. М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. 240 с.
25. Иванов А.А. Политические партии России. Конец XIX – начало XX в. В трех томах. Т. 1. Консервативные партии М.: Политическая энциклопедия, 2022. 599 с.

26. Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1911. Т. 2. 520 с.
27. Исаева Т.Б. Идеи террора в политико-правовых представлениях «крестьянских социалистов» в России (вторая половина 19 в.). М.: [б. и.], 2008. 243 с.
28. Исмаил-Заде Д.И. И.И. Воронцов-Дашков – администратор, реформатор. СПб.: Нестор-История, 2008. 364 с.
29. Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России IX – XIX ст. М.: Русская мысль, 1910. 155 с.
30. Кистяковский Б.А. Орган «Земского союза» «Вольное слово» и легенда о нем. М.: Типолитография И.Н. Кушнерев и К^о, 1912. 59 с.
31. Кистяковский Б.А. Страницы прошлого. К истории конституционного движения в России. М.: Типография П.П. Рябушинского, 1912. 131 с.
32. Козьмин Б.П. От «девятнадцатого февраля» к «первому марта». М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. 289 с.
33. Колотков М.Б. Террор и антитеррор в России: историко-правовой аспект: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 184 с.
34. Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II (1855 – 1881). Исторические очерки. М.: Русская мысль, 1909. 263 с.
35. Котельницкий Н.А. Иван Ильич Петрункевич: жизнь и деятельность на Черниговщине. М.: Летний сад, 2015. 124 с.
36. Кривонос М. Мятежное земство. Тверь: Вече Твери, 2001. 326 с.
37. Кузьмин А.Г. Леворадикальная политическая мысль в России конца 60-х – начала 80-х гг. XIX века. Сыктывкар: Издательство СыктГУ, 2008. 272 с.
38. Лемке М.К. Святая Дружина Александра III. Тайное общество борьбы с крамоллой. 1881 – 1882 годы. СПб.: Лики России, 2012. 926 с.
39. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762 – 1914. М.: Русский путь, 1995. 548 с.

40. Лурье Ф. Полицейские и провокаторы: политический сыск в России. 1649–1917. М.: Терра, 1998. 351 с.
41. Меньщиков Л.П. Охрана и революция. М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. Ч. 1. 431 с.
42. Мясников А.Л. Александр III. М.: Молодая гвардия, 566 с.
43. Невский В.И. От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда». М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930. 553 с.
44. Независимый [Струве П.Б.] Отцы и дети: К характеристике наших политических направлений. Откуда и куда // Освобождение. Париж: Société nouvelle de librairie et d'édition, 1904. Кн. 2. 131 с.
45. Нольде Б.Э. Юрий Самарин и его время. М.: Алгоритм ЭКСМО, 2003. 542 с.
46. Оржиховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826 – 1880 гг.). М.: Мысль, 1982. 207 с.
47. Перегудова З.И. Политический сыск России (1880 – 1917). М.: РОССПЭН, 2013. 518 с.
48. Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX века. М.: Наука, 1986. 268 с.
49. Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX в. М.: Наука, 1977. 288 с.
50. Покровский М.Н. Русская история. СПб.: Полигон, 2002. Т. 3. 366 с.
51. Пушкирев С.Г. Россия в XIX веке (1801 – 1914). Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1956. 503 с.
52. Розенберг В.А. Журналисты безвременья. М.: Задруга, 1917. 439 с.
53. Россия в революционной ситуации на рубеже 1870 – 1880-х годов. Коллективная монография / Под ред. Итенберга Б.С. М.: Наука, 1983. 557 с.
54. Рыженко И.Э. Александр III в Гатчине. СПб.: Лики России, 2011. 208 с.

55. Сафронова Ю. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879 – 1881 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 376 с.
56. Сватиков С.Г. Общественное движение в России (1700 – 1895). Ростов-на-Дону: Донская речь, 1905. Ч. 2. 198 с.
57. Сватиков С.Г. Опальная профессура 80-х гг. М.: [б. и.], 1917. 78 с.
58. Седов М.Г. Героический период революционного народничества. М.: Мысль, 1966. 364 с.
59. Соколов О.Д. На заре рабочего движения в России. М.: Мысль, 1978. 269 с.
60. Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881 – 1905 гг.: проблема законотворчества. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 351 с.
61. Соловьев К.А. Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 296 с.
62. Твардовская В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870 – 1880 гг. М.: Наука, 1969. 241 с.
63. Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866 – 1882 гг. М.: Мысль, 1978. 335 с.
64. Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866 – 1895. М.: Мысль, 1979. 350 с.
65. Троицкий Н.А. Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871 – 1880 гг. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1976. 408 с.
66. Хейсин М.Л. Рабочее движение в России. Краткий исторический очерк. Пг.: Муравей, 1917. 56 с.
67. Черемин А.А. «Священная дружина». Антитеррор. М.: ПЕРВЫЙ ТОМ, 2017. 767 с.
68. Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX века / Под ред. Р.Ш. Ганелина. М.: Наука, 1978. 248 с.

69. Шумилов С.И. Власть и общественная жизнь в России (вторая половина XIX – начало XXI в.). Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2014. 124 с.

Сборники, пособия, авторефераты

1. «... И мучилась, и работала невероятно». Дневники М.В. Нечкиной / Отв. ред. Е.И. Пивовар. М.: РГГУ, 2013. 824 с.
2. Бурцев В.Л. За сто лет (1800 – 1896). Сборник по истории политических и общественных движений в России. Лондон: Russian free press fund, 1897. Ч. I. 267 с.
3. Иванова Р.П. Место Михаила Драгоманова в общественно-политическом движении России и Украины во второй половине XIX века. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. к. и. н. Киев, 1967. 21 с.
4. Итенберг Б.С. Российская интеллигенция и Запад. Век XIX. Очерки. М.: Наука, 1999. 232 с.
5. Казанцев П.А. Обеспечение безопасности императора, членов императорской фамилии и высших должностных лиц Российской империи в 1881 – 1917 гг.: институциональный аспект. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. к. и. н. М., 2006. 32 с.
6. Лебедев С.В. Система ценностей философии русского консерватизма второй половины XIX века. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. д. филос. н. СПб., 2004. 40 с.
7. Лукеренко В.Л. Философские взгляды М.П. Драгоманова. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. к. филос. н. Киев, 1963. 24 с.
8. Лукоянов И.В. Российские консерваторы (конец XVIII – начало XX вв.). Пособие к лекционному курсу. СПб.: Нестор-История, 2003. 80 с.
9. Мамонов А.В. Правящая бюрократия и формирование внутренней политики самодержавия в 1874 – 1881 годах. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. к. и. н. М., 2002. 26 с.

10. Софьин Д.М. Политико-династические представления русских консерваторов и членов императорского дома. Конец XIX – начало XX века. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. к. и. н. Пермь, 2010. 30 с.

11. Терехова С.А. Революционеры-народники и идея «народного монархизма» (на примере «Чигиринского заговора»). Автореф. дис. на соиск. уч. ст. к. и. н. Воронеж, 2016. 23.

12. Цымрина Т.В. «Народная воля» после 1-го марта 1881 г. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. к. и. н. Ростов-на-Дону, 2000. 31 с.

13. Ярцев А.А. Государственная власть и земские учреждения. 1864 – 1890. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. д. и. н. СПб., 2003. 47 с.

Статьи

1. Аврех А.Я. Документы Департамента полиции как источник по изучению либерально-оппозиционного движения в годы Первой мировой войны // История СССР. М., 1987. № 6. С. 32 – 49.

2. Александрова Е. Шуваловский парк // Наше наследие. 2007. № 83 – 84. URL: <http://nasledie-rus.ru/podshivka/8319.php> (дата обращения: 20.12.2022).

3. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Александр II и наследник накануне 1 марта 1881 г. // Межвузовская научная программа «Исторический опыт русского народа и современность». Дом Романовых в истории России. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1995. С. 204 – 213.

4. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Об авторстве «Политической программы общества “Земский Союз”» // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1969. Т. 2. С. 269–276.

5. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. О достоверности одного документа из архива М.К. Лемке (М.П. Драгоманов в «Вольном слове») // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1970. Т. 3. С. 290 – 321.

6. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Р.А. Фадеев, С.Ю. Витте и идеологические искания «охранителей» в 1881–1883 гг. // Исследования по

социально-политической истории России. Сб. ст. памяти Б.А. Романова. Л., 1971. С. 299 – 326.

7. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте, М.П. Драгоманов и «Вольное слово». (По поводу одного документа из архива М.К. Лемке) // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 163 – 178.

8. Бакалов Г. Русская революционная эмиграция среди болгар // Каторга и ссылка. М., 1930. № 4. С. 112 – 148.

9. Баринаева Е.П. Образ власти в сознании дворянства // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2008. № 4. С. 1034 – 1039.

10. Бертолисси С., Сахаров А.Н. От редакции // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX вв. / Под ред. С. Бертолисси, А.Н. Сахарова. М., 2000. С. 3 – 7.

11. Богучарский В.Я. В заключение полемики // Русская мысль. М., 1913. № 2. С. 125 – 131.

12. Богучарский В.Я. «Земский союз» или «Священная дружина»? // Русская мысль. М., 1912. № 9. С. 74 – 120.

13. Богучарский В.Я. Земский союз конца 70-х и начала 80-х гг. XIX века // Юбилейный земский сборник. 1864–1914. СПб.: Товарищество О.Н. Поповой, 1914. С. 233 – 259.

14. Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 80-х гг. // Русская мысль. М., 1910. № 9. С. 1 – 31; 1911. № 1. С. 1 – 47.

15. Богучарский В.Я. Конституционный проект графа П.П. Шувалова // Современник. СПб., 1913. № 3. С. 251 – 267.

16. Бодунова О.Г., Суровенко И.А. Политический сыск в России XIX века: исторические факты и комментарии // Журнал правовых и экономических исследований. Гатчина, 2008. № 2. С. 98 – 102.

17. В.К. Дебогорий-Мокриевич. 1848 – 1926 // Каторга и ссылка. М., 1926. № 7 – 8. С. 277 – 281.

18. В.М. [Мякотин В.А.] Украинство и русская интеллигенция // Русское богатство. СПб., 1912. № 4. С. 113 – 125.

19. В.Я.Б. [Богучарский В.Я.] Событие 1-го марта и Николай Константинович Михайловский // Былое. СПб., 1906. № 3. С. 38 – 40.
20. Вандалковская М.Г. Из истории работы М.К. Лемке над источниками «Земли и воли» / Революционная ситуация в России в 1859 – 1861 гг. М.: Наука. 1970. С. 255 – 271.
21. Вандалковская М.Г. Первый директор Госзнака // Прометей. М., 1967. Т. 4. С. 375 – 376.
22. Василевский (Плохоцкий) Л. Социализм и национальная ассимиляция (Письмо из Австрии) // Русское богатство. СПб., 1912. № 6. С. 31 – 55.
23. Ветринский Ч. В.А. Гольцев // Памяти В.А. Гольцева / Под ред. А.А. Кизеветтера. М.: Н.Н. Ключков, 1910. С. 1 – 92.
24. Водовозов В. Предисловие // Степняк-Кравчинский С.М. Собрание сочинений. СПб.: Светоч, 1908. Ч. 2. С. VII – XVI.
25. Волкова Т. Земский компонент российской модернизации // Власть. М., 2009. № 12. С. 53 – 55.
26. Воронин В.Е. Великий князь Константин Николаевич и попытка создания «оппозиции его величества» в первые годы царствования Александра III // Отечественная история. М., 2008. № 5. С. 131 – 139.
27. Гинев В.Н. Народовольческий террор в историографических оценках и мнениях // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков: сборник статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева / Под ред. А.Н. Цамутали. СПб.: Алетейя, 1999. С. 26 – 43.
28. Глинский Б.Б. Константин Петрович Победоносцев (Материалы для биографии) // Исторический вестник. СПб., 1911. № 4. С. 247 – 274.
29. Глинский Б.Б. Период твердой власти (Исторические очерки) // Исторический вестник. СПб., 1912. № 2. С. 667 – 690.
30. Глинский Б.Б. Эпоха мира и успокоения (Исторические очерки) // Исторический вестник. СПб., 1911. № 1. С. 262 – 288; № 6. С. 1002 – 1046; № 9. С. 1048 – 1100.

31. Готье Ю.В. К.П. Победоносцев и наследник Александр Александрович. 1865 – 1881 // Тайный правитель России: К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866 – 1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. М.: Русская книга, 2001. С. 499 – 531.

32. Гребенкин А.Н. Разработка концепции охраны Его Императорского Величества в 1881 г. // Гуманитарные исследования Центральной России. Липецк, 2022. № 1 (22), С. 29 – 39.

33. Григорьева Е.А. К. Маркс и его ученики на родине ленинизма // Вопросы истории. М., 2007. № 1. С. 58 – 78.

34. Громова Л.П. Становление системы русской политической прессы XIX века в эмиграции. URL: <http://evartist.narod.ru/text5/18.htm> (дата обращения: 20.12.2022).

35. Давыдов Ю. «Никто и никогда не узнает наших имен» // Прометей. М., 1977. Т. 11. С. 335 – 342.

36. Дан Ф.И. Происхождение большевизма. К истории демократических и социалистических идей в России после освобождения крестьян // Ф.И. Дан, И.Г. Церетели: два пути. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. Ч. 1. 494 с.

37. Данилов А.Г. Глава государства и его окружение в России: исторический опыт // Вопросы истории. М., 2010. № 7. С. 83 – 94.

38. Ефремов С.А. Памяти М.П. Драгоманова (По поводу 20-летней годовщины смерти) // Украинская жизнь. М., 1915. № 7. С. 19 – 36.

39. Ефремов С.А. О том, что было и чего не было (По поводу воспоминаний г. Дейча) // Украинская жизнь. М., 1915. № 10. С. 55 – 64; № 11 – 12. С. 101 – 113.

40. Заславский Д.И. Взволнованные лоботрясы // Былое. СПб., 1924. № 26. С. 256 – 282.

41. Заславский Д.И. М.П. Драгоманов и «Вольное Слово» (по неизданным материалам) // Былое. СПб., 1924. № 27 – 28. С. 90 – 122.

42. Иванов С.С. Политические истоки либерального консерватизма в России // Вестник Поволжского института управления. Саратов, 2017. Т. 17. № 6. С. 95 – 101.

42. Изгоев А.С. К 50-летию земства // Русская мысль. М., 1914. № 2. С. 1 – 4.

43. Иорданский Н.И. Земский либерализм // Библиотечка. [Б. м.], 1906. № 1. 72 с.

44. Кантор Р. К характеристике Якова Стефановича // Красный архив. М., 1928. Т. 4. С. 209 – 210.

45. Корнилов А.А. К истории конституционного движения конца 70-х и начала 80-х годов // Русская мысль. М., 1913. № 7. С. 25 – 46.

46. Корольчук Э.А. Предисловие // Первая рабочая демонстрация в России. К пятидесятилетию демонстрации на Казанской площади в Петербурге 6/18 декабря 1876 г. Сборник воспоминаний и документов / Сост. Э.А. Корольчук. М.; Л.: Государственное издательство, 1926. С. 3 – 18.

47. Котельницкий Н.А. Общественная деятельность И.И. Петрункевича на Черниговщине (1868 – 1879 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. М., 2010. № 4. С. 5 – 24.

48. Кочетков Е.Е. Федерализм в Российской империи: идея и практика // Вестник российской нации. М., 2009. № 2. С. 215 – 236.

49. Кузьмишин Е.Л. Контрреформы 1880 – 1890 гг. в России в контексте теории исторических циклов // Вестник Московского университета. М., 2012. № 1. С. 104 – 110.

50. Лаверычев В.Я. Конституционализм или мистификация? (Полемика о «Вольном слове» в 1912 – 1914 годах) // Отечественная история. М., 1992. № 2. С. 184 – 194.

51. Ленин В.И. Гонители земства и Аннибалы либерализма // Ленин В.И. Собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1967. Т. 5. С. 21 – 72.

52. Ленин В.И. Начало демонстраций // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1967. Т. 5. С. 369 – 372.
53. Лукоянов И.В. Конец царствования Александра III: была ли альтернатива «контрреформам»? // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. Сб. ст. памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. СПб.: Алетейя, 1999. С. 247 – 258.
54. Лурье Ф.М., Перегудова З.И. Царская охранка и провокация // Из глубины времен. СПб., 1992. Вып. 1. С. 51 – 83.
55. Мякотин В.А. Идея земского собора в русском прошлом и настоящем. СПб.: Типолитография М.П. Фроловой, 1906. 15 с.
56. Науменко В. Александр Федорович Кистяковский и украинство. (К 30-летию со дня его смерти) // Украинская жизнь. М., 1915. № 1. С. 36 – 42.
57. Невский В. Группа «Освобождение труда» в период 1883 – 1894 гг. // Историко-революционный сборник. Л.: Государственное издательство, 1924. Т. 2. С. 7 – 63.
58. Нечкина М.В. Возникновение первой «Земли и воли» / Революционная ситуация в России в 1859 – 1861 гг. М.: Наука. 1960. С. 283 – 298.
59. Оганесян Р.Г. Министерство внутренних дел под скипетром «царя-миротворца». Ч. I. // Вестник Московского университета МВД России. М., 2021. № 3. С. 34 – 39.
60. Омельченко Н.А. Свобода или порядок (к вопросу о консервативной и либеральной традиции в России) // Власть. М., 2009. № 4. С. 18 – 21.
60. Петров Ф.А. Из истории общественного движения в период второй революционной ситуации в России. Революционеры и либералы в конце 1870-х годов // История СССР. М., 1981. № 1. С. 144 – 155.
61. Пелевин Ю.А. Первая протестная демонстрация в России // Вопросы истории. М., 2012. № 8. С. 14 – 29.

62. Пелевин Ю.А. «Священная дружина» против народовольческой эмиграции // «Будущего нет и не может быть без наук...». М.: Издательство Московского университета, 2005. С. 604 – 634.
63. Пищулин Ю.П. М.Е. Салтыков-Щедрин и «Священная дружина» (по новым материалам) // Русская литература. Л., 1968. № 1. С. 176 – 183.
64. Русанов Н.С. Политика Н.К. Михайловского // Былое. СПб., 1907. № 7. С. 124 – 139.
65. Русова С.Ф. К сорокалетию черниговского земства (1865–1905) // Русская мысль. М., 1904. № 12. С. 94 – 134.
66. Сватиков С.Г. Проекты народного представительства в России в 1882 г. // Голос минувшего. М., 1913. № 7. С. 242 – 248.
67. Сенчакова Л.Т. «Священная Дружина» и ее состав // Вестник Московского университета. М., 1967. № 2. С. 62 – 83.
68. Струве П.Б. Откуда и куда // Освобождение. Париж, 1904. Кн. 2. С. 15 – 29.
69. Теодорович И.А. 1 марта 1881 года // Каторга и ссылка. М., 1930. № 3. С. 16 – 72.
70. Ульянова Л.В. Колыбель российского либерализма: тверские либералы глазами политической полиции (1880 – 1905) // Вестник Московского университета. М., 2008. № 6. С. 53 – 62.
71. Федорова М.Е. Московский отдел «Священной дружины» // Голос минувшего. М., 1918. № 1 – 3. С. 139 – 184.
72. Чернуха В.Г. Борьба в верхах по вопросам внутренней политики царизма (середина 70-х годов XIX в.) // Исторические записки. М., 1988. Т. 116. С. 161 – 186.
73. Чмырь С.Г. Шраг И.Л. // Государственная дума Российской империи, 1906 – 1917 [Энциклопедия] / отв. ред. В.В. Шелохаев (отв. ред.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Челябинск: Авто Граф, 2013. С. 814 – 815.

74. Шахматов Б.М. Николадзе Нико Яковлевич // Русские писатели. 1800 – 1917. Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. С. 312 – 315.

75. Шевырин В.М. «Пробудить чувства добрые» (графиня С.В. Панина) // Россия и современный мир. М., 2007. № 3. С. 218 – 239.

76. Шелохаев В.В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. М., 2007. № 5. С. 3 – 16.

77. Шестериков С. Ненайденная повесть Некрасова «Как я велик!»: библиографическая загадка // Литературное наследство / Под ред. П.И. Лебедева-Полянского, И.С. Зильберштейна, С.А. Макашина. М.: Наука, 1946. Т. 49 – 50. С. 611 – 613.

78. Шестопалов А.В. Верховная власть и российское общество в 60-е – 80-е годы XIX века // Вопросы истории. М., 2008. № 5. С. 116 – 126.

79. Широкова В.В. Газета «Самоуправление» // Вопросы истории. М., 1982. № 11. С. 180 – 184.

80. Шишманов И.Д. К вопросу о роли графа П.П. Шувалова в конституционном движении 80-х годов // Вестник Европы. СПб., 1914. № 1. С. 197 – 221; № 2. С. 183 – 198.

81. Шишманов И.Д. Конституционная записка графа П.П. Шувалова (К истории русского освободительного движения в 80-х годах XIX столетия) // Вестник Европы. СПб., 1913. № 8. С. 136 – 166.

82. Шульженко Ю.Л. Вопросы конституционализма в конституционных проектах XIX в. в России // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2020. Т. 15. № 1. С. 27 – 41.

Иностранная литература

1. Бажан М.П., Басс І.І. и др. Чия це фальшивка? // Вітчизна. Київ, 1965. № 8. С. 167 – 174.

2. Кеннан Дж. Последнее заявление русских либералов. Ростов-на-Дону: Донская речь, 1906. 48 с.
3. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 421 с.
4. Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М.: РОССПЭН, 2001. 429 с.
5. Тун А. История революционных движений в России / Пер. В. Засулич, Д. Кольцов. СПб.: О.Н. Рутенберг, 1906. 392 с.
6. Циллиакус К. Революционная Россия. Возникновение и развитие революционного движения в России. СПб.: В.И. Яковенко, 1906. 295 с.
7. Daly J.W. Autocracy under siege: security police and opposition in Russia, 1866 – 1905. DeKalb IL: Northern Illinois University Press, 1998. 260 p.
8. Himmelstierna H.v.S. Russia under Alexander III / Translated from German by J. Morrison. Edited, with explanatory notes and an introduction by Felix Volkonsky. London: T. Fisher Unwin, 1893. 306 p.
9. Lieven D. Russia's rulers under the Old Regim. New Haven; London: Yale university press, 1989. 407 p.
10. Lowe Ch. Alexander III of Russia. New-York: Macmillan and Co, 1895. 370 p.
11. Lukashevich S. The Holy Brotherhood: 1881 – 1883 // The American Slavic and East European Review. 1959, Vol. 18. No. 4. P. 491 – 509.
12. Manning R.T. The Crisis of the Old Order in Russia. Gentry and Government. New Jersey: Princeton University Press, 1982. 555 p.
13. Naimark N. Terrorists and Social-Democrats. The Russian revolutionary movement under Alexander III. [Cambridge]: [б. и.], 1983. 308 p.
14. Rindlisbacher S. Radicalism as Political Religion? The Case of Vera Figner // Totalitarian Movements and Political Religions. 2010. № 1. P. 67 – 87.
15. Ruud Ch.A. and Stepanov S.A. Fontanka 16: the tsar's secret police. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1999. 394 p.

16. Фэй Хайтин. Федеративные идеи в политической теории русского народничества (А.И. Герцен, М.А. Бакунин, П.Л. Лавров, П.Н. Ткачев). СПб.: Алетейя, 2018. 160 с.